

наследие
СЕМИ
ЗВЕЗД

18+

Аделаида Мур

Наследие семи звёзд

«Автор»

2026

Мур А.

Наследие семи звёзд / А. Мур — «Автор», 2026

В королевстве дар виден по глазам. Изумруд — воздух, лазурь — вода, рубин — огонь. Одарённых детей ставят на учёт, клеймят и растят в Академии Цепей, чтобы те служили короне до последнего вздоха. Рождённых с двумя искрами убивают в колыбели. Мелисса выросла в семье «пустых» на окраине шахтёрского городка. Уже три года она живёт среди беглых магов Ордена Искры: днём оттачивает дар воздуха, ночью старается не засыпать, потому что её мучают кошмары. О второй искре, спящей под изумрудом, не знает даже лучшая подруга. Когда король объявляет охоту на мага с тремя дарами, серые плащи инквизиции начинают прочёсывать королевство — деревню за деревней. Можно спрятаться за чужим именем и амулетом, гасящим цвет глаз. Хуже другое: чем сильнее Мелисса давит свой дар, тем громче он отзывается. А седьмая звезда, единственная не спустившаяся на землю, всё так же висит над её головой и смотрит в ответ.

© Мур А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Звезда, которая не упала	5
Глава 2. Пыль и корица	8
Глава 3. Тот, кто смотрит из воды	11
Глава 4. Деревня, где не поют птицы	14
Глава 5. Город под угольным небом	18
Глава 6. Высокие окна	24
Глава 7. Свет под землёй	29
Глава 8. Запечатанный	33
Глава 9. Поводырь	37
Глава 10. Честная дуэль	43
Глава 11. Аметист	47
Глава 12. Ты не обязан	52
Глава 13. Самая долгая ночь	56
Глава 14. Там, где не ждут	61
Глава 15. Помни	66
Глава 16. Цена слова	71
Глава 17. Клеймо	75
Глава 18. Чужое лицо	79
Глава 19. Земля никого не роняет	83
Глава 20. Игра в вежливость	86
Глава 21. Дверь с обеих сторон	90
Глава 22. Гостя	94
Глава 23. Свидетели	98
Глава 24. Без протокола	102
Глава 25. То, что остаётся	105
Глава 27. Здесь не спрашивают	107
Глава 27. Здесь не спрашивают	110
Глава 28. Оттепель	113
Глава 29. Площадь	117
Глава 30. Горн	121

Аделаида Мур

Наследие семи звёзд

Глава 1. Звезда, которая не упала

В тот вечер мама вернулась с площади молча.

Обычно она приходила с рынка полной новостей: у кого телега увязла, кто с кем бранился у колодца, почём нынче репа. А тут — вошла, поставила корзину, поцеловала Мелиссу в макушку и села к очагу, не сняв платка. От неё пахло, как всегда, мятой и дымом, но руки, огрубевшие от стирки, помешивали похлёбку чуть быстрее, чем нужно.

Мелисса ждала. Взрослые думают, что дети ничего не замечают. Дети замечают всё — просто не знают ещё, как об этом спрашивать.

За окном стемнело. Ветхая ставня дребезжала на сквозняке, и Мелисса натянула шерстяное одеяло до самого носа, оставив снаружи лишь глаза. За глиняными стенами их дома лежала окраина Угольного Холма — городка, который даже на картах королевства обозначали неохотно, будто боялись испачкать пергамент угольком.

— Мам, — позвала она наконец. — Расскажи про семь звёзд.

— Опять? — Мама обернулась, и на её лицо вернулась улыбка — почти настоящая. — Ты же знаешь эту сказку наизусть.

— Расскажи, как будто я её в первый раз слышу.

Мама вытерла руки о передник, пересела на край лежанки и поправила одеяло. Заговорила она тихо, нараспев, как когда-то рассказывала её собственная бабка.

— Когда мир был ещё молод и пуст, на небе горело семь звёзд. И звёзды эти были живыми. Они смотрели вниз и видели, что земля пуста. Тогда самая старшая сказала

— «Я спущусь и стану твёрдой опорой», — прошептала Мелисса одними губами, слово в слово.

— и там, где она коснулась земли, встали горы и скалы. Так родилась наша Земля. Вторая звезда сказала: «Я дам память» — и наполнила низины водой, которая помнит всё, что в ней отражалось.

— Всё-всё?

— Всё-всё. Каждое лицо, каждое облако. Поэтому в чистую воду смотрят осторожно. — Мама легонько щёлкнула её по носу. — Третья сказала: «Я дам движение» — и стала воздухом, что обнимает всё живое. Четвёртая подарила миру тепло: упала в самое сердце камня и стала огнём. Пятая сказала: «Я дам правду» — и осталась в небе, но не погасла. Так родился свет.

— Теперь шестая. — Мелисса заворочалась под одеялом: шестую она любила и боялась одинаково.

— Шестая шепнула: «Я дам покой» — и упала туда, куда не проникает свет. Укрыла всё тенью, чтобы уставшие могли отдохнуть. Так родилась тьма. — Мама помолчала, как молчала всегда на этом месте, и Мелисса задержала дыхание. — Осталась одна звезда. Самая маленькая и самая тихая. Она посмотрела на дело сестёр и спросила: «Вы создали мир. Но кто свяжет вас вместе? Кто не даст Земле развалиться, Ветру развеяться, Воде испариться, а Огню угаснуть? Кто не даст Свету ослепить, а Тьме — поглотить всё?» И не стала падать. Осталась гореть в небе, чтобы нитью прошить всё сущее. Назвали её Эфиром, и родила она Жизнь. Так на земле появился человек.

— И если человек родился с искрой звезды в глазах — подсказала Мелисса.

— значит, звезда позвала его на помощь. А кто родится с огнём всех шести — тот свяжет мир заново, когда старая ткань износится.

Мелисса любила эту сказку не за обещание великого короля. А за то, что в ней каждая сестра выбрала свою судьбу. Сама. Никто не говорил горе быть горой.

— Мам. — Она посмотрела в щель между ставнями, где тускнел крохотный огонёк Эфира. — А почему седьмая так и не спустилась?

— Просто её время ещё не пришло. Она ждёт, когда родится тот, кто сможет управлять дарами всех её сестёр.

— Я бы хотела иметь все дары, — мечтательно улыбнулась Мелисса, уже рисуя в воображении, как поднимает горы и зажигает огни.

Свеча дрогнула от сквозняка. А мама вдруг оказалась совсем близко — её пальцы сжали плечи дочери так, что стало больно, и в глазах было то самое выражение, какое бывало, когда мимо дома проходили королевские патрули.

— Никогда так больше не говори. — Голос был тихим и оттого страшнее крика. — Ты меня поняла? Никогда и никому.

— Поняла, — прошептала Мелисса, хотя не поняла ничего.

Мама хотела сказать что-то ещё, но за дверью послышались тяжёлые шаги, и она разжала пальцы так быстро, будто их и не было.

В дом вошёл отец — серый от каменной пыли, с усталыми плечами. Окинул комнату взглядом и остановился на дочери.

— Не спишь, колючка?

Мелисса зажмурилась и издала самый фальшивый храп, какой только могла изобразить, — похожий скорее на пыхтение рассерженного ёжика.

— Ну и актриса, — прошептал отец с нежностью. Родители переглянулись, и на их лицах, наконец, расцвели настоящие улыбки.

Он скинул куртку, поставил у порога стоптанные сапоги и бесшумно подошёл к лежанке.

— А у меня для актрисы кое-что есть. — На его ладони, в корке серого камня, блистала тонкая пластинка — слоистая, прозрачная, ловившая свет свечи всеми гранями сразу. — Слюда. Мы такие в каменоломне зовём упавшими звёздами. Гора хранила её для тебя, наверное, тысячу лет.

Мелисса забыла, что спит. Пластинка легла в её ладонь — прохладная, легче пёрышка.

— Настоящая звезда?

— Самая настоящая. Только уставшая. — Отец подхватил её вместе с одеялом. — Как и ты.

Он нёс её через крошечный коридорчик в спальню, где стояла кровать с вышитой мамой наволочкой, осторожно опустил на перину и поцеловал в лоб.

— Спи, колючка.

Дверь притворилась, но не до конца. За тонкой стеной зазвучали голоса — сначала неразборчиво, потом Мелисса наострила уши и придвинулась к самой стене.

— Сегодня на площади был смотр, — сказала мама.

Вот оно. Вот почему она вернулась молча.

— Кто? — Папин голос был глухим, усталым.

Долгая пауза.

— У дочери мельника глаза зажглись. Завтра за ней придут из Академии.

— Нужно отнести им что-нибудь. Хлеба испеки, что ли.

Мелисса не поняла: разве это не радость — стать магом? Разве мельнику не завидует теперь вся улица? Но хлеб пекут соседям, у которых горе.

— Что, если — начала мама.

— Прекрати, Миранда. Мы оба пустые.

— В соседней деревне кузнец и его жена тоже были пустыми. — Мамин шёпот стал почти неслышным, и Мелисса вжалась в стену. — У них родился мальчик с двойным даром. Его убили, Роберт. Ребёнка. Убили.

— Прекрати, — повторил отец, и в его голосе что-то закрылось, как ставня. — Это слухи. У нашей дочери ни разу не проявлялся дар. До проверки ещё два лета. Ты только зря пугаешь себя и её.

За стеной стало тихо. Так тихо, что Мелисса слышала, как потрескивает свеча в соседней комнате и как где-то далеко, на площади, лает одинокая собака.

«Я не хочу быть пустой, — думала она, сжимая в кулаке упавшую звезду; острый край слюды впивался в ладонь, и это было почти приятно. — Я хочу быть звездой. Хоть одной. Хоть одной из шести».

Про все дары она больше не думала. Обещала же.

Мелисса перевернулась на бок. В щели между ставнями виднелся клочок ночного неба, и там, среди крупных и ярких, упрямо мерцала самая маленькая звезда — та, что так и не упала.

«А ты боишься?» — спросила её Мелисса.

Звезда мигнула. Наверное, это просто ветер качнул ставню.

Она зажмурилась и постаралась уснуть — забыть страх в мамином голосе и мёртвого мальчика, которого никогда не знала. Веки отяжелели, дыхание выровнялось, и Мелисса провалилась в глубокий сон.

Ей снилась площадь — та самая, где днём шумели ярмарки, а по праздникам зажигали фейерверки. Но теперь площадь была пустой и серой, и над ней висело низкое свинцовое небо. Без единой звезды.

Она стояла босиком на холодных камнях. Ветер гулял между закрытых лавок, гоня сухие листья, и больше не двигалось ничто.

А потом из переулков начали выходить они.

Высокие, в длинных тёмных плащах с королевским гербом — серебряным мечом, пронзающим круг. Они шли медленно, со всех сторон разом, и шаги их звучали как один удар. Бух. Бух. Бух.

Мелисса рванулась бежать — ноги приросли к камням. Хотела закричать — страх сжал горло.

— Где ты? — произнёс ледяной голос.

Ближний капюшон откинулся. Под ним не было лица. Только тьма, в которой горели два разноцветных огня: алый и лазурный. Два разных — как у того мальчика из соседней деревни, которого она никогда не знала.

Рука в чёрной перчатке потянулась к ней.

Мелисса дёрнулась изо всех сил — и камни площади разошлись под босыми ногами. Она полетела в пустоту, не успев даже вдохнуть.

Глава 2. Пыль и корица

С той ночи прошло тринадцать лет.

Мелисса медленно повернула голову и посмотрела наверх. Серая предрассветная дымка ещё не рассеялась, и среди бледнеющих облаков всё так же тускло мерцала та самая звезда.

«Ты всё ещё здесь», — с облегчением подумала она.

Рядом заворочалась соседка.

— Опять не спала? — Эрида приподнялась на локте; в утреннем свете проступило её лицо — смуглая кожа южных земель и густая копна выющихся волос.

— Кошмар.

— Снова они? — Эрида вздохнула, выбралась из спального мешка и потянулась так, что хрустнули суставы. — Вставай. Чувствуешь, как пахнет? Если успеем, возьмём к каше ещё и масла.

Они называли себя «Орден Искры». В королевстве их звали тлеющими отбросами, но даже самая маленькая искра может разжечь пламя, если найдёт правильное топливо, — и корона это прекрасно понимала. В лагере жили тридцать шесть магов-изгоев: глаза всех цветов, беглецы из городов, из Академии Цепей, из домов, где их держали как цепных псов. Глаза Мелиссы горели изумрудом — дар воздуха, самый свободный. Для Ордена она была просто ещё одной беглянкой, которой повезло.

Костёр в центре лагеря уже разгорался.

— Мелисса! — окликнул хриплый голос из-за дыма. — Иди сюда, пока всё не разобрали.

Кира, женщина с пепельными волосами и выжженным почти до предела алым взглядом, налила ей каши и щедро полила топлёным маслом. Многие боялись её резкого языка; Мелисса знала, что за ним прячется женщина, потерявшая в королевских застенках саму способность радоваться.

— Ты вторая, — хмыкнула Кира. — Эрида уже утащила свою порцию и две корки.

— Что там вчерашние беглецы? — спросила Мелисса, усаживаясь рядом с подругой.

— Трое бежали из Академии, двоих поймали по дороге. — Эрида поджала губы. — А третий совсем мальчишка. Всё бубнит себе под нос, что видел трёхцветного.

Мелисса замерла с ложкой у рта. Маги с двумя дарами были обречены на смерть в колыбели. А тут — сразу три?

Мальчик сидел поодаль, у телеги с дровами, — колени к подбородку, взгляд в костёр. Пурпурные глаза, редкие даже для Ордена, казались слишком взрослыми для такого худого лица. Кира поглядывала на него между делом, но не подходила: он был похож на зверя, который ещё не решил, кусаться или нет.

Мелисса подошла и молча сунула ему свою нетронутую горбушку. Она не знала, как разговаривать с теми, кто не готов говорить; она просто помнила, как хорошо было, когда её саму никто не заставлял.

— Меня зовут не так, как здесь записали, — сказал он вдруг, тихо, будто делился тайной, которую сам не до конца понимал. — Но отец просил называться иначе.

— Ладно. — Она села рядом, не спрашивая, что это значит. — Тогда просто ешь.

Больше они не разговаривали.

У поляны её ждал Эрвин, опираясь на посох. Слепой наставник повернул голову на звук шагов раньше, чем она успела их замедлить.

— Мелисса. Поведай мне, дитя, как проснулся твой дар?

— Мне было шесть. Приснился кошмар — инквизиторы пришли за мной. А когда проснулась, дверь выбило ветром. Мама после этого запретила мне выходить на улицу.

— Хорошо. Этого хватит. — Эрвин поднялся с бревна, оставив её с открытым ртом. — Продолжим в другой раз.

На общем собрании он говорил недолго.

— В столице началась охота. Король ищет того, в ком горит больше двух даров, и, судя по всему, знает, что такой человек существует. Ордену придётся сократить походы: попадётся один — попадутся все. Любой, кто ослушается, не вернётся.

Слепой взор будто на мгновение коснулся четвёрки у костра.

— Надеюсь на ваше благоразумие.

* * *

Неделю лагерь жил на голодном пайке новостей и терпения. Походы сократили до одного, самого необходимого, — и сегодня вылазку возглавлял Шамаш.

— Куда собралась? — окликнул он Мелиссу, когда та проходила мимо с пустой флягой.

— Воду набрать. И потренируюсь. Ты же сам говорил, что я слабая.

— Я говорил, что тебе нужно больше практики. Не перекручивай. — Он собрал дреды в тугой пучок и спрятал под капюшон. — Вернусь — покажу пару приёмов. У земли и воздуха есть общие точки: ветер поднимает пыль, а пыль — почти земля.

— Возвращайся целым. И принеси чего-нибудь вкусного.

— Договорились, — хмыкнул Шамаш и махнул своим. — Идём, пока солнце не встало.

Своё место у реки Мелисса нашла давно: за первым изгибом, под густыми ивами, где никто не видел её неудач. Она закатала штанины, ступила в ледяную воду и подняла руки. Вихрь закружился вокруг запястий — изумрудный, почти прозрачный, — дёрнулся, метнулся в сторону и рассеялся, подняв пыль с берега.

— Ты слишком стараешься.

Мелисса чуть не потеряла равновесие. У ивы, привалившись к стволу, стоял Тобиас — вечно растрёпанные, почти рыжие волосы и дерзкая усмешка, которую он носил как часть лица.

— Эрида жалуется, что ты плохо спишь. Решил проверить. — Он присел у воды и окунул ладонь. — И место ты выбрала странное. Воздух у воды тяжёлый, влажный. Он не хочет слушаться — он хочет плакать дождём. Шла бы на поляну, где ветер свободный.

Она нахмурилась: три года в Ордене, а такие простые вещи упускает. Хотела огрызнуться — и тут брызги воды попали ей на лицо. Тобиас сидел на прежнем месте, на достаточном расстоянии, чтобы капли не долетели до него самого.

— Как ты это сделал?!

— Камень бросил. Не заметила?

— Звука не было!

Он ещё пытался улыбаться, но алые глаза на мгновение потемнели, и Мелисса снова поймала в них едва заметный изумрудный отблеск. Она вышла из воды и вцепилась в его руку: теперь не отшутиться.

Тобиас обречённо вздохнул. Посмотрел на ивы — и ветви качнулись против ветра, послушные крохотному вихрю вокруг его пальцев.

— Как давно? — выдохнула она.

— Всегда. Мне было восемь, когда я сжёг сарай в отцовском поместье. Думал, огонь вырвался из-под контроля, а потом понял: доски разметал не огонь. — Улыбка сползла окончательно. — Отец прятал меня шесть лет. А потом стал считать, во что ему это обходится. Остальное — не сегодня, колючка.

Прозвище кольнуло что-то глубокое: так звал её отец — за упрямство и острый язык. Она не стала давить.

— Я никому не скажу.

— Знаю. — Он поднялся и потянул её за собой. — Идём. Кира наверняка уже раздаёт обед.

К закату разведчики вернулись. Шамаш шёл первым, скинув капюшон, и с таинственным видом выкладывал перед Кирой свёртки: соль, перец, сушёный чеснок и мешочек коричневых семян, от которых её рубиновые глаза сверкнули, а на лице появилась редкая улыбка.

— Корица, — довольно произнесла она. — В городе было тихо?

— Относительно. — Шамаш понизил голос. — Патрули перекрыли все выходы. Ищут кого-то конкретного. Говорят, один из королевских псов умело скрывал три дара. Ушёл на запад.

— На запад? Там же только пустоши

Договорить им не дал девчачий визг: Эрида повисла на шее брата.

— Тебе за двадцать, а ты всё виснешь, — проворчал он, но руки уже обнимали сестру. — Слезай, я весь в дорожной пыли. Иди лучше помоги Кире.

Мелиссу он нашёл взглядом сам.

— Держи. — В её ладонь лёг маленький холщовый мешочек. — Травник сказал, корень помогает от кошмаров. Заваривай на ночь. И не смотри так: Эрида готова весь лагерь объесть, Тобиас — спалить, а ты — довести себя до изнеможения. Кто-то же должен о вас думать.

— Спасибо. — Мелисса спрятала мешочек за пазуху, надеясь, что он не заметил красных кончиков её ушей.

— Приходи после ужина на поляну. Покажу обещанное.

Шамаш ждал её с кружкой чая и таким выражением, будто заранее знал, что она опоздает.

— Я не опоздала.

— Я ничего и не говорил. — Он отставил кружку и вышел на середину поляны, где трава была редкой, а земля пыльной. — Итак. У тебя воздух, у меня земля. Говорят, они несовместимы. Но не зря говорят и другое: Эфир соединяет всё сущее. Научись таскать пыль ветром — сможешь то, что не всякому земляному под силу. Ослепить врага. Сбить с ног гравием. Поднять облако и уйти незаметно.

Первую пригоршню песка Мелисса уложила в ствол дерева со второй попытки. Вторую — в лицо Шамашу, не удержав правую руку.

— Первый раз у всех так, — прокашлялся он, вытирая лицо рукавом. — Ветер — это твоя рука. Не толкай его — направляй. Теперь попробуй поднять пыль вокруг меня.

Дальше было унизительно: он уходил от каждого её порыва в последнюю секунду.

— Ты специально!

— А ты думала, враг будет стоять смирно? Ладно. Я предупрежу, когда начну двигаться. Готова?

Она кивнула — и не стала ждать. Вместо того чтобы бросить ветер в него, она подняла пыль под ногой, которой он собирался шагнуть. Нога ушла в сторону, и Шамаш сел на спину, изумлённо глядя в небо.

— Это было нечестно, Мэл.

— А ты думал, враг кричит о выбранной атаке?

Он смеялся так, что эхо разнеслось по лесу, — а потом хитро прищурился:

— Но если расскажешь кому-нибудь, что я упал, буду отрицать это до конца жизни.

— Даже Эриде?

— Особенно Эриде. Пусть будет нашим секретом.

Мелисса посмотрела на небо, теперь уже звёздное, и улыбнулась. Ночь была ясной. Только с востока, оттуда, где лежали королевские тракты, тянуло сыростью.

Глава 3. Тот, кто смотрит из воды

Сначала не вернулась разведка. Четверо магов — опытных, осторожных — ушли на рассвете и должны были вернуться к закату. Не вернулись. Той ночью никто не спал: тел не было, нечего было предать земле, и люди шептали древние молитвы, надеясь, что четверо просто ушли, а не сгинули.

А потом пришёл туман.

Он не поднимался с земли, как обычно, — он сползал со стволов, стекал по ним, как густой кисель, и каждый день заползал в лагерь непрошеным гостем.

— Осенью туманы — обычное дело, — говорил Тобиас, но выходило неубедительно.

— Это не просто туман, — качал головой Шамаш. — Он приходит с востока, со стороны патрулей. И я чувствую в нём магию.

Ворос, единственный маг света в лагере, теперь каждый вечер выходил на край поляны, и его руки мерцали золотым, окутывая палатки дымкой, прячущей их от чужих глаз. С каждым днём старик выглядел всё измождёнее.

В тот вечер Мелиссе не спалось — в груди завязывался узел, которому она не находила имени.

— Пойду умоюсь, — сказала она, выбираясь из мешка.

— Сходить с тобой?

— Ложись. Я туда и обратно.

У ручья было тихо — только вода и туман, стиравший границы. Мелисса зачерпнула воды, умылась и замерла.

Из ручья на неё смотрело чужое отражение. Чёрный плащ, глубокий капюшон — и два огня в темноте под ним. Правый — рубиновый, яркий. Левый — лазурный, глубокий, как морская пучина.

— Ты — прошептала она, не в силах пошевелиться.

— Что ты делаешь? — раздалось со стороны ив.

Она резко обернулась. Между ивами, привалившись к стволу, сидел мужчина: светлые, почти белые волосы, глаза жёлтые, с золотистым отливом. В лагере был только один маг света — и это был не он.

— Кто ты? — Она старалась, чтобы голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала.

— Меня зовут Нанум, — ответил он, и в голосе послышалась лёгкая печаль. — Я пришёл предупредить. В твоём отражении сегодня был не просто туман. Если не уйдёшь из этого лагеря — он найдёт тебя. Всех вас.

Туман сгустился — и между ивами уже никого не было.

— Подожди! Кто — он?!

— Мелисса! Ты где? — Тобиас спешил к ней с фонарём. — Чего застыла? Эрида волнуется.

— Всё нормально, — сказала она, пытаясь унять дрожь в коленях. — Просто умывалась.

Он явно не поверил, но давить не стал. А когда она в последний раз обернулась к деревьям, ей показалось, что в глубине снова мелькнули два светлых огня.

* * *

Три дня она отдавала себя тренировкам: вставала раньше всех и работала до изнеможения — лишь бы не думать о рубине и лазурите в собственном отражении.

— Ты выглядишь как призрак, — сказал Шамаш, найдя её на поляне. Он опустился на корточки и поднял горсть сухой листвы. — Чтобы росток стал деревом, нужно время. Заливай его каждый час — и сгниешь корни.

— Я не росток. Я не могу ждать годы.

— Знаю. Но доведёшь себя — и будешь бесполезна, когда наступит момент. — Он помолчал. — Что случилось той ночью у ручья?

— Ничего.

— Ты врёшь.

— Вру. — Она выдохнула под тёплым янтарём его взгляда. — Я видела глаза. В своём отражении. Рубин и лазурит. И мне кажется, оно всё ещё здесь. Наблюдает Шамаш, в лагере был когда-нибудь маг по имени Нанум?

Он честно попытался вспомнить.

— Нет. Кто это?

— Знакомый, — ответила она, стараясь быть убедительной. Он не поверил и в это, но продолжения не получил.

— Один приём — и в лагерь, — пообещала Мелисса. Спорить с ней, когда она что-то решила, не брался даже он.

Она подняла руки, и ветер откликнулся мгновенно — сильный, упругий, он закружил листья, поднял волосы, понёс её, как в детстве. Она кружилась, становясь частью этого танца, и не заметила, как усталость бессонных ночей взяла своё. Мир поплыл. Трава качнулась навстречу.

Последним пришло осознание: она падает.

Резкий запах ударил в нос. Мелисса открыла глаза — небо было багровым.

Всё горело. Палатки полыхали факелами, люди бежали, кричали, падали. Тобиас стоял в центре огня, и пламя лизало его одежду; над ним возвышался инквизитор с двумя алыми глазами.

— Тобиас! Я иду!

Он посмотрел на неё и улыбнулся — той самой улыбкой, что у костра в их лучшие вечера.

— Беги, колючка, — прошептал он одними губами, и пламя сомкнулось над ним.

Перед ней выросла каменная стена, закрывая от удара.

— Вставай и беги отсюда! — Шамаш одной рукой держал стену, второй швырял в инквизиторов булыжники. А потом его окружили и заперли в воздушной ловушке: камни, подхваченные потоком, срывали с него кожу, кислорода становилось всё меньше, ран — всё больше.

— Бра-ат! — Эрида рванулась к нему, сбивая магов волной, — и каменное копьё, брошенное прицельно, вонзилось ей в сердце, прибив к дереву.

— Беги — прохрипела она.

И Мелисса побежала — через горящий лес, мимо гаснущих глаз: рубинов, изумрудов, лазуритов, янтарей. Споткнулась, упала. Пепел оседал на лицо, дым отравлял лёгкие.

— Вставай, — прошептал голос. — Вставай, Мелисса

* * *

Ливень хлестал по лицу.

— Мели-и-сса, — протянул Тобиас, наклонившись над ней.

Лагерь стоял на месте. Палатки целы, криков нет — только дождь. Она попыталась сесть, и улыбка сползла с его лица: он не привык видеть её такой — бледной, дрожащей, с застывшими слезами.

Мелисса подалась вперёд и обняла его — так крепко, словно боялась, что он растворится дымом. Плечи содрогнулись, послышались тихие рыдания.

Тобиас застыл на мгновение, а потом его руки обвили её вокруг неё.

— Эй. Всё хорошо, — сказал он шёпотом и стёр пальцем влажную дорожку с её щеки.
— Всё хорошо.

Утром, едва туман рассеялся, она стояла у палатки Эрвина, кусая губу и не решаясь войти.

— Войди, — раздался спокойный голос старика.

Внутри пахло сухими травами. Эрвин сидел на низкой скамье, перебирая чётки, и его пурпурные глаза смотрели сквозь неё, как всегда.

— Я знал, что ты придёшь. Садись.

— Мне снился сон. Лагерь горел. Все погибли, я слышала крики и до сих пор чувствую запах. — Голос задрожал. — Может, это просто туман? Может

Старик поднял руку.

— Сны — не просто игры разума, дитя. Особенно у таких, как мы. Вода — это память. Она отражает прошлое, настоящее и будущее.

— Но я ведь не водный маг. Вы сами знаете.

Эрвин загадочно улыбнулся, будто видел что-то, скрытое от неё.

— Что тебе снится чаще всего?

— Дом. Площадь. — И она рассказала про кошмары, преследовавшие её с детства.

— Откуда ты, дитя?

— Из Угольного Холма.

— Теперь понятно. — Он кивнул. — Ты давно открыла в себе второй дар, но испугалась и закрыла эту дверь. Вода пытается заставить тебя вспомнить. Хочет наружу. Ты должна вернуться туда, где всё началось. Если в твоём прошлом есть ключ к тому, что ты видела, он ждёт тебя только там.

Вернуться в родной город. Оставить Орден — безопасный дом, который она совсем недавно обрела. Была ли она к этому готова?

— Я пойду, — робко сказала она. — Но

— Наши двери для тебя всегда открыты, — опередил её Эрвин. — Ты часть Ордена.

Полог откинулся. На пороге стояли Эрида, Тобиас и Шамаш — все трое даже не скрывали, что грели уши снаружи.

— Мы пойдём с тобой, — выпалила Эрида.

— Вы не обязаны

— Нет! — Подруга шагнула к ней и схватила за руки. — Ты думала, мы отпустим тебя одну? Мы семья, Мелисса. Это не обсуждается.

Парни не сказали ни слова — просто кивнули. Мелисса смотрела на них сквозь подступившие слёзы. Что ждёт их впереди, она не знала. Знала одно: она не одна.

Сборы вышли короткими. Кира ворчала — «молодые, худые, как жерди» — и запикивала в мешки свёртки, пока те не перестали закрываться; среди сухарей нашёлся даже кусочек сыра, который она берегла для особого случая. Орден выделил двух лошадей, и Шамаш молча проверил подпруги.

Эрвин подошёл последним, тяжело опираясь на посох.

— Я принял решение: мы уведём Орден глубже в лес. Если твои сны — не просто видения, лагерю лучше исчезнуть. — Его ладонь легла ей на плечо. — Не вини себя. Ты правильно сделала, что рассказала. А теперь иди. Найди свои ответы. И берегите друг друга.

Слова застряли в сжавшемся горле, и вместо них Мелисса просто обняла старика.

Когда лошади тронулись, она оглянулась: палатки уже сворачивали, Кира махала рукой с пригорка. Выезжая из леса, Мелисса подняла глаза к небу, где всё так же упрямо мерцала седьмая звезда — маленькая, тусклая.

— Домой, — прошептала она.

Глава 4. Деревня, где не поют птицы

Они ехали несколько дней, ночуя под открытым небом, пока лес не начал редеть и в низине между двух холмов не показалась деревушка: несколько десятков домов с соломенными крышами, кривой колодец, старая мельница, давно не моловшая зерна.

— Тихий Брод, — прочитал Шамаш на покосившемся указателе. — Здесь есть таверна, переночуем. Но будьте осторожны и не привлекайте внимания.

— Таверна? — оживилась Эрида.

— С горячей едой? — подхватила Мелисса.

— И выпивкой, — заключил Тобиас.

Мелисса разглядывала деревню, и что-то в ней было не так. Слишком тихо для середины дня. Ни собак, ни детей, ни старух на завалинках.

— Я даже птиц не слышу, — сказал Тобиас.

— Птицы есть, — отозвался Шамаш. — Вон, в роще. Не поют. Сидят и смотрят.

В таверне — единственном здании с вывеской — их встретил хозяин лет пятидесяти, с седой щетиной и усталыми глазами.

— Отто, — представился он, принося тёмное пиво. Потом оглянулся на дверь и понизил голос: — Вижу, вы не из наших краёв. Глаза. Не бойтесь, я не доносчик — я старик, который хочет предупредить. В лесу бродят культисты. Поклоняются тому, что лежит под землёй, и ищут того, в ком горит больше одного дара. Верят: принеси такого в жертву в нужном месте — и откроется проход в мир, где магия не угасает. Путники у нас гости редкие. Пропадают где-то в лесах.

К кружкам больше никто не притронулся.

Дверь скрипнула, и в таверну шагнул мужчина — высокий, плечистый, с тёмной бородой и длинным ножом на поясе. Отто мгновенно ретировался за стойку. Взгляд вошедшего прошёл по лицам и задержался на изумрудных глазах Мелиссы чуть дольше, чем следовало.

— Про культистов уже рассказали? — Он хохотнул, и смех оборвался так же резко, как начался. — Водятся. И убивают. Таких же глазастых и языкастых — прямо по горлу, что и крика не будет. Тихо, чисто. Как режут скотину.

Он провёл пальцем по своему горлу — медленно, с нажимом. Мелисса встретила взглядом с Шамашем: оба думали об одном. О четырёх магах, которые ушли на рассвете и не вернулись.

Мужчина бросил на стойку монету:

— Отто. Налей-ка моего тёмного.

Трактирщик пошёл к бочке, стоявшей отдельно от остальных.

Тобиас наклонился к друзьям и прошептал так, что слышали только они:

— Видели? Ему — из другой бочки. Ничего здесь больше не ешьте и не пейте.

— Я проверю лошадей, — громко сказал Шамаш и вышел. Бородач, опустошив кружку, двинулся следом.

Вернулся Шамаш через несколько минут и заговорил почти беззвучно:

— Он следил за каждым моим движением. И вот что: деревня давно пуста. Дым, голоса, прохожие — всё ненастоящее. Люди, что нам встречались, — культисты. Это ловушка.

— Тогда уходим. Сейчас же, — побледнела Эрида.

— Нет. Темно, лошади устали — в лесу нас догонят или мы нарвёмся на засаду. Займём одну комнату. Двое спят, двое дежурят.

Отто словно учуял неладное — подошёл с подносом, и руки его мелко дрожали.

— За счёт заведения. Пиво бродит, жалко, чтоб пропадало.

Он слишком улыбался. Шамаш поднялся, загородив собой остальных, и забрал поднос с холодной вежливостью:

— Мы устали с дороги. Допьём в комнате.

Наверху Шамаш первым делом проверил ставни.

— Мелисса и Эрида — отдыхать. Мы с Тобиасом подежурим.

— Я не усну, — качнула головой Мелисса.

— Тогда первая смена — ты и я.

Тобиас с Эридой уснули слишком быстро, будто их выключили. Мелисса проверила пульс на шее подруги: ровный, но медленный.

— Он что-то подмешал. Они спят как мёртвые.

— Значит, нам нельзя. — Шамаш сел у двери, положив клинок на колени, и похлопал рядом с собой.

Она опустила голову около него, положив голову на плечо.

— Можешь отдохнуть. Подежурю сам.

— Нет. Тебе станет скучно одному, и ты тоже уснёшь.

— Это самое странное объяснение, которое я слышал. Я думал, скажешь что-нибудь про долг.

— Вы сами увязались за мной. Теперь терпите.

— Вот как? Ты ведь даже не знала, в какую сторону идти. Через пару дней тебя задрали бы волки. Да и скучно мне: надоело слушать, как Эрида поёт одни и те же песни. Ты хотя бы приносишь разнообразие — кошмары, культисты

— Так ты пошёл за впечатлениями? А я думала — спасти наши задницы.

— Спасать вас — приятное дополнение.

Она толкнула его локтем, и он тихо, почти беззвучно рассмеялся.

— У тебя есть мечты? — вдруг спросила Мелисса.

— Мечты? Большой дом. Сад, где Эрида будет выращивать свои растения, как любила в детстве. Красавица жена, много детей.

— Ты будешь хорошим отцом. Только у хороших отцов очень вредные дети.

— Неужели? Значит, у тебя был хороший отец.

— Да, — тихо сказала она. — Самый лучший.

Шамаш протянул руку и взял её нос двумя пальцами, как делал в детстве с Эридой.

— А о чём мечтает наш ёжик?

Она фыркнула — и поняла, что действительно похожа сейчас на насупившегося ежа.

— Не знаю. У меня нет мечты.

— Может, потому что боишься? Что не сбудется. Или что отнимут. — Он помолчал. — Давай так: я не дам твоей мечте умереть. Какой бы она ни была. Даже если ты сама ещё не знаешь, о чём она.

У неё на миг замерло сердце.

— Тогда моя мечта — чтобы у нас всех был дом. Настоящий. Где мы не будем прятаться и ничего не будем бояться.

— Хорошая мечта. Я её сохраню. Обещаю.

И Мелиссе очень хотелось ему верить.

Они проболтали ещё около часа, пока глаза не начали наливаться свинцом: то, что подмешал трактирщик, брало своё.

— Шамаш я не могу больше глаза закрываются

— Знаю. Я тоже Надо разбу

Она провалилась в темноту.

— Ты всегда попадаешь в неприятности? — Нанум сидел на том же месте между ив, и в его голосе была усталая насмешка. — Тебе надо проснуться.

— *Проснуться? Я сплю?*

— *Эфир, от чего же ты такая глупая? Проснись. ПРОСНИСЬ, МЕЛИССА!*

Сознание возвращалось медленно, как всплытие из чёрной воды. Каменный пол под щекой. Руки, связанные за спиной. Клетка. В соседних — Эрида и Шамаш, всё ещё без сознания, и Тобиас, сидящий у стены с бледным лицом.

— Вы должны были разбудить нас через три часа! — Его голос прозвучал резче, чем он хотел. — Что произошло?

— Мы уснули. Я не знаю как. Прости.

Он сдержал злость — только пальцы сжались в кулаки, хотя верёвки не давали двигаться.

— Я думал, вы все мертвы, — признался он наконец, отворачиваясь. — Уже прикидывал, как буду выбираться один и возвращаться, чтобы отомстить.

— Эй. Так просто ты от нас не отделаешься.

— Тогда к делу. Они собираются проводить ритуал — болтали, пока мы были в отключке. И вот что, Мелисса: они пустые. Ни искры. Просто люди, которым кто-то промыл мозги. Верят, что магию можно вырезать и забрать себе, — потому что так легче, чем смириться, что ты пустышка. — Он дёрнул запястьями. — Верёвки мокрые. Я час пытался их сжечь.

— Тем легче. — Она подняла на него глаза, блеснувшие в темноте подвала. — Раз мокрые — значит, это не магия. Это просто вода. А воду можно высушить.

Тобиас вскинул брови.

— Здесь нет ни артефактов, ни ловушек. Только хитрость. А хитрость можно обойти.

Эрида и Шамаш не приходили в себя — похоже, их опоили повторно. Унести обоих, отбиваясь и не зная местности, не вышло бы.

— Тогда запасной план, — сказал Тобиас, и голос его стал твёрже. — Если мы просто уйдём, они продолжают убивать. Магов, людей — всех, кто попадётся. Это зло нужно остановить.

— Это же убийство, Тоби

— Мы можем сохранить им жизни. А они заберут много других.

Она долго молчала, взвешивая. Он не торопил.

— Ты прав, — сказала она наконец.

Сушить верёвки воздухом было медленно, но через десять минут они были сухими.

— Не поджигай! — почти крикнула она, когда Тобиас сосредоточился. — Пусть думают, что мы всё ещё слабы. Завяжем обратно. А когда все фанатики соберутся на ритуал

В его глазах зажглась искра понимания — и что-то, очень похожее на уважение.

Вечером их перенесли в другой подвал — старый, со сводами, построенный будто задолго до самой деревни. Мелисса, приоткрыв один глаз, считала свечи, расставленные огромным кругом, и красные капюшоны. Запах крови мешался с сыростью и травами.

— Луна в зените. Мы готовы, — произнёс знакомый голос: бородач из таверны.

Десятки голосов затянули песнь на незнакомом языке. Мелисса сосредоточилась — на сырости, капавшей со сводов, на лужах между плитами. Воздух здесь был бессилен. И тогда внутри, там, где она годами держала какую-то дверь запертой, что-то подалось — и вода потекла по полу. Тонкая плёнка ползла между трещинами, как живая змея, подбираясь к ногам поющих, — медленно, в такт песнопению.

Воздух коснулся лица Тобиаса. Знак.

Они вскочили. Верёвки осыпались пеплом. Ветер отшвырнул ближайших культистов; Шамаш и Эрида поднялись над мокрым полом — дар, проснувшийся четверть часа назад, слушался неохотно, и удержать их стоило почти всех сил.

А вокруг Тобиаса огонь и воздух рождали своё дитя — вихрь, полный молний. Разряд ударил в воду.

Стоявшие в ней даже не успели закричать.

Когда всё стихло, Тобиас щелчком пальцев зажёл свечи. Мелисса аккуратно опустила тела друзей на сухие плиты — и сама осела на колени. Шок перехватил горло; воздух, всегда её союзник, стал вдруг слишком плотным для лёгких.

Тобиас сел напротив и взял её руки в свои.

— Смотри на меня. Только на меня. Всё закончилось.

— Я я убила их. Я знала, что они умрут, и всё равно

— Нет. Это я их убил. И если бы я их просто поджёг, они бы мучились, сгорая заживо. Их смерть была быстрой.

Наверху их встретила ночь — чистая, промытая, со звёздами. И Отто, которого Тобиас вывел из тени соседнего дома. Старик опустился на колени сам — никто его не толкал.

— Не убивайте. Рен, их вожак Рен — мой сын. Он был хорошим мальчиком, пока эти не промыли ему голову. Когда вас, спящих, опаивали второй раз, я подмешал двоим двойную дозу, а две кружки оставил чистыми. Не знал, кому какие достанутся. Просто надеялся, что кто-то очнётся и прекратит это безумие.

— Ты хотел, чтобы чужаки убили твоего сына? — спросил Тобиас.

— Я хотел, чтобы его остановили. Любой ценой. — Отто поднял голову, и в глазах его стояли слёзы. — Он давно уже не был моим сыном.

Гнев Мелиссы уступил место чему-то другому. Перед ней стоял не враг — отец, потерявший сына задолго до этой ночи.

— Мы оставим его, — сказала она. — Он не опасен. И он нам помог.

Когда сгорбленная спина скрылась в тёмном доме, слова сорвались сами:

— Мы убили их, Тоби.

— У нас не было выбора. Ушли бы — они убивали бы дальше. И потом: чудовище не говорило бы это так, как ты сейчас. Чудовища спят спокойно.

— Тогда почему мне так паршиво?

— И хорошо, что паршиво, — слабо улыбнулся Тобиас. — Вот когда перестанет — тогда и начинай бояться.

Шамаш и Эрида очнулись к рассвету — тяжёлые, с чугунными головами. Ночь Тобиас уложил для них в несколько сухих фраз; о том, чего она стоила Мелиссе, промолчал. О лазурном отблеске в своих глазах она рассказала сама — коротко, глядя в огонь очага. Эрида молча сжала её руку, и на этом разговор кончился.

Когда солнце поднялось над крышами, Тихий Брод остался за спиной.

Глава 5. Город под угольным небом

После Тихого Брода никто не предлагал останавливаться в населённых пунктах — решение было негласным, но твёрдым. Спали под открытым небом, а когда дожди становились злее, Шамаш прислушивался к земле и выводил всех к пещерам. Если пещер поблизости не было — поднимал стены сам, формируя грот, где можно было развести огонь и просушить одежду.

— Ты уверен, что не обвалится? — спросил Тобиас в первый раз.

— Я держу её. Пока я здесь — не рухнет.

На привалах Мелисса тренировалась. Воздух слушался; вода была другой — требовала терпения, спокойствия и умения ждать.

— Ты слишком напряжена, — говорила Эрида, наблюдая за её попытками.

Заметила Мелисса и другое: колкости Эриды в адрес Тобиаса исчезли, уступив место чему-то мягкому, почти застенчивому. Однажды на привале, когда парни ушли за хворостом, она не выдержала:

— Ты стала с ним мягче.

— С кем это? — Эрида сделалась чрезвычайно занята штопкой.

— С тем, на кого ты сейчас так старательно не смотришь.

Эрида молчала долго, потом сдалась:

— Ну, может, он мне и нравится. Совсем немного. Как капля в море.

— Совсем немного, — с серьёзным видом повторила Мелисса, и обе прыснули, распугав птиц с ближней сосны.

А ещё она поймала себя на том, что смотрит в спину Тобиасу и думает о деревне без боли. Она попыталась нащупать то чувство — холодный пол, «смотри на меня», слёзы, — но оно было как отражение в мутной воде: контуры есть, глубины нет. Что-то тупое и далёкое, как синяк, который уже желтеет.

«Наверное, я справилась, — подумала она. — Отпустила».

Это показалось ей правильным, и она не стала думать дальше.

* * *

Шамаш выменял одну из лошадей на четыре амулета — камни, скрывающие цвет глаз, — а на подходе к Угольному Холму продал и вторую: пешие путники привлекали меньше взглядов, да и деньги в дороге были нужнее.

С холма наконец показались крыши. Город не изменился — разве что по улицам ходили королевские патрули, и воздух казался тяжелее.

— Где твой дом? — спросил Шамаш. — Начнём с него.

Мелисса опустила взгляд. Внутри дрогнула не боль — пустота, давно поселившаяся там, где когда-то был дом.

— У меня его нет. С семи лет я жила в приюте святого Ронана. Три года назад сбежала — и наткнулась на разведчиков Ордена.

Трое переглянулись: о её прошлом не знал ни один из них.

Ночь пережидали в овраге у городской стены, без костра. И там, в темноте, Тобиас всё-таки спросил:

— Ты никогда не рассказывала о себе. Мы бросили Орден, шли за тобой, ночевали на холодной земле. Мы имеем право знать. Что мы вообще ищем?

— Тоби — мягко одёрнула Эрида.

— Нет, он прав, — сказала Мелисса. — Вы пошли за мной не задумываясь. Вы заслуживаете знать.

И она рассказала. Как в шесть лет проснулся воздух и как родители, испугавшись, запретили ей колдовать даже дома. Как она показала дар другим детям — по секрету — и как дети рассказали своим родителям.

— В ту же ночь на пороге появился инквизитор. Мне только исполнилось семь. — Она перевела дыхание. — Но я ничего не помню из той ночи. Совсем. Только пустоту. На следующий день я проснулась в приюте, в холодной комнате с высокими окнами. Я пыталась бежать, искать родителей — надзирательница каждый раз находила меня быстрее. Она сводила меня к нашему дому: там уже жили другие люди. Потом я перестала пытаться. Последний год в приюте — как в тумане. И как сбежала — тоже не помню. Помню лес. И разведчиков Ордена.

Никто не решался нарушить тишину. Потом заговорил Тобиас — глядя в маленький огонь на своей ладони, что грел их вместо костра.

— Раз пошли откровения. Помнишь, у реки я сказал «не сегодня»? — Он не поднял глаз. — Мой отец знал про второй дар. Прятал меня шесть лет. Я думал — защищает. А мачеха каждый день намекала ему, что мои дары не уживаются и всё это кончится катастрофой. Одной ночью я услышал голоса из его кабинета. Инквизитор говорил: если двуцветного сдать добровольно, король может проявить милость. Освободить от налогов. Дать титул. — Тобиас усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — И отец сказал: «Я подумаю». Не «нет». Не «я никогда не предам сына». «Я подумаю». И я понял: решение он уже принял — просто ждал, пока предложат больше золота. Той же ночью я вылез в окно. Патруль Ордена подобрал меня в лесу.

— А что бы ты хотел увидеть, — тихо спросила Мелисса, — если бы мог посмотреть на его лицо тем утром?

— Сожаление. Хоть каплю.

Эрида долго молчала, поглаживая большим пальцем костяшки Мелиссы. Потом вздохнула — так, будто это решение стоило ей больше самого рассказа.

— Мне было пятнадцать, когда отец продал меня вождю пустынных после окончания академии. Там, откуда я родом, маги воды ценятся дороже золота. — Голос был ровным, почти безразличным, будто она пересказывала чужую историю. — Два года я была его женой. Он бил меня, когда я отказывалась быть послушной. Шамаш вытащил меня оттуда — пришёл один, весь в песке и крови, и вынес на руках через полпустыни. Отец получил золото. Корона — метку на моей спине. А я — брата, который выломал дверь голыми руками. По-моему, я выгадала больше всех. — Она невесело улыбнулась и крепче обняла Мелиссу. — Не думай, что ты одна тут носишь тяжести. И не вздумай меня жалеть. Я этого не выношу.

В этом объятии тяжесть, которую Мелисса несла годами, стала чуть легче.

— Поспите, — сказал наконец Тобиас. — Обе. Мы с Шамашем понаблюдаем за городом и разбудим вас, когда будем знать, что делать.

Мелисса проваливалась в сон медленно, как в тёплую воду. Рядом дышала Эрида, и её ровное дыхание успокаивало, как колыбельная.

А потом мир вокруг изменился.

Туман поднимался, окутывая её ноги. Мелисса стояла на знакомой площади.

— Так, так, так, — раздался голос откуда-то сбоку. — Маленькая ведьмочка пожаловала в город.

Нанум сидел на краю каменного колодца, свесив ноги, и его серый плащ струился, как дым, смешиваясь с туманом.

— Я ждал тебя, — сказал он.

Он спрыгнул с колодца и окинул её взглядом — оценивающим, спокойным.

— Уже лучше, чем в прошлый раз, — произнёс он. — В прошлый раз ты пыталась убежать.

— Я не убегала.

— Конечно, — согласился он, и это «конечно» значило «нет».

Она ждала угрозы — чего-то, на что можно злиться с чистой совестью. Но он стоял перед ней, сунув руки в карманы, и явно никуда не спешил.

Времени у него, насколько она понимала, было ровно столько, сколько продлится этот сон.

— Ты лезешь в мою голову, — сказала она.

— Лестно, что ты считаешь это моей инициативой. — Он поднял бровь. — Ты сама пришла в город, Мелисса.

— Это не ответ.

— Нет, — согласился он. — Но это факт.

Он отошёл к колодцу и провёл пальцем по его краю, глядя вниз, в темноту. Мелисса смотрела на его руки. На пальцах были кольца — тяжёлые, с гербовыми печатями. На безымянном пальце левой руки оправа была пустой. Золотые зубцы держали воздух там, где должен был быть камень.

— Ты знал надзирательницу? — спросила она.

Что-то в его лице едва заметно изменилось.

— Все знали надзирательницу, — ответил он. — Это был её приют задолго до того, как он стал моим.

— Ты пришёл после неё?

— Да. — Он снова посмотрел на неё. — Пришёл. Изучил дела. Навёл порядок в архиве. — Сделал паузу, оценивая её эмоции. — Скудная работа для человека моих способностей, но выбирать не приходилось.

— Почему?

— Потому что у короны длинная память и короткое терпение, — сказал он с лёгкостью, которая давалась слишком просто. — Это всё, что тебе нужно знать.

Мелисса помолчала. Она смотрела на пустую оправу кольца.

— Значит, ты изучил и моё дело, — сказала она тише. — Тогда ты знаешь то, чего не помню я.

Нанум поднял взгляд. В его жёлтых глазах мелькнуло что-то быстрое и неуловимое, прежде чем лицо снова стало спокойным.

— Любопытный вывод.

— Верный?

— Достаточно верный, — сказал он.

Мелисса шагнула к нему, будто бы он способен дать все ответы на интересующие её вопросы.

— Тогда расскажи.

— Нет, — лениво ответил маг.

— Почему?

— Потому что есть вещи, которые нужно вспомнить самой. — Он склонил голову чуть набок. — Если я скажу тебе, то это будут мои слова. Не твоя память. Ты не поверишь, даже если захочешь.

Мелисса открыла рот и закрыла снова. Он был прав, и это раздражало сильнее, чем если бы просто отказал.

— Ты насылал мне кошмары? — сказала она наконец. — Я видела, как умирают мои друзья.

Нанум не отвёл взгляда.

— Да.

— Зачем?

— Мне нужно было, чтобы ты пришла сюда.

— Этого недостаточно.

— Знаю. — Он отвернулся и посмотрел на переулки, расходящиеся от площади, как трещины. — Но у меня не было других способов достучаться до человека, который прячет всё неудобное так глубоко, что сам не находит.

В его голосе не было злости — он говорил так, как читают опись. У Мелиссы внутри похолодело.

— Ты говоришь, что знаешь меня, — сказала она. — Но я не помню тебя. Совсем.

— Знаю, — ответил он. — Я же был надзирателем приюта.

Нанум перевёл глаза на неё. На этот раз в его взгляде была не насмешка, не оценка. Что-то старше.

— В ночь, когда ты покидала приют, — произнёс он. — Ты была в моём кабинете.

Мелисса замерла.

— Ты обчищала его довольно методично, — он чуть поморщился, как от кислого. — Для подростка, которого распирало от страха, ты действовала на удивление спокойно.

— Я не помню этого.

— Я знаю.

— Ты меня поймал?

— Поймал, — подтвердил он. — А потом ты воспользовалась шумом внизу и толкнула меня. — Лёгкая усмешка коснулась его губ. — Довольно чувствительно, надо сказать.

Мелисса смотрела на него. Ей хотелось засмеяться, нервно и невпопад.

— Что было внизу?

Нанум не ответил сразу. Пальцы его правой руки прошли по кольцам на левой, привычным жестом, остановились на пустой оправе.

— Кое-кто пришёл, — сказал он наконец. — Кто-то, кого я знал. Мне нужно было спуститься.

— И ты отпустил меня?

— Я не отпускал тебя. — В его голосе появилась лёгкая резкость, первая за весь разговор. — Запер, но ты вылезла через окно. Не путай это.

— Что я взяла? — спросила она тихо, почти стыдливо.

— Что ты имеешь в виду?

— Из твоего кабинета

Повисла долгая тишина и она уже было подумала, что он больше ничего не скажет.

— Любопытная деталь, — сказал он наконец, и в его голосе появилась осторожность, тщательно замаскированная под безразличие. — Ты что-то вспомнила?

— Нет, — ответила она. — Ты сказал, что я обчищала твой кабинет.

— Ты взяла много вещей, — сказал он. — Кольца. Броши. Всё, что плохо лежало и сверкало. Среди прочего был камень. Цитрин. Примерно такого размера. Похожий на камень из этой оправы.

Мелисса посмотрела на его руку.

— Он был среди украшений?

— Он лежал в шкатулке, — сказал Нанум. — С украшениями. Да. Он всё ещё у тебя.

— Я его продала.

Очередная тишина. Нанум не пошевелился. Он смотрел на неё слишком спокойно. Именно этот покой и был странным.

— Продала, — повторил он.

— Или обменяла. — Мелисса пожала плечами. — Я не помню точно. Первые недели после побега я продавала всё, что можно было продать. Мне нужна была еда.

— Понятно.

Прозвучало это как родительское «дома поговорим».

Туман вокруг них начал сгущаться. Площадь расплывалась по краям.

— Нанум, — позвала Мелисса. — Что это был за камень?

Он посмотрел на неё.

— Это уже не важно, — сказал он.

— Это важно. Иначе бы ты не спрашивал.

Он молчал ещё секунду. Потом на его губах появилась тонкая, почти незаметная усмешка.

— Приходи в приют. Одна, — сказал маг, надевая капюшон. — Ты знаешь, где он.

— Ты уходишь от ответа.

— Я заканчиваю разговор, — поправил он. — Это разные вещи.

Сон начал таять. Площадь растворялась, туман поднимался выше. Последнее, что она увидела, было его спокойное, безупречное лицо.

Небо над оврагом было серым, предрассветным. Эрида дышала ровно рядом, тёплая и живая. Где-то за кустами слышались тихие голоса.

Мелисса лежала не двигаясь, смотря в небо.

Образ не уходил, руки, открывающие шкатулку. Крышка. Торговец. Монеты.

— Мэл?

Тобиас стоял у края оврага, заметив, что подруга лежит с открытыми глазами и смотрит в одну точку.

— Опять сон?

Мелисса не ответила, образы всё ещё прокручивались в голове. То, что она когда-то забыла, на мгновение вставало на место.

— Эй, Ме

— Я должна пойти в приют.

Она встала, закинула сумку на плечо и посмотрела в сторону города.

— Мелисса, сперва нужно обсудить план

— Там есть ответы и тот, кто их даст, — ответила она.

Тобиас поймал её за локоть, останавливая. Смотрел своими глазами, в которых давно не было нормального сна. За его плечом из темноты появился Шамаш.

— Что происходит? — спросил он.

— Она собралась в приют, и, кажется, без нас, — объяснил Тобиас стиснув зубы.

— Он сказал прийти одной.

— Одной? — он не отпустил её руки. — Светает. Патрули меняются на рассвете, если мы выйдем сейчас — нас заметят раньше, чем мы дойдем до первого угла.

— «Нас» заметят. Поэтому я иду одна.

Мелисса посмотрела на его пальцы на своём локте, потом на него.

— Тобиас, отпусти.

Он, конечно же, не отпустил, наоборот, обхватил её лицо руками, заглядывая в глаза и видя туманную дымку жёлтого свечения.

— Мелисса.

Она смотрела на него, но одновременно сквозь. Взгляд был её, и в тоже время чужим, что-то в нём было не так.

— Мне нужно идти, — повторила она ровно. Без интонации, без раздражения, которое должно было быть. — Одной.

— Нет. — Тобиас не повысил голос, но пальцы чуть сжались на её щеках. — Посмотри на меня. На меня, Мэл. Иди на огонь.

В его глазах колыхалось пламя. Она впервые моргнула, что-то сдвинулось в её глазах, как муть оседает на дно, когда вода успокаивается. Туманная дымка не ушла полностью, но стала тоньше.

— Тоби — она произнесла его имя иначе, чем секунду назад.

— Вот, — выдохнул он. — Вот ты.

Она резко вздохнула, будто вынырнула с глубины, и потёрла лицо руками.

— Кошмар? — спросил Шамаш.

— Нанум. Он я объясню по дороге, нам правда надо в приют. Но сначала разбудите Эриду.

Глава 6. Высокие окна

Приют святого Ронана выглядел так, как выглядит дом, из которого ушли люди, но не ушло время.

Деревянные ставни на первом этаже были закрыты — не заколочены, просто закрыты, как будто кто-то собирался вернуться к ужину, но не вернулся. Краска на воротах облупилась ровно настолько, чтобы было понятно: прошло несколько лет. Плющ, который раньше, аккуратно подстригали, теперь перелез через правую стену и пополз дальше, к соседнему забору, никем не остановленный.

Они стояли напротив, в тени переулка и наблюдали за зданием уже около получаса.

— Окна на втором этаже, — сказал Шамаш тихо. — Одно приоткрыто.

— Патруль? — спросил Тобиас.

— Не думаю. Но это не значит, что его нет где-то поблизости.

Мелисса смотрела на ворота, всё было так же, как и три года назад. Пара стёкол разбита, вероятно, хулиганами или мародёрами, но в остальном, приют не изменился.

— Мелисса, — негромко позвала Эрида. — Ты в порядке?

— Да.

— Ты уверена? — по лицу Эриды было видно, что этому «да» она не верит ни на грош. — Потому что ты не моргала минуты три.

— Всё в порядке, просто я тут впервые со дня побега.

Шамаш первым двинулся вперёд — вдоль стены, низко, бесшумно, с той привычной осторожностью, которая появляется у людей, долго живущих в бегах. Девушки пошли следом, а Тобиас замкнул цепочку, чтоб прикрывать со спины.

Калитка в боковой стене оказалась незапертой — даже не прикрытой на щеколду. Шамаш толкнул её пальцем, она открылась без скрипа, и все четверо переглянулись.

— Хорошо или плохо? — спросил Тобиас.

— Посмотрим, — ответил Шамаш и вошёл.

Внутренний двор был пуст.

Мелисса помнила его — или думала, что помнила — шумным. Здесь всегда былолюдно: дети с деревянными мечами, кто-то вечно ронял что-то металлическое у колодца, и кухарка кричала в окно первого этажа, что обед стынет. Теперь здесь росла трава между камнями мостовой, и у дальней стены чья-то позабытая скакалка истлевала в три кольца.

— Чисто, — сказал Шамаш, осматривая периметр.

Они прошли через двор к главному входу. Дверь была не заперта — только прикрыта, как и ворота. Шамаш потянул её на себя, и та поддалась с долгим деревянным выдохом.

Внутри пахло пылью и тем специфическим запахом закрытого помещения, который появляется, когда в доме долго никого нет. Не сыростью — просто пустотой.

Тобиас с Шамашем пошли вправо — в сторону трапезной, а Эрида встала рядом с ней.

— Мэл, — сказала Эрида вполголоса, пока они шли по длинному коридору с низким потолком. — Тебе не кажется, что твои сны слишком складно ведут тебя сюда? Кто-то насылал тебе кошмары. Управлял тем, что ты видишь. И теперь ты именно там, куда он хотел, чтобы ты пришла.

— Я знаю. Думаешь, ему нельзя доверять?

— Я думаю, — сказала Эрида, — что человек, который залезал к тебе в голову без спроса, не обязательно делал это из добрых побуждений. Даже если сейчас он кажется убедительным.

Мелисса ничего не ответила. Но что-то внутри — маленькое и неприятное — сдвинулось с места, как камешек, который лежал тихо и вдруг покатился.

Коридор кончился кладовыми, и они вернулись обратно.

— У нас чисто, — доложил Шамаш. — Кухня, трапезная, две кладовые. Ничего.
— Спальни наверху, — сказала Мелисса.

Они посмотрели на неё.

— Второй этаж — детские спальни. Третий — надзирательские комнаты и кабинет. — Она помолчала. — Я помню планировку.

— Хотя что-то, — пробурчал Тобиас, но без резкости.

Они поднялись на второй этаж.

Детская спальня оказалась именно там, где она помнила. Длинная комната, два ряда кроватей, по десять с каждой стороны. Матрасы остались — тонкие, потемневшие, сдвинутые, как будто с них резко встали и не поправили.

Она прошла вдоль ряда кроватей. Остановилась у предпоследней с правой стороны.

Та самая. Своя.

— Мэл? — тихо позвал Тобиас.

— Всё хорошо.

За окном начинало светать по-настоящему — не серо, а с первым золотом, которое ложится на крыши горизонтально. В этом свете спальня выглядела не страшной — скорее осиротевшей.

— Я помню, — сказала она вдруг, — что дети смотрели на меня странно.

Никто не переспросил.

— Не плохо, — продолжила она. — Просто иначе. Как будто знали что-то, чего не знала я. — Она помолчала. — Или как будто боялись.

Они стояли молча секунду. Потом Тобиас спросил:

— Дальше?

— Дальше.

По дороге на третий этаж Тобиас поравнялся с ней на лестнице.

— Эри права, — сказал он тихо.

— Она уже и с тобой поговорила о Нануме?

— Мы идём туда не потому, что доверяем ему.

— Я и не доверяю.

— Мы идём потому, что тебе нужны ответы. — Он помолчал. — Доверие тут ни при чём.

Мелисса посмотрела на него и улыбнулась.

— Ты говоришь как он, уверен, что вы бы не подружились?

Тобиас посмотрел на неё с недоумением, не совсем понимая, как они из разговора о доверии перешли к этому. Но ничего так и не сказал, покачав головой.

Кабинет был в конце коридора. Единственная дверь с медной ручкой в форме кольца — все остальные были с деревянными.

Шамаш коснулся двери ладонью, подождал секунду.

— Никого, — сказал он.

Кабинет был небольшим. Стол у окна. Стеллажи с книгами, которые никто не взял, уходя — или не успел взять. Кресло, развёрнутое к двери. И пыль — везде, ровным слоем, как первый снег, который никто не потревожил.

Мелисса остановилась на пороге.

Нанума не было, как и ощущения его присутствия. Она не знала, чего ожидала — но не этого. Пустой кабинет был хуже, чем то, что она себе представляла.

— Здесь его нет, — произнёс Шамаш.

— Я вижу.

— Может, он солгал? — спросил Тобиас без обычной своей колкости.

— Не знаю.

Мелисса прошла вдоль стеллажа, не касаясь книг. Подошла к столу. На нём стояла шка-тулка. Деревянная, тёмная, с потемневшей медной застёжкой. Мелисса смотрела на неё, в голове было тихо — плотная и непонятная тишина.

Она протянула руку и коснулась крышки. И тогда — всё вернулось. Не как вспышка. Как вода, которую прорвало через плотину — сразу, со всей силой, накопленной за три года.

Булочка

Она была тёплой, с корицей, и надзиратель положил её на край её тарелки так, как будто это было совершенно случайно и он совершенно ни при чём.

— Не благодари, — сказал он, не глядя на неё, просматривая какие-то бумаги. — Пова-риха перестаралась с количеством.

Он всегда так говорил. Каждый раз.

На воспоминание это не походило. Скорее — на то, что всегда стояло где-то рядом, за закрытой дверью.

Спор

О том, справедливо ли давать детям разные задания по способностям, а не по возрасту.

Его ответ — терпеливый, с той лёгкой надменностью, которая у него никуда не дева-лась, но под которой не было жестокости.

— Справедливость и равенство — не одно и то же. Запомни.

— А вдруг я ошибаюсь в том, что справедливо? — спросила она.

— Тогда спорь. Это единственный способ проверить.

Прошлая надзирательница никогда с ней не спорила. Прошлая надзирательница смот-рела сквозь неё.

Мелисса стояла у стола, держась за шкатулку двумя руками, и чувствовала, как что-то внутри рвётся и складывается одновременно.

Побег

Она знала, что нужно уходить. Слышала снизу шаги, голоса — слишком много голосов для ночи. Понимала, что нужно торопиться.

Кабинет надзирателя она выбрала не потому, что хотела его обокрасть.

Он был единственным местом во всём приюте, где нашлось бы что-то стоящее — что-то, что можно обменять на еду.

Это было стыдно, тогда и сейчас — стыдно. Но они блестели, и обещали начало новой жизни. Кольцо. Брошь. Ещё кольцо. Монеты с полки.

Шкатулка. Она не смотрела, что внутри — просто смахнула всё в карман одним дви-жением.

— Что ты делаешь, маленькая ведьма?

Мелисса резко подняла голову.

Он стоял в дверях. Удивлённый — по-настоящему удивлённый, что было странно само по себе, потому что Нанум почти никогда не изменял своему надменному выражению лица. И разочарованный — тихо, без злости, так, что лучше бы кричал.

— Я пришла поговорить, — сказала она.

Это прозвучало плохо. Она сама это понимала.

Нанум шагнул в кабинет, и его взгляд прошёлся по столу — по открытой полке с моне-тами, по сдвинутым вещам, по её сжатому кулаку.

— Ты что, пытаешься меня обокрасть?

— Нет, — сказала она. И сразу же: — Да. Нет.

Снизу донёсся шум.

Нанум замер. Лицо его на мгновение стало голым — без иронии, без брони. Он не посмот-рел на неё, он посмотрел в пол — как будто слушал через него.

— Стой здесь, — сказал он.

Прежде чем она успела что-то сказать, он вышел и запер дверь снаружи.

— Мы поговорим об этом позже, — донеслось из-за двери.

Она слышала, как его шаги удаляются по коридору. Вниз по лестнице. Быстрее, чем обычно.

Потом она открыла кулак и посмотрела на то, что было у неё в руке. Кольца, несколько камней, что-то ещё — она не смотрела, просто смяла всё в карман и подошла к окну.

— Простите, надзиратель Ароил

Переулок был тёмным. Третий этаж.

Она вылезла.

Сожаление

Она бежала уже долго — долго, что дыхание жгло, и земля под ногами стала мягкой, лесной, и огни Угольного Холма остались где-то позади, за деревьями.

Она бежала, и думала о булочке с корицей.

О том, как он говорил: «не благодари, повариха перестаралась».

О том, что единственный человек в этом приюте, который смотрел на неё как на человека — она его обокрала. Убежала. Бросила.

Мелисса не знала, что будет дальше. Она не знала, что произошло внизу. Она не знала ничего, кроме того, что в кармане у неё чужие вещи и что стыд тяжелее, чем ноги на бегу. И как она хотела забыть это удивлённое лицо и глаза полные разочарования.

Лес не отвечал.

— Мелисса.

Голос Тобиаса вернул её.

Она так и стояла, замерев, всё ещё держа руки на шкатулке. Щёки мокрые.

Три пары глаз смотрели на неё. Тобиас — с тревогой. Шамаш — внимательно. Эрида — так, будто хотела подойти и не знала, можно ли.

— Я вспомнила, — сказала Мелисса.

Голос был ровным — лишь на самом дне дрожал.

— Мэл, — сказала Эрида мягко. — Что ты вспомнила?

Мелисса посмотрела на шкатулку. Потом на них.

— Он был хорошим человеком, — сказала она. — Я его обокрала и убежала. — Она перевела дыхание. — И я об этом совершенно забыла до этой минуты.

В кабинете было тихо и Шамаш решил проверить одно предположение.

— А культисты, — спросил он. — Ты помнишь, что было в деревне?

Мелисса посмотрела на него.

— О чём ты?

— В деревне. Нас схватили. — Он говорил осторожно, будто ступал по тонкому льду. — Ты помнишь, что случилось потом?

Мелисса задумалась. Деревня. Они остановились в таверне, выпили. Потом — клетка. Верёвки. Тобиас в темноте с усталыми глазами.

— Мы оказались связаны, — сказала она.

— А потом?

Мелисса начинала раздражаться от этого диалога.

— При чём тут вообще культисты, Шамаш?

В кабинете снова стало тихо. Эрида смотрела на Мелиссу так, будто у той на глазах шло ко дну что-то важное — и достать уже нельзя.

— Это важно, Мелисса. Что было потом?

— Мы с Мэл убили всех культистов, — не выдержал Тобиас, тоже не совсем понимая, чего добивается от неё друг. Он помнил, как Мелиссе тяжело далась та ночь и сейчас, хотел быстрее закончить диалог.

— Убили? Это не смешно, Тоби, — сказала вдруг Мелисса.

— Я и не смеюсь, ты воспользовалась магией воды, я ударил по ней молнией.

— Ну у тебя и фантазия. — Она покачала головой.

Трое переглянулись, понимая, что она действительно не помнит.

— Что? Почему вы так смотрите?

— Мэл — Шамаш говорил медленно. — Ты точно помнишь деревню?

— Что ты имеешь в виду, Шамаш?

— То, — продолжил он аккуратно. — Что твой мозг, сбрасывает плохие дни в яму, чтоб уберечь тебя. Эрида, ты сможешь проверить эту догадку?

Девушка посмотрела на Мелиссу, потом на брата. Протянула руку — медленно, как тянут руку к дикому животному, как бы говоря: «Я не обижу».

За окном кабинета Угольный Холм окончательно проснулся — где-то вдалеке крикнул петух, и этот звук прозвучал неожиданно громко в тишине пустого приюта.

Мелисса опустила взгляд на шкатулку. Она обокрала его, но до этого дня, не помнила ни лица надзирателя, ни своего поступка. Забрала что-то важное, имела наглость обменять на корку хлеба. Чувство стыда накрыло с головой, а мозг неторопливо старался вытеснить это чувство.

— Мы займемся моей головой потом. Нужно найти тело, я чувствую, что он где-то здесь.

— У нас ещё есть время, если он ждал тебя три года, подождёт ещё день, — вздохнула Эрида, но подруга словно с цепи сорвалась, не желая принимать в этом участие.

— Если ты могла и раньше влиять на память, то почему не сказала?

— Магия воды сама собой подразумевает память, Мэл. Да и я же не знала о твоих провалах, ты рассказала об этом сегодня ночью, — аккуратно сказала Эрида, снова пытаясь взять её за руку.

— Нет! Я знаю, что ты собираешься сделать! Ты сотрёшь Нанума!

Она осеклась — сама от себя.

— Ароила, — тихо поправилась она, будто впервые услышала разницу между двумя словами, которые всё это время произносила как одно и то же. — Или Нанума. Я не..

Эрида посмотрела на неё с тем особым вниманием, каким смотрят не на вопрос, а на трещину.

Глаза Мелиссы блеснули цитрином — магией света. Она снова отскочила, но сразу потеряла сознание, получив удар по голове.

Глава 7. Свет под землёй

Тобиас опустил её на матрас осторожно — как будто она была чем-то хрупким, что уже дало трещину.

— Она сама виновата, — сказал он. — Я видел дымку утром, когда она смотрела на приют. Думал, показалось.

— А потом увидел цитрин, — сказал Шамаш.

— А потом увидел цитрин, — повторил Тобиас. — Это не её стихия. Это его. Он держит её, а она даже не замечает.

— Но нельзя же так — сказала Эрида, садясь на край койки подруги.

Шамаш стоял у окна, глядя во двор. Утренний свет лёг на его лицо ровно, без теней.

— Он правильно сделал.

— Знаю. — Тобиас потёр висок. — Ей это всё равно не понравится.

— Не понравится, — согласился Шамаш.

— Сомневаюсь, что вы были бы счастливы, если бы вас огрели! — всё ещё возмущалась девушка.

Она взяла Мелиссу за руку — осторожно, как берут тонкую нить, которую боятся оборвать.

— Сколько тебе нужно времени? — спросил Тобиас.

— Не знаю, — ответила она, не поднимая взгляда. — Столько, сколько займёт.

— Мы пойдём искать Нанума, — сказал Шамаш. — Если что-то пойдёт не так — зови.

Эрида кивнула. Она уже была где-то наполовину не здесь, начиная медитацию.

Дверь закрылась тихо.

Эрида

Внутри было темно.

Не темно, как в закрытой комнате — темно, как в воде на глубине, куда не доходит свет. Эрида стояла — или ей казалось, что стояла — в пространстве, у которого не было стен и не было пола. Только темнота, которая чуть светлела впереди.

Она уже бывала в чужой памяти. Один раз — с братом, когда он не мог вспомнить дорогу из города, где их едва не поймали. Тогда память была как комната — большая, светлая, немного пыльная. Входишь, смотришь, выходишь.

Память Мелиссы была не комнатой.

Это был коридор. Длинный, уходящий вглубь, с дверями по обеим сторонам — деревянными, потёртыми, со старыми ручками, которые светились по краям тихим зеленоватым светом — живые, доступные.

Эрида сделала шаг.

Первая дверь открылась легко.

Лагерь. Костёр. Они сидели все вместе. Тобиас шутил, дразня Эриду, Шамаш тихо посмеивался. Тепло. Уютно.

Эрида закрыла дверь. Живое. Не тронутое. Не то — что ей было нужно. Она ускорила шаг, двигаясь всё глубже, двери редели, как и свет.

Показались двери без ручек — воспоминания, стёртые временем, естественный процесс. Эрида не стала тратить на них время.

Наконец, свет в коридоры почти совсем погас. Двери теперь были покрыты слоем воды, склизкой, холодной.

Эрида аккуратно коснулась одной из них. Не открыла полностью, лишь заглянула.

Переулоч. Ночь. Трое — старшие, крупнее. Мелисса прижата к стене, рука у горла. Корка хлеба падает в грязь. Один из них смеётся.

Эрида закрыла дверь быстро. Руки слегка дрожали.

Она шла дальше — мимо лагеря, дороги, чужих лиц, мимо маленьких и больших страхов. Всё это было не то. Нужен был источник — пузырь.

Коридор кончился.

Впереди была только одна дверь.

Она была больше остальных. Темнее. Просто дерево, потемневшее от времени, с ручкой, которая была холодной даже на взгляд. И толстый слой водного покрывала.

— Вот оно. Но

Эрида остановилась.

Если сделать хоть одну ошибку — все эти воспоминания накроют Мелиссу волной, и она может потерять рассудок.

Она протянула руку — не чтобы открыть, а чтобы закрыть плотнее, запечатать, вернуть воспоминания на место. Это было как складывать разбросанные вещи обратно в шкаф: культисты, побег, кабинет Нанума. Аккуратно, слой за слоем, стараясь сделать так, чтоб всё это приходило к ней постепенно.

Маленький ручей начал соединять двери, лазурной лентой, чтоб у каждой было время открыться в положенный срок.

— Ты всё испортишь! — послышался откуда-то мужской голос, незнакомый ей.

Главная дверь дрогнула.

— Нет, — сказала Эрида вслух — или ей казалось, что вслух.

Дверь открылась.

Комната была маленькой. Глиняные стены, деревянный пол, очаг в углу.

— Где ребёнок? — спросил мужчина в тёмном плаще с серебряным гербом. Инквизитор.

— Её нет дома, — сказала мама. Голос не дрожал. Она врала хорошо.

Но девочка уже была здесь. Она вышла на звук, не зная. Думала, папа наконец пришёл с работы, но увидела плащ, герб и испуганное лицо мамы.

Нет! Не сейчас! Ну же, закрывайся!

Инквизитор обернулся.

Что-то в девочке проснулось — не осознанно, не намеренно. Просто страх стал слишком большим, и тело нашло выход раньше, чем голова успела понять. Воздух вокруг её ладоней стал холодным. Потом — очень холодным. Потом — белым.

Закрывать! Закрывать! Закрывать!

Эрида с силой толкнула дверь — та поддалась. Коридор снова был тихим.

Она стояла, прислонившись спиной к тёмному дереву, и не двигалась. В чужой памяти не было дыхания, но ей казалось, что она задыхается.

Медленно поднялась, продолжая вести ручей, складывая всё на место — слой за слоем, аккуратно, как складывают вещи, которые кто-то разбросал в панике, но у каждого своё место.

Культисты. Подвал. Вода на полу.

Кабинет Нанума. Шкатулка. Окно.

Переулоч. Корка хлеба в грязи.

Всё на место. Всё — туда, откуда взялось. Свет в конце коридора стал ярче, и Эрида открыла глаза. В спальне было тихо. Мелисса лежала с закрытыми глазами, дышала ровно. На её лице не было ни страха, ни боли — только усталость, которая бывает после долгого сна.

Эрида сидела рядом, держа её руку двумя руками, и не отпускала ещё долго после того, как всё закончилось.

Шамаш и Тобиас

Шамаш нашёл церковь раньше, чем ожидал.

Она стояла в дальнем углу заднего двора — маленькая, каменная, с узкими окнами без стёкол. Рядом — несколько могильных камней, покосившихся, заросших. Имена на них стёрлись от времени или были срублены намеренно — не разобрать.

Тобиас шёл за ним, не говоря ничего.

— Здесь, — сказал Шамаш.

— Ты чувствуешь его?

— Нет. — Шамаш опустил на колено и прижал ладонь к земле. Янтарные глаза стали темнее — он слушал. — Я чувствую пустоту. Место, где что-то есть, но земля его не знает. Как камень в живой почве — она его огибает, не трогает.

— Склеп?

Шамаш кивнул, не поднимаясь.

Дверь в склеп была в основании церковной стены — низкая, железная, с петлями, которые проржавели намертво. Тобиас потянул — не поддавалась. Он покосился на Шамаша. Тот всё ещё стоял на колене.

— Шамаш.

— Да, знаю.

Маг поднялся и положил обе ладони на железо. Земля под ними слегка дрогнула — тихо, почти незаметно. Петли скрипнули. Дверь открылась.

Из темноты пахнуло холодом и чем-то сладковатым — так пахнет давно закрытое место, которое помнит о пожаре.

Тобиас зажёл огонь на ладони — маленький, достаточный для того, чтобы видеть.

Склеп был небольшим. Низкий потолок, каменный пол, ниши в стенах — такие, в которых хранят останки. В нишах были урны. Маленькие, глиняные. Их было много — больше, чем должно было быть в приюте такого размера.

Они стояли молча, считая.

— Дети, — сказал он наконец. Тихо.

— Да.

Тяжелая пауза повисла между ними.

В дальней нише, за урнами, было что-то другое. Не урна. Не камень. Что-то, что занимало места больше, чем должно было — и то, как оно занимало это место, было неправильным. Темнота вокруг него была гуще, чем в остальном склепе.

Тобиас шагнул ближе.

Человек лежал на спине, сложив руки на груди. Белые волосы. Аристократическое лицо, спокойное — слишком спокойное, как у человека, который спит так долго, что забыл, как выглядит напряжение. На пальцах — кольца с гербовыми печатями.

Тьма обволакивала его, как покрывало — плотно, ровно, без просветов. Там, где должен был быть свет мага, была темнота, наложенная поверх него кем-то чужим.

— Это он? — спросил Тобиас.

— Полагаю, что да, — сказал он.

Шамаш протянул руку — не коснуться, просто проверить — и почувствовал, как темнота мягко отталкивает ладонь. Без злости. Так запертая дверь не пускает чужого.

Тобиас ещё раз посмотрел на человека в темноте. На белые волосы, на кольца, на пустую оправу и они пошли обратно.

Шамаш первым вышел из склепа, остановился.

Мелисса шла через задний двор — босиком, по холодным камням. Глаза открыты, но смотрят сквозь всё. Не на него, не на церковь — в точку, которой здесь не было.

— Тобиас, — сказал Шамаш тихо.

Тот вышел следом и тоже замер

— Где Эрида?

Мелисса не ответила. Шла ровно, без спешки — как ходят люди, которых ведут.
— Мелисса. — Тобиас шагнул к ней. — Всё в порядке? Где Эри?

Она не остановилась, не ответила, даже не взглянула на них. Тоби встал прямо перед ней, перекрывая путь. Взял за плечи.

Девушка подняла руку — почти лениво, без замаха — и что-то толкнуло его в грудь. Не сильно. Достаточно, чтобы он отлетел на два шага и ударился спиной о церковную стену.

Не воздух. Не вода. Что-то другое.

Шамаш сделал шаг к нему, но тот уже поднимался, держась за стену.

— Я в порядке, — выдохнул он. — Эрида. Иди к Эриде.

Земляной маг кивнул, стиснув зубы и побежал в приют.

Тобиас выпрямился и снова посмотрел на Мелиссу. Она уже прошла мимо него — туда, к железной двери в основании церкви. Остановилась перед ней. Подняла руку.

Петли скрипнули и дверь открылась. Сама.

— Мэл, — сказал Тобиас. — Подожди меня.

Эрида и Шамаш

Шамаш нашёл сестру на полу у кровати. Без сознания, дышит — это он проверил первым делом. На виске — ссадина, свежая, от угла деревянной рамы кровати. Она не упала — её отбросили, и она ударилась.

Он опустился рядом, приподнял её голову.

— Эри Эрида.

Она застонала. Открыла глаза. Потерла висок.

— Мелисса, — сказала она сразу.

— Знаю. Что произошло?

Она уже пыталась подняться, опираясь на его руку.

— Она меня откинула. Я не успела

— Отдохни, мне нужно к Тобиасу. С Мелиссой что-то не так.

— Нет! Я иду с тобой.

Эрида, не терпя больше возражений, пошла в сторону выхода и брату не оставалось ничего, кроме как следовать за ней.

Тобиас и Мелисса

В склепе было темно.

Тобиас шёл за ней по пятам, держа огонь на ладони. Мелисса не оборачивалась. Шла прямо — мимо урн, мимо ниш, туда, в дальний угол, где темнота была гуще остальной темноты.

Парень остановил её, попытавшись схватить за руку.

— Мэл, посмотри на меня.

Она обернулась. Первый раз с тех пор, как они увидели её во дворе.

В её глазах не было Мелиссы. Был цитрин — жёлтый, ровный, чужой свет, который смотрел сквозь него куда-то дальше.

— Смотри на меня. Только на меня. Иди на огонь

Тоби не успел ни отступить, ни сгруппироваться. Его отбросило к стене — не больно, но плотно, как будто земля под ногами решила его не держать. Он сполз вниз, прижатый к камню чем-то невидимым.

Глава 8. Запечатанный

Давление было неравномерным.

Тобиас это почувствовал сразу — не как удар, а как стену, которая медленно, но верно, вдавливала его внутрь, у неё не было формы и не было источника, который можно было бы увидеть. Огонь на его ладони — единственный свет в склепе — мерцал неровно, как будто что-то тянуло его в сторону.

Мелисса стояла перед телом Нанума и не двигалась.

Но что-то двигалось через неё.

Тьма вокруг тела дрожала — не ровно, а рывками, как дышит человек, который пробежал длинную дистанцию. По краям печати свет пульсировал слабыми вспышками. Как будто тот, кто тянул эту нить, тянул её из последних сил.

Дверь склепа скрипнула.

Шамаш вошёл первым, Эрида за ним. Они остановились на пороге — увидели Тобиаса у стены, Мелиссу и дрожащую тьму.

Шамаш шагнул вперёд. Но его отбросило сразу же, мягко, но непреклонно — как отбрасывает течение, когда заходишь слишком глубоко. Он устоял на ногах, но дальше не прошёл.

— Сильный, — сказал он тихо, больше себе.

— Да, — ответил голос Мелиссы.

Все трое замерли.

Это был её голос — тот же тембр, та же высота. Но интонация была чужой: ни злости, ни угрозы, словно кто-то взял знакомый инструмент и играл на нём незнакомую мелодию.

Мелисса медленно повернулась к ним.

Цитрин в глазах горел ровно.

— Сильный, — повторил голос её устами. — Был. Три года назад Три года — долго, даже для мага моего возраста.

Эрида сделала шаг вперёд — её тоже остановило, но не так резко. Она упёрлась в невидимое и не отступила, просто стояла, держа это давление.

— Нанум, — сказала она. — Отпусти её.

— Она сама пришла.

— Ты привёл её.

— Да. — Голос Мелиссы был ровным. Не оправдывающимся. — Я привёл. Это правда.

— Тогда отпусти.

Тьма вокруг тела за спиной Мелиссы дрогнула — и успокоилась. Давление на Тобиаса у стены чуть ослабло. Не исчезло — просто стало другим, менее плотным. Как будто тот, кто его держал, отвлёкся.

— И всё же, силы мне не хватает, — сказал голос Мелиссы. — Без камня.

— Мы догадались, — сказал Шамаш.

Цитриновый взгляд переместился на него. Медленно, внимательно — так смотрят на человека, которого только что заметили.

Тобиас у стены медленно поднялся — давление пропустило его, не сопротивляясь. Он встал прямо и посмотрел на Мелиссу — её лицо, но не её выражение.

— Ты пользуешься ею, — обвинил он.

— Да.

— Она не давала согласия.

— Нет.

И никаких извинений. Просто «нет». Тобиас почувствовал, как внутри поднимается что-то горячее, и усилием удержал его.

— Ты ударил её по голове, — продолжил голос Мелиссы. Всё так же ровно, всё так же без интонации. — Вырубил. Эрида без спроса залезла к ней в память. — Взгляд переместился на девушку. — Ты видела то, что она сама ещё не видела. Правда?

Эрида не ответила. Но и не отвела взгляда.

— А ты, — голос обратился к Шамашу, — молча смотрел на обоих.

Тишина в склепе была другой, чем снаружи. Плотной.

— Мы защищали её, — сказал наконец Шамаш.

— Я знаю, — сказал голос. И в нём впервые появилось что-то, что не было констатацией. Что-то очень усталое. — Все всегда защищают. Это ничего не меняет в том, что было сделано.

Никто не возразил, да и нечего было.

Тьма за спиной Мелиссы пульсировала медленнее — ритм угасал. Тобиас видел это и понимал: сил действительно не хватало. Он держал их всех троих, говорил через неё, удерживал печать в напряжении — и всё это вместе было слишком много.

— Нанум, — сказал Шамаш. — Чего ты хочешь?

Цитриновые глаза смотрели на него долго.

— Камень, — сказал голос наконец. — Цитрин. Она взяла его из моей шкатулки три года назад. Вместе с остальным. Продала или обменяла. Она не помнит.

— Мы найдём его, — сказал Шамаш.

Тобиас быстро посмотрел на него. Шамаш не посмотрел в ответ — смотрел на Мелиссу, на то, что стояло за её глазами.

Тобиас хотел сказать: мы этого не обсуждали. Но цитриновый взгляд был направлен на Шамаша, и в нём стояло ожидание — строгое, усталое, — которое Тоби не решился перебить.

— Найдёте, — повторил голос. Он не спрашивал и не сомневался — будто ставил подпись под договором.

— Взамен ты уходишь из её головы. Полностью. — Шамаш говорил ровно, как говорят на переговорах, когда важно не дать себе ни ускориться, ни замедлиться. — Никакого влияния. Никаких кошмаров. Никакого цитрина в её глазах.

Молчание. Долгое.

— Полностью, — наконец повторил голос.

— Да.

Ещё одна пауза. Тьма за спиной Мелиссы пульсировала совсем медленно теперь — почти угасала.

— Хорошо, — сказал голос Мелиссы.

И отпустил.

Она упала бы, если бы Тобиас не оказался рядом. Он не помнил, как пересёк склеп — просто оказался там, поймал её, опустил на холодный каменный пол. Её глаза были закрыты.

Эрида опустилась рядом, взяла её за руку.

— Живая, — сказала она тихо.

— Живая, — подтвердил Тобиас.

Мелисса не открывала глаз, но пальцы её чуть сжались на руке Эриды — медленно, как человек, который возвращается домой с очень долгого путешествия, и проверяет, что действительно вернулся.

Шамаш поднял взгляд на тело в нише. Тьма вокруг него снова была плотной, ровной, без просветов — как будто ничего не происходило. Руки сложены на груди, лицо спокойное. Пустая оправа на безымянном пальце.

— Уходим, — сказал он. — Здесь больше нечего делать.

Трапезная приюта приняла их молча.

Они устроились за длинным столом — Мелисса между Тобиасом и Эридой, всё ещё не пришедшая в себя до конца. Она дышала ровно, глаза были открыты, но смотрела куда-то в середину стола и не говорила.

Шамаш сел напротив.

— Камень, — сказал он. — Нужно понять, где он.

— Три года назад, — начал Тобиас. — Она продала его вместе с украшениями. Первые недели после побега. Значит — где-то между Угольным Холмом и

Они посмотрели на Мелиссу, ожидая, но она всё ещё смотрела в середину стола.

— Я шла через лес. Потом был город. Маленький, торговый. Там был рынок. — Она помолчала. — Я не помню названия, не помню торговца.

— Это уже что-то, — сказал Шамаш.

— Рядом была пекарня — я помню запах, — добавила она тихо.

Эрида сжала её руку.

Тобиас открыл рот — и не сказал ничего, потому что за окном что-то изменилось.

Не звук — сам воздух будто стал другим.

Шамаш поднял голову первым. Встал. Подошёл к окну, выходящему на задний двор, и посмотрел.

— Тихо, — сказал он, не оборачиваясь. Голос ровный, без паники.

Тобиас встал следом. Подошёл к соседнему окну.

Через задний двор шёл человек.

Один. Без спутников. В тёмном плаще с откинутым капюшоном — чёрные кудри, прямая спина, шаг человека, который не крадёт, потому что не считает нужным. На поясе — клинок, но рука не на рукояти.

Он шёл целенаправленно в сторону склепа. Не осматривался, не проверял периметр. Просто шёл — как ходят туда, куда уже ходили много раз.

— Инквизитор, — тихо сказал Тобиас.

— Один, — так же тихо ответил Шамаш. — Без знаков различия.

Человек дошёл до железной двери. Остановился перед ней. Положил ладонь на металл — не чтобы открыть, просто положил. Постоял так несколько секунд.

Тобиас смотрел на его лицо в профиль. Молодое — или казавшееся молодым. Спокойное. Но в этом спокойствии было что-то, чего не бывает у спокойных людей. Что-то, что держится усилием.

Потом человек убрал руку от двери и поднял голову. Прямо на окно, где стоял Тобиас.

Аметистовые глаза — тёмные, с тем странным оттенком, который в обычном свете можно принять за голубой — смотрели на него без удивления. Как будто он знал, что они здесь. Как будто знал с того момента, как вошёл во двор.

Потом губы тронула лёгкая усмешка — так усмехается человек, нашедший в кармане чужую монету и ещё не решивший, что с ней делать.

— Та самая мышка, которой удалось сбежать, — сказал мужчина.

Но потом, развернулся и пошёл обратно — через двор, к воротам. Не торопясь. Не оглядываясь. И исчез за углом.

— Кто это был? — спросила Мелисса.

Тобиас смотрел на пустой двор, на закрытые ворота, на след от подошвы — единственное доказательство того, что здесь кто-то только что был.

— Не знаю, — сказал он. — Но он нас заметил и оставил. Это не добрый знак. Лучше уйти.

Никто возражать не стал, инквизитор мог вернуться с подкреплением или устроить засаду. Шамаш поднялся первым, остальные — следом. Мелисса встала медленнее всех, держась за край стола секунду дольше, чем нужно. Эрида оказалась рядом, поддерживая подругу.

В голове был туман и обида, и ей хотелось плакать. Но не при всех. Не сейчас.

Они вышли через боковую калитку — ту, через которую тихо вошли. И пройдя пару шагов, Мелисса упала на колени. Её стошнило, и Эрида взглядом намекнула парням, чтобы те подождали где-нибудь в другом месте. Несмотря на то, что каждый из них хотел помочь, Тоби и Шамаш всё же ретировались, решив дать подруге десять минут, чтоб перевести дыхание, прежде чем двинуться дальше.

Глава 9. Поводырь

Лес выпустил их на рассвете.

Мелисса не помнила, как выбирала дорогу. Просто шла — там, где тропа раздваивалась, сворачивала влево, там, где деревья стояли плотнее, находила просвет. Как будто кто-то тихо подсказывал направление — не словами, не образами. Просто знание, куда ставить ногу.

Она старалась об этом не думать.

Позади шли трое. Молча — они научились читать её молчание за три года достаточно хорошо, чтобы не заполнять его словами. Или просто не знали, что говорить.

Городок появился из-за деревьев неожиданно — низкие крыши, дым из труб, запах свежего хлеба, который тянуло откуда-то с северной стороны.

Мелисса остановилась.

Она знала этот запах. Не как воспоминание — как что-то более старое. Как знают запах дома, который давно оставили.

— Ты здесь была? — сказал Шамаш за её плечом.

— Да, — ответила она.

Мелисса не обернулась. Смотрела на улицу, на рыночную площадь вдалеке, на северный вход с деревянными воротами, у которых три года назад стоял человек с лотком украшений и камней. Платил мало, не торговался.

Никто ничего не сказал, и они прошли в город. Между ними висела усталость от дороги, голод и вина перед подругой.

Таверна называлась «Три сосны» — Мелисса не знала этого, просто толкнула первую дверь, около которой было меньше всего шума. Внутри пахло деревом и кашей. Хозяйка — женщина с усталым лицом — выдала им комнату на четверых без лишних вопросов.

Мелисса поднялась первой.

Комната была маленькой. Два окна, четыре кровати, стол у стены. Она села на ближайшую кровать, сняла сапоги и посмотрела в окно.

Остальные вошли следом — Эрида, потом Шамаш, Тобиас прикрыл дверь тише, чем обычно.

Шамаш поставил сумку на стол.

— Нужно поесть, — сказал он. — И поспать. Потом будем думать про торговца.

Эрида присела на соседнюю кровать.

— Мэл

— Я в порядке.

— Я не спрашивала.

Мелисса посмотрела на неё. Потом снова в окно.

— Тогда зачем начала?

Эрида не ответила. Тобиас у двери смотрел в пол. Шамаш открыл сумку и закрыл снова — просто чтобы что-то сделать руками.

Тишина в комнате была другой, не такой как в лесу. Там тишина была просто тишиной. Здесь она была набита словами, которые никто не произносил.

— Ладно, — сказал Тобиас и оторвался от двери. Прошёл через комнату, сел напротив неё на стул. — Я ударил тебя по голове.

— О, неужели? — сказала она. — Представляешь, я была там.

— Потому что не успел придумать ничего лучше.

— Богатый выбор причин, — фыркнула она.

— Мелисса.

— Что — Мелисса? — она посмотрела на него спокойно, и это спокойствие было хуже любой злости.

Тобиас открыл рот и закрыл.

— Я не прошу прощения за то, что сделал, — сказал он наконец. — Потому что сделал бы снова. Но я хочу, чтобы ты знала, что мне не всё равно, что ты сейчас чувствуешь.

— Как удобно, — ответила Мелисса. — Всё равно бы ударил, но переживает.

— Да, — сказал он просто.

Она снова посмотрела в окно.

За стеклом кипела жизнь. Кто-то катил тачку по мостовой, кто-то переговаривался через улицу. Обычный день обычного маленького города, который ничего не знал ни о Нануме, ни о пустом приюте, ни о камне цитрина, который она продала здесь три года назад.

Эрида встала. Подошла медленно — не резко, не порывисто, просто села на край кровати рядом.

— Я залезла в твою голову, — сказала она. — Без спроса. Я видела многое.

— Я чувствовала тебя. В курсе.

Эрида замолчала на секунду.

— Я закрыла одну дверь, — сказала она тихо. — Не смогла остановиться вовремя, но, когда поняла, что захожу слишком глубоко — закрыла.

Мелисса повернулась к ней.

— Какую дверь?

— Ту, которая была в конце.

Они смотрели друг на друга. Мелисса не спросила дальше. Эрида не объяснила. Между ними повисло что-то — не слова, что-то тяжелее.

— Зачем вообще это нужно было? — спросила Мелисса наконец. — Зачем ты полезла?

— Потому что ты падала в пропасть, — сказала Эрида. — А я не знала, как остановить это иначе.

— И ты решила, что твоё присутствие в моей голове поможет?

— Я решила, что воспоминания нужно вернуть на место. Иначе однажды они накрыли бы тебя все разом.

— И как? Держится?

Эрида посмотрела на неё долгим взглядом.

— Мелисса, я не сделала ничего плохого.

— Не припомню, чтоб вообще просила тебя что-то делать в моей голове!

Ответ вышел резче, чем она хотела, но последние дни совсем её вымотали.

— То есть, присутствие какого-то Нанума, который тебя кошмарит долгое время тебя устраивает, а мою помощь, ты расцениваешь как — Эрида не договорила и умолкла, встав с кровати. — Я думала мы подруги.

Эрида вышла из комнаты, ей нужно было на воздух, чтоб не накалять ситуацию ещё больше.

— Вам есть что добавить? — спросила Мелисса у парней.

Шамаш стоял у стола и смотрел на неё.

— Я дал обещание за всех нас, — сказал он. — Насчёт камня. Не спросив. Но это единственный способ вытащить его из твоей головы.

В комнате стало тихо.

Тобиас у стола смотрел в сторону. Шамаш не изменился в лице — он редко менялся, это была его защита.

— Я злюсь, — сказала Мелисса наконец. Просто, без интонации. — На всех вас. Одинаково.

— Знаем, — сказал Тобиас.

— Хорошо. — Она снова посмотрела в окно. — Теперь идите поешьте. Мне нужно побыть одной.

Дверь закрылась.

Мелисса осталась одна в маленькой комнате с двумя окнами и четырьмя кроватями.

Она сидела и смотрела в окно. На городок, который не знал её имени. На рыночную площадь, куда через несколько часов они пойдут искать торговца, которому она продала чужую жизнь за горсть монет.

Потом она легла на кровать, не разбирая постели, и закрыла глаза.

Слёзы, непрошенные, но долгожданные, потекли по щекам, и Мелисса не пыталась их остановить. Мысли кружились, как стая ворон над полем: Эрида, которая залезла в голову без спроса. Шамаш, который дал обещание за всех. Тобиас, который ударил — и сделал бы это снова.

Мелисса перевернулась на спину и уставилась в потолок. На нём была трещина — тонкая, почти незаметная, но, если долго смотреть, она начинала казаться картой. Картой дороги, по которой она шла последние три года.

Дверь тихо открылась. Мелисса не повернула головы — она знала, кто это. По шагам. По тому, как он задержался на пороге, давая ей время сказать «уйди».

— Я принёс хлеб, — сказал Шамаш. — Молоко и яблоко. Ты не ела со вчерашнего дня.

— Я не голодна.

— Я просто оставлю это здесь. — Он поставил тарелку на стол и сел на стул. Не рядом, не напротив — так, чтобы быть в поле зрения, но не давить. — Если захочешь — съешь.

— Мне не нужна нянька.

— Это называется — забота. Ты не можешь винить людей за любовь к тебе.

— И лекции мне сейчас не нужны, — застонала Мелисса, закрывая лицо подушкой, чтоб спрятать от него покрасневшие глаза.

Шамаш хмыкнул, глядя на неё, как на ребёнка. Обиженного, уставшего, в теле взрослой девушки, но всё ещё ребёнка.

— И злишься ты, потому что любишь в ответ. Это больно — когда близкие сердцу люди так с тобой поступили

— Шамаш!

— Что?

— Разговаривай сам с собой. У тебя, кажется, неплохо получается решать за всех, — бубнила она в подушку.

— А ты не разговаривай. Слушай.

Мелисса не убрала подушку, но и не возразила. Шамаш помолчал секунду — не потому, что подбирал слова, а потому что привык говорить только то, что точно.

— Тобиас ударил тебя, потому что запаниковал. Ты выходила из себя и это было на тебя не похоже, — начал объяснять он. — Эрида возмущалась на нас после этого, если тебе интересно. Для неё ты как сестра и видя, как ты тонешь, она не могла нырнуть в это. А я дал обещание не потому, что считал это правильным, и не потому, что не считаю ваше мнение важным. А потому, что в тот момент у меня не было времени спросить.

Шамаш замолчал, подушка не двигалась.

— Ты имеешь право злиться, Мелисса. Но мы семья, и иногда чтоб спасти одну упрямую колючку приходится идти на крайние меры.

Он поднялся, придвинул тарелку ближе и вышел. Ей нужна была передышка, как и всем им.

Мелисса откинула подушку и вновь уставилась в потолок, на трещину, которая шла от угла к углу и посередине раздваивалась. Потом съела хлеб, выпила молока — не хотелось, но было надо.

Злость никуда не делась, но стала тише — как огонь, который перестают раздувать. Как вернулись друзья, она уже не слышала, провалившись в сон.

Качели скрипели.

Мелисса сидела на них и смотрела на приют. Во сне он выглядел иначе — не заброшенным, не пустым, а тихим. Окна светились мягко, как светятся окна, когда внутри горит свеча, а не лампа. Плющ на правой стене был подстрижен. У колодца никто ничего не ронял.

Она оттолкнулась ногой и качнулась назад. Потом вперёд.

Где-то на третьем этаже горело одно окно.

Она смотрела на него долго. Качели скрипели. Ночной воздух пах яблоками — от тех самых яблонь у стены, которые в яви стояли лишь пеньками.

Потом она встала.

Лестница во сне не скрипела. Приют вокруг был живым — не людным, просто живым, как будто помнил, как быть домом, и во сне позволял себе это.

Третий этаж. Коридор. Дверь с медной ручкой.

Она не стучала — просто толкнула.

Нанум сидел в кресле у окна и смотрел на двор внизу. На качели, которые всё ещё качались сами по себе — медленно, по инерции.

Он не обернулся, когда она вошла.

— Надо же, сама пришла, — сказал он.

Это было произнесено так тихо, что она не сразу поняла, похвалили её или нет. Решила, что нет.

Мелисса огляделась: всё было на месте — книги, монеты на полке, шкатулка на столе. Закрытая.

— Ты устал, — подметила она.

Он наконец повернулся. Во сне он был тоньше — три года в темноте оставили след, который не видно снаружи, но чувствуется, когда смотришь в лицо.

— Ты хочешь знать про камень, — сказал он.

— Да.

Он провёл большим пальцем по пустой оправе — привычно, как трогают то, чего давно нет.

— Камень сам тебя найдёт, — лишь добавил он.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть. — Он снова посмотрел в окно. — Я вкладывал в него силу долго. Достаточно долго, чтобы он помнил меня. А я — часть тебя сейчас. Он почувствует.

— Торговец на рынке, рядом с пекарней — сказала она. — Северный вход. Я помню его лоток.

— Значит иди туда.

— Я и собираюсь. Но что, если камень не найдется?

Нанум не ответил, лишь прикрыл глаза, как будто теперь присутствие Мелиссы вызывало у него головную боль.

— А печать?

— Печать держится на страхе, — сказал он наконец. — На страхе человека, который её наложил.

— Значит снять её может только он? — спросила она.

— Или то, чего он боится, перестанет быть угрозой, — сказал Нанум. — Тогда печать ослабнет сама. — Он помолчал. — Камень ускорит это. Без камня — очень долго.

Мелисса смотрела на шкатулку на столе.

— Ты знал, что я возьму его, — сказала она. — В ту ночь. Ты слышал меня в кабинете задолго до того, как вошёл. Ты мог прийти раньше.

Нанум молчал так долго, что казалось — уснул.

— Нанум.

— Мог, — сказал он наконец. Просто. Без каких-либо оправдания.

— Тогда почему?

Он открыл глаза. Посмотрел долго — не так, как смотрел раньше, когда взвешивал каждое слово.

— Потому что мне нужен был камень снаружи, — сказал он. — Не здесь. — Он указал на оправу. — Здесь он гас бы вместе со мной. А снаружи — мог ждать.

— Ты использовал меня, — сказала она. Не обвиняла — ей нужно было произнести это вслух.

— Да, — сказал он. — Я использовал тебя. Три года прокладывал нить, пытался привести твою голову в порядок, но подростковая голова — проблема на проблеме.

Она ожидала, что это ударит. Не ударило — осело где-то внутри, как оседает то, о чём давно догадывалась.

— Ты хоть немного сожалеешь? — спросила она.

Нанум смотрел на неё долго.

— Нет.

Повисла тишина. Она ожидала хотя бы каплю сожаления, а не такое категоричное «нет».

— Тогда объясни хотя бы одно, — сказала она. — В приюте я звала тебя Ароилом. А ты назвался Нанумом. Почему два имени?

Он медленно открыл глаза, этот вопрос стоил ему больше, чем предыдущие.

— Ароил — имя, которое я выбрал второпях. Для короны, для отчётов, для детей. Нанум — то, что осталось от меня, когда никто, кроме тебя, не мог услышать.

— Почему ты

— Мне было нечего терять, доверяя тебе спящей, — перебил он с усталой иронией в голосе. — Спящей ты в отчёты не попадёшь.

Она не стала на это никак отвечать.

— Нанум, — позвала она.

— Что, — вздохнул маг.

— К склепу приходил мужчина. Сразу после нас.

— Знаю.

— Он опасен?

Долгая пауза.

— Вы ведь ушли без проблем, — лениво ответил Нанум. — Значит для тебя — нет.

— А для тебя?

Нанум снова повернулся к окну.

— Он уже сделал всё что мог, — в его голосе не было ни злости, ни горечи.

Она постояла секунду у двери.

— Спокойной ночи, — но в ответ тишина. Нанум мыслями был уже не здесь.

Качели во дворе стояли неподвижно.

Мелисса спустилась, прошла через двор и села на них снова. Просто сидела. Над приютом было небо — настоящее, со звёздами, каких не бывает в яви над Угольным Холмом с его дымом и копотью.

Одна звезда горела ярче остальных.

За окном таверны городок жил своим утром — тачки, голоса, запах хлеба с северной стороны. Обычный день. Рынок откроется через час.

На северном входе, у деревянных ворот, стоял лоток с украшениями.

Старый торговец раскладывал товар — кольца, броши, камни разных цветов. Привычно, не торопясь, как раскладывают каждое утро уже много лет.

На самом краю лотка лежал тот самый цитрин. Маленький, чуть больше ногтя, проданный девчонкой ради корки хлеба.

Торговец его не продал за три года. Брели другое, яркое, красивое, на этот — почти бесцветный никто не смотрел. И он лежал и лежал, и иногда, когда солнце падало на него правильно, казалось, что внутри него что-то движется. Совсем чуть-чуть. Торговец никогда не обращал на это внимания. Сегодня утром он снова положил его на край лотка. И стал ждать покупателей.

Глава 10. Честная дуэль

Они разделились у входа на рынок.

— Торговцы украшениями, — сказал Шамаш, оглядывая площадь. — Ищем цитрин. Через час здесь.

— А если нашли раньше? — спросил Тобиас.

— Всё равно здесь. — Шамаш посмотрел на него. — Не геройствуй.

Тобиас сделал вид, что не услышал.

Они разошлись: Шамаш с Эридой влево, где рядов было больше и толпа гуще, Тобиас прямо, Мелисса направо. Она шла и думала о том, что понятия не имеет, как выглядит цитрин среди десятков других камней. Просто жёлтый. Просто маленький. И тёплый изнутри — это она почему-то помнила ладонью.

Мелисса шла вдоль рядов, не особо глядя по сторонам. Ткани, специи, глиняная посуда — всё это проплывало мимо. Она искала пекарню из воспоминаний, надеясь, что торговец будет всё ещё там. Глупо верить в это, но это единственная зацепка, которая у неё была.

Солнечный зайчик скользнул по лицу.

Она остановилась и посмотрела на источник.

Лоток был обычный, с тёмным бархатом: кольца, броши, цепочки. Торговец — пожилой, с аккуратной бородой — уже смотрел на неё.

— Девушка, девушка, подойди! — он оживился сразу. — Лучшие украшения в городе. Вот — серьги с янтарём, смотри, как идут к зелёным глазам. А вот браслет, серебро настоящее. Или кольцо с гранатом

Мелисса его не слушала.

На краю лотка лежал камень. Маленький, желтоватый, почти бесцветный на первый взгляд. Но когда на него падало солнце — внутри что-то двигалось. Совсем чуть-чуть. Как будто там было что-то живое.

— Вот этот, — сказала она. — Сколько?

Торговец осёкся.

— Этот? — торговец, похоже, и сам успел про него забыть. — Да бери так. Всё равно никто не берёт. Ты первая, кто вообще взглянул.

Мелисса потянулась к камню.

— Двенадцать серебряников.

Голос пришёл сбоку. Негромкий, ровный. Она обернулась.

Рядом стоял мужчина. Простая белая рубашка, чёрные кудри, ничего примечательного. Но держался он прямо и смотрел на торговца с вежливым ожиданием, привыкший к тому, что его предложения принимают.

Торговец растерялся. Только что собирался отдать даром, и вдруг — двенадцать серебряников.

— Я его первая увидела, — сказала Мелисса. — Он мой.

— Ты его ещё не купила, — заметил незнакомец.

— Торговец сказал — даром.

— Торговец ещё не принял решение.

Они оба посмотрели на старика. Тот переводил взгляд с одного на другого.

— Три серебряника, — сказала Мелисса, глядя на торговца. — Ты сам сказал — даром. Три серебряника лучше, чем даром.

Оба мужчины с удивлением посмотрели на неё, пытаясь понять, правильно ли услышали.

— Обычно, — произнёс незнакомец медленно, — когда торгуются, цену повышают.

— Я не торгуюсь с тобой, — сказала она. — Я разговариваю с торговцем.

Старик почти кивнул — она видела, что он почти согласился. Три серебряника за камень, который три года пылился на лотке.

— Тридцать золотых, — сказал незнакомец. — За весь лоток.

Повисла тишина. Недолгая — просто торговец перестал дышать на секунду. Потом медленно повернул голову к мужчине в белой рубашке.

— Весь лоток? — переспросил он тихо.

— Весь. — Незнакомец уже доставал кошель — без спешки, как достают то, что не жалко. — Прямо сейчас.

Мелисса смотрела на торговца. Видела, как в его глазах что-то меняется — не жадность, нет — расчёт. Тридцать золотых. Это не просто деньги, это спокойствие на несколько лет. Крыша. Еда. Дети, если есть.

— Простите, девушка, — сказал торговец наконец. Он смотрел в сторону, не на неё. — Тридцать золотых — это

— Понимаю, — сказала она.

Она стояла и смотрела, как незнакомец отсчитывает монеты. Как торговец принимает их обеими руками. Как цитрин на краю лотка ловит солнце. Была даже мысль схватить камень и убежать.

Но незнакомец уже взял лоток целиком. Потом достал из него камень — маленький, желтоватый — и посмотрел на него. Потом на неё.

— Ты проиграла, — сказал он так буднично, будто сообщал ей цену на хлеб.

— Вижу, — сказала она.

— Любопытная тактика, — усмехнулся он. — Три серебряника против двенадцати.

— У меня было только три, — бросила она недовольно.

Нанум сказал: камень сам тебя найдёт. Он нашёл. А потом его забрали прямо из-под носа.

Мелисса стояла и смотрела, как незнакомец уходит — спокойно, не торопясь, с лотком под мышкой. Как будто только что купил обычные безделушки, а не три года ожиданий Нанума.

Она могла отпустить его, найти другой способ, вернуться к остальным и подумать вместе.

— Зачем вам камень?

Она догнала его через два ряда.

Мужчина не остановился сразу — сделал ещё шаг, потом другой, как будто решал, стоит ли вообще отвечать. Обернулся.

— А тебе зачем?

— Это личное, — сказала она.

— Вот и у меня личное.

— Что вы за него хотите?

Он покосился на неё — быстро, оценивающе.

— А на что ты ради него готова?

— На всё.

Он остановился.

Посмотрел на неё — долго. Потом качнул головой в сторону — туда, где между рядами был узкий проход, без толпы.

Мелисса пошла за ним — не из доверия: выбора просто не было.

В проходе было тише. Он остановился у стены, повернулся к ней, и она только сейчас поняла, насколько он высокий — на голову выше. И когда он наклонился чуть вперёд, сокращая расстояние, Мелисса почти инстинктивно отступила спиной к стене.

Незнакомец не прикоснулся — только наклонился. Близко. Достаточно близко, чтобы она могла видеть, что глаза у него не карие, как казалось на свету.

— Неужели на всё? — произнёс он тихо.

Мелисса подняла руку и вlepила ему пощёчину. Звук вышел громче, чем она ожидала. Мужчина выпрямился и медленно поднёс руку к щеке. Посмотрел на неё — и на его лице появилось то выражение, которое она ненавидела больше злости: лёгкое веселье.

— Я просто хотел сказать, — произнёс он, — что не на всё. Видишь?

Мелисса смотрела на него. Щёки горели — от злости, не от стыда.

— Что вам нужно за камень? — сказала она ровно. — Говорите прямо.

Он помолчал. Потом достал цитрин из кармана и посмотрел на него. Вертел в пальцах, не спешил убирать.

— С чего ты взяла, что мне может быть что-то нужно от тебя?

— Иначе зачем разговариваете со мной?

Он убрал камень обратно в карман.

— Приходи сегодня вечером в таверну у южных ворот, — сказал он. — Одна. Там и поговорим.

— И вы отдадите камень?

— Зависит от разговора.

Мужчина развернулся и ушёл. Она сразу же шагнула следом, желая получить хоть какую-то гарантию, что он придёт, — но белая рубашка уже мелькнула между рядами и исчезла.

Рынок был громким, людным, живым — как будто ничего не произошло. Она стояла посреди него и вглядывалась в толпу, но мужчины уже не было.

— Мелисса!

Тобиас шёл к ней — быстро, с явно недовольным выражением лица.

— Я тебя везде искал, — сказал он, останавливаясь рядом. — Ты куда пропала?

— Никуда. Стояла здесь.

— Я звал тебя три раза.

— Не слышала. Рынок шумный.

Он смотрел на неё — внимательно. Не поверил, но спорить не стал.

— Нашла что-нибудь?

Она помолчала секунду.

— Нашла, — сказала она. — Потом расскажу.

Тобиас открыл рот — и закрыл. Что-то в её тоне остановило его. Он просто кивнул и пошёл рядом.

Мелисса обернулась в последний раз, будто чувствовала, что на неё кто-то смотрит. Прохода между рядами уже видно не было — только чужие спины и ни одной в белой рубашке.

Шамаш и Эрида уже ждали.

Девушка стояла чуть в стороне и смотрела на рыночную площадь. Когда Мелисса подошла — повернула голову, посмотрела и снова отвернулась. Даже не демонстративно — и от этого было только хуже.

— Обошли почти всех, — сказал Шамаш. — Торговцев украшениями здесь семь. У троих есть цитрин. — Он помолчал. — Но крупные. Громоздкие. Явно не то.

— Броши размером с кулак, — добавил Тобиас. — Такое не спрячешь в оправу кольца.

— Значит, у остальных не было вообще? — спросила Мелисса.

— У одного был маленький, — сказал Шамаш. — Но он его продал. Говорит, ещё утром. Молодой паре.

— Я нашла его, — сказала она наконец.

Все трое посмотрели на неё.

— Где он? — спросил Тобиас.

— Мелисса, — спросил Шамаш. — Что случилось?

Она посмотрела на него. Потом на Тобиаса. Потом — на Эриду, которая всё ещё стояла вполоборота, но теперь слушала.

— Был человек на рынке, — сказала она. — Перебил цену. Купил весь лоток за тридцать золотых. Камень у него.

— Кто? — спросил Тобиас.

— Не знаю, — сказала она. — Мне нечего было предложить.

Рассказывать друзьям про мужчину она не спешила. Если узнают — одну не отпустят. До вечера было ещё далеко. Но она уже знала — пойдёт.

Глава 11. Аметист

Таверна у южных ворот называлась «Серый петух» — Мелисса прочитала это на покосившейся вывеске и подумала, что название подходит: неприметное, серое, такое, мимо которого проходят не останавливаясь. Краска на буквах облупилась настолько, что петух больше напоминал пятно, чем птицу.

Именно такое место выбрал бы человек, который не хочет, чтобы его запомнили.

Она остановилась у двери и оглянулась. Улица за спиной была пустой — ни шагов, ни теней в окнах, только ветер гонял по брусчатке обрывки соломы, будто не мог решить, куда ему деться. Она сжала край рукава в кулак, разжала. Толкнула дверь.

Внутри было накурено и негромко — не тихо, а тем особым гулом, каким бывают места, где все говорит чуть тише, чем могли бы. Пахло элем, воском и мокрой шерстью плащей, сохнущих у очага. Несколько столов, половина занята: кто-то дремал над кружкой, двое в углу играли в кости, не поднимая глаз.

Она обвела взглядом зал — и нашла его сразу.

Он сидел в дальнем углу, спиной к стене, лицом к двери. Не потому, что нервничал — она уже успела заметить эту его черту: он всегда знал, откуда придёт опасность, и садился так, чтобы увидеть её первым. Белая рубашка сменилась на тёмную, почти сливавшуюся с тенью за его спиной. На столе перед ним стояла кружка — полная, нетронутая.

Мужчина смотрел на неё с того момента, как она вошла. Не искал взглядом дверь — просто ждал, зная, что она откроется.

Она подошла и села напротив.

— Пришла, — сказал он.

— Как видишь.

Он не улыбнулся. Просто смотрел на неё — внимательно, как смотрят на что-то, что хотят понять до конца, прежде чем решить, как с этим быть.

— Пойдем наверх, — сказал он и встал.

Мелисса не встала. За соседним столом кто-то коротко засмеялся, и снова стало тихо.

— Зачем?

— Здесь много ушей.

— Я никуда не пойду, пока не увижу камень.

Он помолчал секунду — ровно столько, сколько нужно, чтобы взвесить, стоит ли спорить. Потом достал цитрин из кармана и положил на стол между ними. Не отдал — просто положил, как кладут монету на весы, ожидая, что вторая чаша тоже сдвинется.

— Наверх, — повторил он.

Она встала.

Комната была маленькой. Одно окно, узкое, с треснутым от старости стеклом, за которым догорал последний свет над крышами. Кровать, стул, стол с оплывшей свечой.

Незнакомец сел на стул. Она осталась стоять у двери, спиной к косяку — так, чтобы чувствовать дерево лопатками.

— Садись, — сказал он.

— Постою.

Он не стал спорить. Достал камень снова — теперь вертел его в пальцах, не глядя на него. Смотрел на неё, и от этого взгляда никуда нельзя было деться, разве что закрыть глаза.

— Откуда ты?

— Это проверка?

— Да.

Он даже не подумал извиниться, и это ей почти понравилось.

— Угольный Холм, — сказала она.

— Где жила?

— В приюте святого Ронана.

Он не изменился в лице. Но пальцы на секунду замерли — совсем чуть-чуть — и снова закрутили камень.

— Долго?

— С семи лет.

— До?

— Ушла три года назад.

— Почему ушла?

Мелисса смотрела на него, и молчание между вопросом и ответом растянулось на пару лишних секунд.

— Это не честный обмен, — сказала она.

— Камень у меня, — согласился мужчина. — Вопросы и есть условие. Ты не поняла?

— Поняла. Не согласна.

— Тогда иди.

Она не пошла.

Мужчина смотрел на неё. В его взгляде не было нетерпения — только ожидание, каким смотрит человек, у которого есть сколько угодно времени и ни одной причины спешить.

— Я ушла, потому что пришли инквизиторы, — сказала она наконец.

Он помолчал. Снова — пальцы, камень, ровный взгляд.

— Дары, — продолжил он. — Какие?

— Воздух.

— Только?

Мелисса сжала край рукава.

— Только, — сказала она.

Мужчина смотрел на неё долго. Он не слушал — сверял: правду он, кажется, знал заранее и ждал, признается ли она сама.

— Ты солгала, — сказал он наконец.

Свеча качнулась от сквозняка из-под двери, и на секунду его лицо ушло в тень.

— Я

— Я прошу у тебя лишь честности. — Голос ровный, без интонации. — Достойная цена за камень?

— Торговец почти даром его отдавал, — сказала она. — Так что не слишком справедливая.

— И всё же камень у меня. — Он чуть склонил голову. — И покупаешь теперь ты у меня. Если хоть раз солжёшь — я уйду.

Мелисса смотрела на него. На камень в его пальцах. На ровное лицо, которое ничего не выражало и именно поэтому было неудобным.

— Воздух и вода, — сказала она.

Она произнесла это вслух впервые в жизни. Слова дались легче, чем она ожидала — будто дверь, которую годами подпирали изнутри, поддалась не потому, что кто-то толкнул, а потому что её просто перестали держать.

Он кивнул. Один раз, коротко. Как будто это было не открытие, а подтверждение того, что он вычислил заранее — и просто хотел услышать это её голосом, а не своими выводами.

— Умеешь пользоваться?

— Воздухом — да. Водой — меньше.

— Почему меньше?

— Потому что — она остановилась. Слова застряли где-то за зубами, там же, где застревало всё, что было связано с водой. — Это долго объяснять.

— У меня есть время.

— А я не уверена, что хочу объяснять.

Он смотрел на неё секунду дольше, чем требовалось для ответа.

— Хорошо, — сказал он. — Зачем тебе камень?

Мелисса молчала.

— Мышка, — произнёс он тихо и без насмешки, будто выбрал самое мягкое слово из всех, что у него были. — Честность.

— Это важно, — сказала она наконец. — Мне очень нужен этот камень. Но я не могу сказать кому.

— Я не спрашиваю кому.

Она посмотрела на него.

— Для чего, — сказал он. — Не кому. Для чего тебе камень?

Пауза. За окном где-то далеко прокричал петух — живой, настоящий, растерянный вечерним временем.

— Чтобы снять печать, — сказала она.

Пальцы уже были в рукаве — сжались раньше, чем она успела это заметить.

Что-то изменилось в комнате. Не звук, не свет — просто что-то. Он продолжал смотреть на неё с тем же выражением лица, но пальцы, крутившие камень, остановились — так же, как останавливались раньше, при слове «приют».

— Какую печать? — спросил он.

— Я не знаю, как она называется. Просто печать. Тьма. — Она смотрела на него прямо. — Кто-то запечатал человека. Его тело лежит. Камень — часть его силы. Без него недостаточно света, чтобы пробить тьму.

Мужчина молчал дольше, чем за весь разговор.

— Как маленький камень может снять такую печать? — спросил он наконец.

— Я не знаю.

— Не знаешь.

— Честно — не знаю, — сказала она. — Мне сказали, что нужен камень. Я ищу камень. Что именно произойдёт, когда я его найду, — не знаю.

Он смотрел на неё долго.

Потом опустил взгляд на цитрин в пальцах. Первый раз за весь разговор посмотрел на него — не на неё. Что-то в его лице стало другим. Совсем чуть-чуть. Как меняется лицо человека, который вспомнил то, о чём старался не думать.

Потом он положил камень на стол и убрал руку.

Мелисса смотрела на камень. Потом на него.

— Вот так? — спросила она.

— Вот так.

Он уже вставал со стула. Взял плащ с кровати, перекинул через руку — движение такое же скупое и точное, как всё остальное в нём.

— Вы сказали, что уйдёте, если я солгу, — сказала она. — Я не солгала ни разу.

— Нет, — согласился он.

— Тогда почему уходите?

Он остановился у двери. Посмотрел на неё — коротко, с тем же неудобным внимательным взглядом.

— Потому что «честно не знаю» — единственный ответ, который мне был нужен, — сказал он напоследок и вышел.

Без стука, без лишнего звука — дверь просто закрылась, как будто её и не открывали.

Мелисса сидела и смотрела на камень на столе. Маленький, желтоватый, тёплый изнутри. И только сейчас она осознала, что так и не спросила имени этого мужчины.

Она забрала камень и спустилась вниз. Ночной воздух ударил в лицо холодом после духоты таверны — Мелисса вдохнула его слишком резко, будто вынырнула из-под воды. Улица тонула в темноте, только у соседнего крыльца светил одинокий фонарь, бросая жёлтый круг на брусчатку.

Шамаш стоял у стены, там, где тень гуще всего — не прячась, просто по привычке. Он не бросился к ней, не окликнул. Просто ждал, перебирая в пальцах ремешок сумки — тот же жест, что и всегда, когда ему было что сказать и он не спешил этого делать.

Мелисса остановилась перед ним.

Он молчал. Смотрел на неё — не на лицо, а куда-то ниже, на её руку. Она проследила его взгляд и поняла: кулак. Она всё ещё сжимала камень — до боли в пальцах.

— Долго, — только и сказал он.

— Не так долго, как ты думаешь.

— Дольше, чем нужно, чтобы отдать деньги за камень.

Мелисса разжала кулак — не до конца, только чтобы кровь снова пошла к пальцам.

— Ты считал время?

— Считал шаги. — Он кивнул на дверь таверны за её спиной. — Дважды подходил ближе, чем сейчас. Дважды разворачивался.

Она не знала, что на это ответить, поэтому промолчала.

Шамаш перестал крутить ремешок. Сложил руки на груди — жест, которого она у него почти не видела: обычно его руки были заняты хоть чем-то, лишь бы не просто висеть сложенными.

— Ты не позвала бы меня, даже если бы я стоял за дверью. — Он не спрашивал.

Спрашивать, как он увязался за ней, она не стала.

— Нет.

— Почему.

— Потому что ты бы вошёл.

— Да, — согласился он. — Вошёл бы.

Он вдруг шагнул к ней — быстрее, чем двигался обычно, — и на секунду Мелисса увидела то, чего не видела за все месяцы в Ордене: его лицо без сдержанности. Не злость. Страх, всего на мгновение не спрятанный за спокойствием.

— Если бы дверь наверху не открылась — начал он и замолчал сам, не договорив, будто фраза была слишком тяжёлой, чтобы донести её до конца.

— Она открылась, — сказала Мелисса тихо.

Шамаш кивнул один раз. И снова стал собой — плечи опустились, лицо выровнялось, руки снова нашли ремешок сумки.

— В следующий раз, — сказал он, — ты хотя бы скажешь куда идешь, какая дверь. Какой этаж. Хоть что-то.

— Чтоб в следующий раз ты пошёл со мной до двери?

— До двери, — повторил он, будто пробуя фразу на вкус. — Не дальше?

— Не дальше.

Он посмотрел на её сжатый кулак ещё раз.

— Получилось, — сказал он, не спрашивая.

Мелисса разжала пальцы и показала камень — жёлтый, тёплый, будто в нём осталась часть таверны, часть комнаты наверху, часть того человека, который его отдал.

Шамаш смотрел на камень долго.

— Хорошая земля не пахнет, пока её не потревожишь, — сказал он наконец. — Ты сегодня что-то потревожила. Не знаю что. Но чувствую, как пахнет.

Мелисса сжала камень обратно в кулак.

— Пахнет плохо?

— Пахнет по-другому. — Он отступил в сторону, освобождая ей дорогу к улице. — Идём. Эрида не спит, будет спрашивать. А Тобиас, кажется, уже порывался идти тебя искать.

— Ты его остановил?

— Дважды.

Мелисса впервые за вечер улыбнулась.

Они пошли рядом, не касаясь друг друга, и темнота впереди была уже не такой холодной, как та, что осталась за дверью таверны.

Глава 12. Ты не обязан

Они вернулись к склепу на следующую ночь. Дверь скрипнула так же, как в прошлый раз — низкая, железная, с проступившей на металле изморозью, будто холод здесь жил отдельно от остального города. Тишина внутри была той же плотной тишиной, не желавшей ничего отдавать наружу.

Тобиас первым спустился по ступеням, держа огонь в руке низко, чтобы тень не падала вперёд. Эрида шла следом, неся с собой медную чашу с водой. Шамаш встал у двери — не входя, просто заслоняя проём спиной, как делал всегда, когда хотел, чтобы путь назад оставался только один, и только через него.

Нанум лежал так же, как в прошлый раз. Свет над ним мерцал неровно — тонкая нить, которую что-то тянуло вниз, в темноту под телом, будто тьма пила его медленно, глотком за глотком.

— Чтобы снять печать, — сказала Эрида, опускаясь на колени рядом с телом, — нужно сначала понять, как её наложили. Я попробую войти. Так же, как в тот раз с тобой.

Мелисса напряглась, но кивнула.

Эрида положила ладони на виски Нанума — осторожно, будто он всё ещё мог почувствовать боль — и закрыла глаза. Несколько долгих секунд ничего не происходило. Потом её пальцы дрогнули, будто наткнулись на что-то твёрдое под водой.

Чья-то рука вцепилась ей в горло и сжала. Эрида дёрнулась, но глаза остались закрыты — будто тело не могло решить, где оно сейчас находится. Тобиас метнулся к ней раньше, чем Мелисса успела вскрикнуть, схватил за плечи и потянул назад.

Не помогло. Хватка стала только явнее — на коже проступили белые пятна там, где сжимали пальцы, которых никто не видел. Девушка начала задыхаться.

— Эрида! — Шамаш упал на колени рядом, обхватил ладонями её лицо. — Вернись. Слышишь меня — вернись.

Она захрипела — не воздухом, звуком, застрявшим между «внутри» и «снаружи». Её глаза уже закатывались, и Мелисса, не думая, оттолкнула парней и обняла её, оттаскивая от Нанума всем своим весом.

Контакт разорвался резко, как рвётся ткань.

Эрида обмякла в её объятьях, хватая ртом воздух. На шее у неё проступили синяки — четыре пальца и большой.

Тобиас перехватил её, пока она кашляла, убирая пряди волос с её лица. Прошла, кажется, целая вечность, прежде чем она смогла говорить.

— Не пускает, — прохрипела она наконец. Голос был чужим, сорванным. — Он не хочет, чтоб я там была совсем не хочет.

— Это он тебя душил? — в голосе Тобиаса была ярость, которую он не потрудился скрыть.

— Не он. — Эрида покачала головой, всё ещё держась за горло. — То, что его держит.

Повисло напряжённое молчание. Мелисса посмотрела на неподвижное лицо Нанума — надзирателя, который был частью её детства, ещё до Ордена, до всего этого.

— Я могу попробовать, но — она сжала свою рубашку, неуверенная до конца в своих словах. — Я никогда этого не делала.

— Я могу повести, — сказала Эрида, поднимаясь. — Не войду сама. Буду просто держать дверь, чтобы она не потерялась внутри. И если что-то пойдёт не так, мы её вытянем.

Мелисса кивнула, соглашаясь с планом. Эрида зачерпнула из чаши воды в ладонь, умыла своё лицо и лицо подруги, снова поставила чашу рядом с головой Нанума.

— Вода держит форму лучше, чем воздух, — сказала она. — Если тебе нужно будет за что-то удержаться внутри — держись за неё. За чашу. Не за меня. — Она помолчала. — Я не войду в голову, но ты сможешь слышать мой голос.

Мелисса посмотрела на неё чуть дольше, чем требовал ответ. Это было не то же самое, что несколько минут назад, когда Эрида пыталась войти сама, и не то же самое, что раньше, в тот раз, когда она вошла в голову Мелиссы без спроса. Теперь она предлагала только воду. Внешнюю. То, за что можно было держаться, не впуская никого внутрь.

— Спасибо.

Мелисса опустила на колени у тела Нанума. Свет цитрина под пальцами казался живым — не горячим, а именно живым, как чужой пульс под кожей. Эрида положила свои руки на её плечи, давая хоть какое-то чувство безопасности.

Она закрыла глаза и потянулась не к воздуху — то было легко, привычно, как дышать. Она потянулась вглубь, туда, где годами держала дверь закрытой на засов.

Темнота вокруг Нанума не расступилась — качнулась, как вода, в которую бросили камень. Она думала лишь о печати, чтоб быстро найти нужный проход. Что-то потянуло Мелиссу вперёд, внутрь, туда, где не было ни верха, ни низа, только чужая память, плотная и холодная, как склеп зимой.

Она увидела этот же склеп — только светлее, без пыли на плитах, будто это было раньше, задолго до всего. Нанум стоял, не лежал: обычный, живой, руки сцеплены за спиной, лицо ещё не измождённое. Перед ним стоял человек. Чёрные кудри, прямая спина. Тот же человек, что сидел за столом в «Сером петухе» — только моложе, или просто не такой усталый.

— Ты не обязан, — говорил Нанум. Голос звучал глухо, будто сквозь воду.

— Обязан. — Аметистовый свет уже собирался в его ладонях, густой, как дым перед грозой. — Приказ подписан не мной. Но исполнить его суждено мне.

— Тогда хотя бы

Он не дал договорить.

Тьма потекла с его ладоней не вспышкой — медленно, как чернила, вылитые в стакан воды: растекаясь, обволакивая, находя контуры тела быстрее, чем Нанум успел отступить.

Сначала обвила его щиколотки тонкими нитями, похожими на дым, который отказывался подниматься. Потом выше — к коленям, к поясу — не сжимая, а облегая, как вторая кожа, слишком плотная, чтобы сквозь неё прошёл воздух.

Нанум качнулся — не от боли, а от тяжести, которая вдруг легла на грудь, будто на него набросили большое мокрое одеяло.

— Элиас — начал Нанум, но тьма уже подобралась к горлу, скользнула по челюсти, накрыла глаза.

На секунду его лицо стало умиротворенным — тем неподвижным, почти безмятежным спокойствием, какое бывает у людей, которые перестают сопротивляться.

— Прости, — сказал он тихо. — Мне жаль, что я умею это делать.

И это стало последним, что услышал Нанум.

Что-то дёрнуло Мелиссу назад — рывком, будто за шкуру. Она открыла глаза уже на полу склепа, тяжело дышавшая, с мокрыми — не от слёз, просто мокрыми — щеками. Эрида держала её за плечи. Шамаш стоял на коленях рядом, хотя мгновение назад был у двери.

Свет над Нанумом стал ярче — на секунду, вспышкой — и снова померк, но теперь ровнее, устойчивее, как пламя, которое наконец нашло, за что зацепиться.

— Мелисса. — Голос Тобиаса, резкий. — Что ты видела?

Она сжала цитрин в кулаке — камень был почти холодным теперь, будто отдал что-то важное и не сразу восстановится.

— Это он, — сказала она. — Тьма — его. Человек из таверны, который купил весь лоток. Он сам его запечатал. Его зовут — Элиас.

Мелисса поднялась с колен, слегка качнулась, опершись о Шамаша.

— Он говорил, что не сам решил, — добавила она, глядя на неподвижное лицо Нанума. — Что приказ подписан не им. Нужно попробовать ещё раз, чтоб узнать, что произошло в приюте. Узнать, куда забрали детей.

Тобиас и Эрида переглянулись.

— Мелисса, — начал Шамаш, указывая на погребальные вазы. — Дети здесь.

Она повернула голову, ноги ещё больше подкосились. Она могла сейчас быть здесь, если бы не сбежала той ночью. Сейчас, глядя на ровный ряд ваз вдоль стены, она была в этом почти уверена: не решение, не план, не взвешенный выбор. Просто ноги, которые понесли её к окну раньше, чем голова успела спросить зачем.

— На входе висит табличка, датированная тремя годами назад, — объяснил Шамаш, не убирая руку с вазы, маленькой, глиняной, без надписи.

Никто не нашёл, что на это ответить. Эрида взяла подругу за руку.

— Уходим, — сказал наконец Шамаш. — Сегодня мы здесь больше ничего не узнаем. А тебе нужно стоять на ногах, а не падать с них.

Мелисса не спорила. В последний раз обвела взглядом ряд ваз и позволила Тобиасу вести её к лестнице.

Дверь склепа закрылась за ними с тем же скрипом, который в любой другой день показался бы просто ржавчиной на петлях. Но сегодня он прозвучал как последнее слово, оставленное за них кем-то другим.

Комнату в приюте они заняли небольшую. Она была тесной: одна кровать, на которую сразу усадили Эриду, три стула и стол, где Шамаш зажёл единственную свечу, чтоб не привлечь внимание патруля.

Тобиас мерил шагами пространство между дверью и окном — слишком узкое для этого, так что каждые несколько шагов ему приходилось разворачиваться.

— Элиас, — повторил он в третий раз, будто имя могло треснуть и выдать больше, чем давало. — Просто имя. Ни лица толком, ни города, ни того, у кого он служит.

— У короны, — сказала Мелисса. — Или у церкви.

— Значит, мы ищем не человека, — сказал Шамаш, не поднимая взгляда от свечи. — Мы ищем приказ.

Тобиас остановился.

— Это как?

— Ты слышал о таких, как он, — сказал Шамаш. — Люди с несколькими дарами, которых используют для одной задачи и потом прячут подальше от чужих глаз. Я рассказывал тебе о таком в первый год — том, кто скрывал сразу три дара. Может, это он и есть. Может, нет. Но такие не действуют сами по себе. У них есть те, кто отдаёт приказы, и те, кто платит за молчание.

Эрида, до этого молчавшая, потирая горло, подала голос:

— Нам не нужно копаться в этом. Это не наше дело

Тобиас тяжело опустился на стул. Ходить больше не было сил — да и незачем.

— Но мы понятия не имеем как снять печать. Тебя чуть не задушили. Мы ничего не узнали, кроме имени человека, который запечатал Нанума. Даже причины, — вздохнул он.

Мелисса посмотрела на него, сжав край рукава в кулак.

— Он отдал камень, — сказала она. — Без этого не было бы сегодняшней ночи. Ничего. Может

— Он и запечатал его, — сказал Тобиас. — И судя по твоему пересказу, он не спорил, не искал другого способа. Просто сделал, что велели, и извинился, будто извинение что-то меняет.

— Но, что, если поговорить с Элиасом? Попросить снять печать? — продолжила Мелисса.

— Попросить? — усмехнулся Тобиас. — И он, очарованный твоей привычкой лезть в пекло, решит благородно снять печать.

— Я не сказала, что он согласится, — ответила Мелисса, не отпуская рукав. — Я сказала, что он извинился перед Нанумом. Люди, которым всё равно, не извиняются перед тем, кого крушат.

— Люди, которым не всё равно, не крушат вообще, — парировал Тобиас.

Возразить на это было нечем, и она промолчала — не потому, что согласилась, а потому, что не нашла что ответить, не соврав самой себе.

— Мы ещё не знаем всей картины, — сказал наконец Шамаш. — Рано решать, что мы будем делать, когда найдём его. Сначала найти. Потом решать.

Шамаш поднял взгляд от свечи — впервые за весь разговор.

— Никто сегодня никуда не пойдёт, — произнёс он. — Ни с просьбами, ни с угрозами. Мы не решаем ничего важного, еле стоя на ногах.

Он потушил свечу, поднимаясь со стула.

— Завтра поговорим на свежую голову.

Эрида посмотрела на брата с благодарностью.

Тобиас не ответил — просто откинулся на спинку стула и закрыл глаза, будто спорить дальше значило признать, что он не знает, что предложить взамен.

— Тогда до утра, — тихо сказала Эрида. — Спокойной ночи.

Глава 13. Самая долгая ночь

Комнату на четверых они всё так же снимали у хозяйки с усталым лицом — той самой, что в первый вечер выдала её без лишних вопросов и с тех пор так ни одного и не задала. Дом стоял на тихой улице неподалёку от южных ворот; внизу была общая комната с очагом, где по утрам пахло кашей и деревом, а по вечерам — воском и мокрой шерстью, и где постояльцам разрешалось сидеть, пока горит огонь.

Третий день подряд Мелисса почти не покидала снятой ими комнаты. Плотные шторы скрывали дневной свет, а единственным источником освещения оставались несколько свечей. Языки пламени дрожали от каждого перевёрнутого листа старинной книги.

Фолиант занимал почти весь стол: пожелтевшие страницы, незнакомые символы, схемы магических кругов. Единственная подсказка, оставшаяся после той встречи с Нанумом.

Первую неделю они активно пытались снять печать. Даже искали Элиаса, но после встречи в «Сером Петухе», он так больше и не появился.

— Любая печать является замком. Если существует замок, значит, существует и ключ, — прочитала Мелисса, театрально утыкаясь лбом в книгу.

Шамаш улыбнулся краешком губ.

— Всё сложное, начинается с простого. Тебе не следует злиться на книгу.

Мелисса тяжело вздохнула и подняла на него усталый взгляд.

— Легко говорить. Здесь сотни страниц, десятки ритуалов, но ни одного прямого ответа. Одни загадки, намёки и философия. Ах да, ещё самолюбование Нанума в виде заметок. Он ввездливо правил неверные абзацы красными чернилами.

Маг подошёл ближе и, опершись ладонями о край стола, посмотрел на раскрытый фолиант. Он нахмурился, методично пролистывая назад.

— Ты ищешь заклинание. Готовую формулу, которая одним движением разрушит печать. Но что, если автор книги хотел научить не этому?

— Не говори загадками, — недовольно фыркнула Мелисса. — Мне их и здесь достаточно.

Шамаш остановился на самой первой странице, где была изображена печать и её составляющие.

— Я здесь уже смотрела.

— Посмотри ещё раз. Внимательно.

— Ты смотришь на символы. А теперь посмотри на то, чего здесь нет.

— Скажи прямо, Шамаш, это облегчит мне работу.

— И чему же ты тогда научишься? Не ты ли на прошлой неделе говорила, что тебе не хватает базовых знаний и грезилась с Эридой о совместной учёбе в Академии? — усмехнулся Тобиас, закрывая за собой дверь.

Мэл закатила глаза.

* * *

Зима легла на Угольный Холм за одну ночь — будто кто-то наверху решил, что городку хватит осени, и накрыл его белым, не спросив. Снег сгладил крыши, спрятал угольную пыль в колеях, и город, который Мелисса помнила серым, впервые на её памяти выглядел чистым.

— Сегодня в городе никто ни на кого не смотрит, — объявила Эрида. Щёки у неё горели от мороза, а глаза — от чего-то ещё. — Стража пьёт с полудня. На площади ставят столбы с лентами. Долгая ночь.

— И что? — спросила Мелисса, не отрывая глаз от фолианта.

— И то. — Эрида указала на угол, и Тобиас поставил ведро с таким стуком, что вода плеснула через край. — Будем праздновать.

Шамаш, чинивший у окна ремень, поднял голову.

— Праздновать, — повторил он так, будто пробовал слово на прочность. — В городе, где патрулей больше, чем колодцев.

— В городе, где сегодня каждый второй патрульный будет спать лицом в пироге, — отрезала Эрида. — Самая длинная ночь в году, братец. Если мы переживём её без праздника, я официально признаю, что корона победила.

Шамаш посмотрел на сестру. Потом на Мелиссу с Тобиасом — те старательно делали вид, что заняты. Потом хмыкнул, отложил ремень и потянулся за плащом.

— Вернусь к сумеркам, — сказал он уже от двери. — Не спрашивайте.

Вернулся он, когда небо над ямами стало сиреневым. Молча выложил на стол мешочек сушёных яблок, горшочек мёда, завёрнутый в тряпицу настоящий белый хлеб — ещё тёплый — и четыре свечи, толстые, праздничные, с крашеным боком.

— Не спрашивайте, — повторил он, хотя никто ещё не успел открыть рот.

— Ты лучший брат из всех, кого я знаю, — сообщила Эрида, уже развязывая мешочек.

— Я единственный брат из всех, кого ты знаешь.

— Потому и лучший.

Хозяйка ещё засветло ушла к дочери до утра, взяв с постояльцев слово не спалить дом, — и общая комната с очагом досталась им. К вечеру её было не узнать. Эрида развесила по балке ленты, выпрошенные, выменянные или добытые способом, о котором тоже лучше было не спрашивать. Из щепы и ниток она соорудила гирлянду, из старого котелка и снега — «южный ледяной фонарь», который тут же треснул, и все сделали вид, что так задумано. Одну свечу она поставила на подоконник, к самому стеклу.

— Нас увидят, — сказал Шамаш.

— Сегодня свеча горит в каждом окне города, — ответила Эрида, поправляя фитилёк. — Чтобы новый год нашёл дорогу домой. Одна свеча среди тысячи — это не примета. А вот её отсутствие — примета.

Мелисса смотрела на огонёк, обнимая книгу. Где-то там, за четыре квартала отсюда, стояло окно, в котором свеча не горела уже двенадцать лет. Она запретила себе думать об этом ещё неделю назад — и с тех пор думала каждый день.

Ужинали на полу, расстелив плащ вместо скатерти. Хлеб с мёдом казался вкуснее всего, что Мелисса ела за последние годы, а может, дело было не в хлебе. Тобиас рассказывал, как в отцовском поместье слуги тайком подливали управляющему в вино уксус. Эрида смеялась, запрокинув голову. Шамаш делал вид, что не смеётся.

Разговор, как всё в последние дни, сам собой свернул к склепу.

— Я вот чего не могу понять, — сказал Тобиас, отламывая корку. — Ладно печать. Приказ, служба, всё такое. Но вазы. Зачем человеку, который выполняет приказ, оставлять после себя эти вазы — по одной на ребёнка? Это же работа. Их надо было принести туда, расставить

— Может, положено так, — пожал плечами Шамаш. — Приютский обряд.

— Нет такого обряда, — тихо сказала Мелисса.

Все посмотрели на неё. Говорить это вслух она не собиралась.

— Я девять лет прожила у святого Ронана. Я знаю, как там хоронят. Никаких ваз не положено.

— Тогда зачем? — спросил Тобиас.

Мелисса смотрела в огонь. Перед глазами стояло другое: рынок, белая рубашка, аметистовые глаза, которые в свете дня можно принять за карие. «Прости, мне жаль, что я умею это делать».

— Он их считал, — сказала она. — Ваза на каждого. Это не жестокость. Жестокость не считает. Это память. Или счёт, который он ведёт с самим собой.

— Ты защищаешь человека, который запер Нанума, — сказал Тобиас.

— Я не защищаю. Я пытаюсь понять, кого мы пытаемся найти.

Никто не ответил. Полено в очаге треснуло, выбросив сноп искр, и Эрида решительно хлопнула ладонями по коленям.

— Так. Хватит про склепы. До полуночи всего ничего, а у нас ещё обычай.

— Какой обычай? — насторожился Тобиас.

— Южный. Общий. Какая разница. — Эрида уже раздавала клочки бумаги, невесть откуда взявшиеся, как и всё у неё в последние дни. — В новый год входят налегке. Прошлые оставляют старому году — напиши, что оставляешь, и отдай огню. Старый год всё унесёт, ему не привыкать.

— А если я хочу оставить старому году храп Шамаша? — усмехнулся Тобиас.

— Огню всё равно, — милостиво разрешила Эрида. — Он и не такое уносил.

Тобиас написал что-то, паясничая и заслоняя бумажку локтем, как на уроке. Смеха на его лице уже не было. Мелисса поймала его взгляд и не стала ничего говорить, только на мгновение прижалась плечом к его плечу. Он не отодвинулся.

Эрида писала дольше и больше, она серьёзно отнеслась к этому обряду. Её лицо выражало сомнения, о которых она не рассказывала даже Мелиссе.

Записка вспыхнула и исчезла. Эрида отряхнула ладони — и снова стала Эридой.

— Шамаш? — спросила она.

— Я ничего не оставляю. — Он сидел, опершись локтями о колени, и смотрел на угли.

— Всё моё — при мне. Пусть будет при мне.

— Так нельзя, это обычай

— Эри.

Она не стала спорить. А Шамаш, помолчав, всё же взял бумажку и бросил в огонь — молча. Мелисса не спросила. Может, ничего. Может, всё.

Настала её очередь. Бумажный клочок лежал на ладони, лёгкий, как снежинка. Она думала про кошмар, у которого не было начала. Про провалы, чёрные и гладкие, как вода ночью. Как оставить старому году то, чего не можешь даже назвать?

— Я оставляю тебе то, чего не помню, — сказала она и бросила в огонь пустой листок.

Пламя качнулось к ней.

Не так, как качается от сквозняка — коротко и вбок. Оно потянулось — всем телом, через весь очаг, как тянутся за протянутой рукой. Взяло листок ещё в воздухе. И встало обратно, ровное, будто ничего и не было.

— Сквозняк, — пробормотал Тобиас, хмурясь на огонь. Он единственный смотрел на пламя в тот момент. Он поднялся, проверил ставню, подёргал дверь. Ставня была закрыта. Дверь тоже.

— Старый дом, — сказал Шамаш.

— Ага, — сказал Тобиас и ещё раз оглянулся на очаг.

Мелисса сидела очень прямо и грела ладони о кружку, хотя ладоням не было холодно. Холодно было где-то глубже, куда кружкой не достать.

Полночь пришла со стороны площади — сначала гулом, потом ударами била, раскатившимися над крышами: раз, другой, третий. Город закричал сотней голосов сразу, нестройно и счастливо, где-то завизжали дети, залаяли собаки, и в небо над центром взлетели рыжие искры — кто-то из городских, не боясь никого в эту ночь, запустил фейерверк.

Они вышли на порог — все четверо, с кружками горячего отвара, в который Эрида не пожалела последнего мёда. Ночь стояла ясная и звонкая. За чёрными трубами города, высоко, в разрыве облаков, дрожала маленькая белая звезда — седьмая, та, что не упала.

— За то, чтобы следующий год был другим, — сказала Эрида, поднимая кружку.

— Другим — это каким? — спросил Тобиас.

— Любим. Лишь бы не таким.

— И за тех, кто у другого костра, — добавил Шамаш тихо. — Где бы он сейчас ни горел. Кружки глухо стукнулись. Мелисса пила маленькими глотками и смотрела на звезду, пока от мороза не заслезились глаза. Шамаш, не говоря ни слова, снял свой плащ и накинул ей на плечи.

— Я не замёрзла.

Но плащ уже укутал её запахом дыма, землёй и почему-то летом. Она не стала его снимать.

— Слушайте, — сказал вдруг Тобиас, — а какой хоть год наступил? Кто-нибудь вообще считает? В лесу дни не считают, я уже года три как сбился.

— В приюте считали, — отозвалась Мелисса, не отводя глаз от звезды. — Каждое утро мы выводили дату на грифельных досках. Столько-то лет от Падения — от той ночи, когда шесть сестёр упали на землю. Надзиратель проверял у каждого. Сейчас — она прикинула, загибая пальцы под плащом, — четыреста двадцать

— Седьмой, — сказал голос у самого её уха. Тихий, тёплый и нездешний, как дыхание на стекле. — С этой полуночи — четыреста двадцать седьмой от Падения.

Мелисса заставила себя не вздрогнуть — почти сумела.

— двадцать седьмой, — договорила она вслух. — Четыреста двадцать седьмой.

— Звучит как чей-то возраст, — хмыкнул Тобиас. — Старый мир. Ну, с четыреста двадцать седьмым вас, беглые.

— С новым годом, — сказала Эрида, и все повторили за ней вразнобой, и это прозвучало одновременно глупо и правильно.

Потом были ещё яблоки в меду, и песня, которую Эрида начала, а Тобиас испортил, и спор о том, кто испортил, и короткий, на грани сна, рассказ Шамаша о том, как они с Эридой детьми встречали Долгую ночь в портовом городе и отец поднимал их обоих на плечи — по одному на каждое, — чтобы они увидели корабли с фонарями на мачтах. Эрида уснула на середине рассказа, по-детски, сразу. Шамаш договорил шёпотом, для одной Мелиссы, и она так и не поняла, счастливый это был рассказ или нет.

Когда все улеглись, она вышла с котелком — набрать снега на утро. Так она сказала себе.

Ночь стала тише. Город догуливал: гул сходил на нет, свечи в окнах гасли по одной, как звёзды на рассвете, только рассвет был ещё далеко. Мелисса набрала снега, выпрямилась — и увидела его в тёмном стекле окна, рядом со своим отражением. Там, где никого не могло быть.

— С новым годом, Нанум.

— С новым годом, Мелисса.

Он помолчал и добавил — с той самой лёгкой печалью, что тогда, у ручья:

— Четвёртый, который я встречаю по эту сторону стекла. Начинаю привыкать. Это худшее, что в нём есть.

Он был бледнее, чем в её снах, — почти прозрачный, набросок человека на запотевшем стекле. Печать ослабла, но сил у него, она знала, было ровно столько, сколько нужно, чтобы прийти и уйти.

— Ты ведь знаешь, — сказала она, не спрашивая. — Про вазы. Он их считал?

Отражение молчало так долго, что она успела решить: не ответит.

— Думаю, считал, — сказал Нанум наконец. — Это всё, что тебе сейчас нужно знать.

— А остальное?

— Остальное — не здесь. Не в эту ночь. — Его глаза, два тусклых жёлтых огонька в стекле, смотрели не на неё. Они смотрели туда же, куда она весь вечер запрещала себе смотреть — поверх крыш, в сторону четвёртого квартала от площади.

— Мелисса. Есть двери, которые заперты не снаружи.

— Что это значит?

Но стекло уже было просто стеклом, тёмным и чистым, и в нём отражалась только она сама — девушка с котелком снега и чужим плащом на плечах.

Она вернулась в дом, поставила котелок у очага, подбросила полено. Эрида спала, свернувшись клубком, как всегда. Тобиас — раскинувшись, заняв места на троих. Шамаш спал сидя, привалившись спиной к двери, и даже во сне лицо у него было такое, будто он что-то сторожит.

Мелисса села к окну. Свеча на подоконнике догорела до половины и стояла в озерце собственного воска, упрямая. За стеклом лежал город — белый, притихший, весь в редких затухающих огоньках.

Она нашла взглядом нужное место сразу, без ошибки — так язык находит выбитый зуб. Четвёртый квартал от площади. Тёмный провал между двумя крышами, где не горело ни одной свечи.

Дом стоял там же. Двенадцать лет в его окне никто её не ждал. В порядке ли сейчас родители? Родили ли они ребёнка? И если появился — смог ли занять то место, которое когда-то принадлежало ей? Много вопросов и ни одного ответа.

— Я только посмотрю, — сказала она тишине и шагнула.

Тишина ей не поверила.

Глава 14. Там, где не ждут

Город провожал её свечами.

Они горели в каждом окне — маленькие, упрямые, чтобы новый год нашёл дорогу домой. Снег скрипел под сапогами так громко, что Мелисса вздрагивала на каждом шагу, хотя вздрагивать было не от кого: гуляки разошлись, стража спала лицом в пирогах, как и обещала Эрида. Плащ Шамаша был тяжёлым и тёплым, пах дымом и летом, и она куталась в него, как в чужую смелость.

— Я только посмотрю, — повторила она вслух, для себя. Слова вышли белым паром и растаяли.

Четвёртый квартал начался незаметно — просто дома стали ниже, заборы кривее, а свечей в окнах меньше. Потом кончились фонари. Потом кончились свечи.

Дом она узнала не глазами. Ноги сами замедлились у покосившейся калитки, как замедляются у края обрыва. Он был меньше, чем в памяти, — ниже, уже, вросший в сугроб по самые окна. Глиняные стены в темноте казались серыми. Ветхая ставня — та самая, левая — дребезжала на ветру, мелко и знакомо, как зуб, который шатается всю жизнь.

Мелисса стояла и смотрела, как дребезжит ставня.

Снег на этой стороне улицы был нетронутым — ни следа, ни тропинки. Зато на другой стороне тропа была протоптана широко и старательно, дугой, в обход. Люди ходили здесь двенадцать лет — и двенадцать лет обходили этот дом, как обходят дурное место.

«Они переехали, — сказала она себе привычное. — Отдали меня и переехали. Начали заново. Может, у них»

Мысль послушно свернула туда, куда сворачивала всегда, — к безопасному. К другому городу, к другому ребёнку, к чужой счастливой жизни, на которую можно злиться. Злиться было можно. Злость не задавала вопросов.

Дверь поддалась от одного толчка — замок был сорван давно, ещё до снега, до многих снегов. Но за дверью не было беспорядка, какой оставляют воры.

За дверью было всё.

Стол у окна. Две лавки. Мамин чугунок — на очаге, там, где ему положено. У двери стояли отцовские сапоги. Один — начищенный до тусклого блеска, второй — в засохшей рыжей глине.

Кто уезжает, начистив один сапог?

Мелисса стояла в дверях собственного детства и чувствовала, как заготовленная за двенадцать лет история — «отдали и переехали» — трещит, как лёд под ногой. Никто отсюда не переезжал. Отсюда вышли — и не вернулись. Или

Или не выходили вовсе.

— Нет, — сказала она темноте

Темнота не спорила.

Она прошла внутрь, и половица отозвалась под ногой тем же голосом, что и всегда, — третья от двери, скрипучая. Над очагом, на гвозде, висел пучок мяты. Серый, ломкий, мёртвый. Мелисса протянула руку раньше, чем успела себе запретить, и растёрла лист между пальцами.

Запах был слабый, почти придуманный. Но он был. Дым и сушёная мята.

Мама.

Слёзы пришли без предупреждения — не горе ещё, просто вода, как будто тело знало больше головы и плакало наперёд. Мелисса вытерла щеку ладонью, пахнущей мятой, и огляделась сквозь пелену.

Лежанка стояла у стены. Узкая, детская. Её.

Она не решала подойти — ноги решили сами. И рука сама нырнула в темноту под лежанкой, в самый дальний угол, — тело помнило дорогу, которой не помнила она.

Пальцы наткнулись на дерево.

Коробочка была маленькой, из-под свечей. Внутри, когда она подняла крышку, тускло блеснуло — камешки. Десяток серых камешков, и в каждом — искры слюды, звёздная пыль, спящая в камне.

«Смотри, что я нашёл, — говорил отец, присаживаясь на корточки, от него пахло камеломней, холодом и работой. — Ещё одна звезда упала. Ровно в мой забой. Это уже седьмая, а, Мэл? Считай, скоро соберём всё небо».

Мелисса сжала камешки в кулаке.

И всё вернулось.

Плотину, которую она строила двенадцать лет, снесло одним ударом — и вода пошла вся разом.

Комната была маленькой. Глиняные стены, деревянный пол, очаг в углу. Мама сидела у огня и штопала, отец у двери чистил сапоги — один уже блеснул, второй ждал. Мелисса лежала под шерстяным одеялом и торговалась за сказку.

— Про семь звёзд.

— Ты же знаешь её наизусть.

— Расскажи, как будто я в первый раз слышу.

Мама отложила штопку, пересела на край лежанки. От неё пахло дымом и мятой. Когда мир был ещё молод и пуст, на небе горело семь звёзд
а седьмая всё ждёт

Стук.

Не соседский — соседи скребутся. Этот стук бил в дверь, как в бочку, три раза, с паузой, как по уставу.

Мама замолчала на полуслове. Мелисса на всю жизнь — на обе жизни — запомнила, как быстро умеет меняться мамино лицо.

— Под лежанку, — выдохнула мама одними губами, поднимая доску у стены. — Сиди тихо. Что бы ни случилось — тихо.

Темнота под лежанкой пахла пылью и деревом. В щель между досками Мелисса видела пол, ножки стола и сапоги. Отцовские, стоптанные. И — когда дверь открылась — чужие. Высокие, чёрные, блестящие, в каких не ходят, а ступают.

— По учёту Академии Цепей, — голос был ровный, как зачитанный. — В этом доме проживает ребёнок с проявившимся даром. Девочка. Где ребёнок?

— Нет здесь никакого ребёнка, — сказал отец.

Он сказал это спокойно. Так спокойно, что даже Мелисса, семи лет от роду, поняла, чего ему стоило это спокойствие. Отец, который не соврал ни разу в жизни, который порол её не за разбитый кувшин, а за «это не я», — стоял и лгал человеку короны в лицо.

— Соседи утверждают обратное.

— Соседям было темно и показалось.

Чужие сапоги прошли по комнате. Раз, другой. Остановились у очага. У стола. Мелисса вжалась в пол и держала дыхание.

У двери стояла кадка. Обычная кадка с водой — и вода в ней дрожала. Мелко, часто, кругами от середины, хотя пол не скрипел и никто её не трогал. Вода дрожала так, как дрожало у Мелиссы внутри.

Чужие сапоги замерли напротив кадки.

— Интересно, — сказал ровный голос.

— Мыши, — сказал отец.

— Мыши, — согласился голос. И сапоги повернулись носками к лежанке.

Дальше память рвалась на куски, как рвётся ткань — с треском, по живому. Доска отлетела. Рука в перчатке взяла её за плечо — жёстко, сверху, как берут вещь. Мамин крик. Отец — через всю комнату, без замаха, всем телом, — и короткий страшный звук, с которым его отбросило к стене. Мелисса висела в чужой руке, кричала и тянулась к маме, и мама тянулась к ней, вцепившись в железный локоть:

— Она наша! Наша! Мы её не отдадим! Слышишь, ты?! Мы её никому
Хват на плечах. Жёсткий, поднимающий, отрывающий от всего.
И мир кончился.

Стало холодно — сразу, целиком, как будто зима вошла в дом через неё. Вода из кадки встала в воздух. Влага со стен, пар от дыхания, слёзы на щеках — всё, что было в комнате водой, перестало быть водой и стало иглами. Тонкими, длинными, звенящими. Их было много, как звёзд.

Она не приказывала им. Она просто хотела, чтобы её отпустили. Чтобы никто больше никогда не отрывал её от мамы.

Иглы ударили во все стороны разом.

Тишина, которая наступила потом, была самой громкой на свете.

Мама успела. В последнее мгновение, когда воздух уже звенел, она рванулась — не от, а к, — и закрыла её собой, обхватив руками и вжав лицом в плечо, в дым и мятую. Мелисса не видела игл. Она только почувствовала, как мамино тело вздрогнуло. Раз. И ещё.

Они осели на пол вместе, и мама всё держала её, и рука гладила по волосам — раз, второй, медленнее.

— Тише, — сказала мама ей в макушку. Голос был как из-под воды. — Тише, маленькая. Это просто гроза. Мама рядом. Мама никуда

Рука дошла до затылка и осталась там. Тёплая. Тяжёлая.

Отец лежал у стены, наполовину поднявшись им навстречу, — так и застыв в этом «навстречу», с протянутой рукой, не доползши двух шагов.

Где-то у двери скулил человек в чёрных сапогах.

А девочка сидела в маминых руках, которые больше не гладили, смотрела на иглы, тающие в воздухе каплейю, и кричала внутрь себя, туда, где рождался этот холод:

Закрыть! Закрыть! Закрыть!

И что-то — закрылось.

Мелисса кричала.

Она не знала, сколько. Голос был чужой, сорванный, он бился о глиняные стены и возвращался к ней, и она была ладонями в пол, потому что телу нужно было хоть что-то делать с тем, что не помещалось внутри.

Они её не отдали.

Двенадцать лет она злилась на них. Двенадцать лет придумывала им новый город, новый дом, нового ребёнка — послушного, одноцветного, правильного. Двенадцать лет училась жить с «отдали» — потому что с «отдали» можно жить.

А они просто никуда не уехали. Они остались здесь. Она сама их здесь оставила.

— Мама, — сказала она в пол. — Мама, я не знала. Я не знала, я не

Дом ответил холодом.

Иней полз по стенам — быстро, узорами, как рисует мороз, только мороз не рисует против движения воздуха. Снег тянуло в щели тонкими белыми языками. Вода — талая, подпольная, мёртвая вода этого дома — просыпалась и шла к ней со всех сторон, послушная, преданная, страшная.

В воздухе, тихо звеня, рождались иглы.

Комната поплыла. Стол стал тем столом. Очаг — тем очагом. У двери встали чужие чёрные сапоги, которых не было, и ровный голос, которого не было, сказал из темноты: «Где ребёнок?»

Стук.

Мелисса вскинулась. Стук — в дверь, три раза, как по уставу. Они вернулись. Они всегда возвращаются за ней.

— Мелисса! — Голос снаружи. Голоса. Они знали её имя, конечно, знали, у них всё записано, по учёту Академии. — Мелисса, открой! Мелисса!!

В щелях двери заплясал огонь — рыжий, живой. Они принесли факелы. Лёд на двери зашипел, потёк — они плавили её лёд, они шли за ней, как тогда, и опять был дом, и опять была ночь, и опять всё повторялось, повторялось, повторялось

Дверь подалась.

Первым вошёл высокий. Серый в темноте, широкий в плечах, без лица против света. Он не бросился — он пошёл к ней медленно, раскрыв пустые ладони, сквозь висящие в воздухе иглы, и иглы поворачивались за ним, как подсолнухи за солнцем.

— Мелисса. — Голос шёл издалека, сквозь воду. — Это я. Ты дома. Ты стоишь на земле — чувствуешь? Земля тебя держит. Земля никого не роняет, помнишь?

«По учёту Академии, — говорил ровный голос из-под его слов. — Девочка. Где ребёнок?»

— Не подходи к ней! — женский крик сзади, знакомый, невозможный здесь. — Шамаш, стой, что-то не так, стой!..

— Колючка — Высокий был уже рядом. Совсем. — Посмотри на меня. Это я.

И он взял её за плечи.

Жёстко. Сверху. Как берут вещь, которую сейчас оторвут от мамы.

Иглы были быстрее мысли.

Ни звона, ни удара — только короткий выдох, как будто человек хотел что-то сказать и передумал. Серый силуэт качнулся. Мир качнулся вместе с ним — и с этим движением с него сползло всё чужое: серость, безликость, ночь двенадцатилетней давности.

Перед ней стоял Шамаш. В одной рубаше на морозе — его плащ был на её плечах. Он смотрел на неё сверху вниз, и в янтарных глазах не было ни боли, ни испуга — одно застывшее, бесконечное удивление, как будто он увидел что-то, чего земля ему не обещала.

— Мелисса, — сказал он тихо, уголком губ, как улыбался.

И у него подломились колени.

Он оседал медленно, и руки его сползали по её плечам — не отпуская, до самого пола не отпуская, как как

Крик Эриды разрезал морок, как стекло режет ладонь.

Мир схлопнулся. Настоящий дом, настоящий иней, Тобиас в дверном проёме с огнём, умирающим на ладони, — и Шамаш у её ног, на спине, с открытыми глазами, в которых стояло всё то же удивление.

На рубаше, слева, темнело пятнышко. Маленькое, с ноготь. Ни крови, ни раны — игла вошла тонко и уже таяла.

— Нет, — сказала Мелисса. — Нет-нет-нет

Она упала на колени, рванула ворот его рубашки, прижала ладони к груди. Вода пришла сразу — послушная, преданная, вся вода мира была к её услугам, только скажи. Она послала её внутрь, ощупью, вслепую, туда, где должно стучать, — и нашла.

Тонкий холод. Длиной с палец. Уже наполовину растаявший — прямо там, в самой серёдке тишины, где стука не было.

— Забирай, — она льнула ладонями, лазурный свет тёк с пальцев в его грудь, бесполезный, как свеча в затопленном доме. — Всё забирай, слышишь, всё, что есть, только стучи, ну, стучи!

Её отшвырнуло.

Эрида ударила без магии — всем телом, кулаками, коленями, валя её в иней, и била, и кричала что-то без слов, одним звуком, и Мелисса не закрывалась. Пусть. Пусть бьёт. По скуле, по губам — пусть, это было правильно, это было хоть что-то правильное

— Эри! — Тобиас поймал её поперёк, оторвал, держал, а она билась в его руках, как птица в силке. — Эри, стой, Эри!

Эрида извернулась — и вместо удара вцепилась в плащ на плечах Мелиссы. В его плащ.

— Сними, — прошипела она страшным, незнакомым голосом. — Сними. Его. Сними!

Она сорвала плащ одним рывком — Мелиссу мотнуло, как куклу, — прижала серую шерсть к груди и осела на пол рядом с братом, вдруг кончившись вся, сразу.

И тогда пришёл свет.

Янтарный. Тёплый. Он затеплился под кожей Шамаша — там, где темнело пятнышко, — и пошёл трещинами. Тонкие золотые линии ветвились по груди, выбежали на шею, на скулу, оплели запястья, как корни оплетают камень. Кожа под ними серела — не мертвенной серостью, а другой: ровной, плотной, каменной. Тело тяжелело на глазах — так наливается тяжестью только камень.

— Что это, — Эрида водила ладонями над братом, не смея коснуться. — Что происходит, что с ним происходит?!

— Я не знаю. — Тобиас стоял на коленях с другой стороны, и по его лицу текло, и огонь на его ладони дрожал. — Я не знаю, Эри. Я не знаю.

Трещины добежали до кончиков пальцев — и остановились. Свечение притихло, ушло вглубь, как угли под золой. Шамаш лежал между ними — наполовину человек, наполовину изваяние, с янтарными жилами под серым камнем, и лицо у него было спокойное, со следом той самой улыбки.

Эрида взяла его руку в свои. Каменную.

— Тёплая, — сказала она с ужасом и надеждой, которые нельзя было слушать. — Она тёплая. Он тёплый. Он всегда он же всегда тёплый

Мелисса сидела в шаге от них, там, куда её отшвырнуло, — на коленях в талой воде, среди тающих игл. Губа была разбита, но она не чувствовала. Она смотрела на свои ладони.

Глава 15. Помни

Руки не слушались.

Мелисса смотрела на них — на свои руки, лежащие на коленях ладонями вверх, — и они дрожали мелко и безостановочно, как вода перед бедой. Она пыталась сжать кулаки. Пальцы не собирались. Она пыталась дышать, как учила Эрида: вдох на четыре, выдох на шесть. Воздух входил рывками и выходил всхлипами, и где-то на третьем счёте всё срывалось, и она снова слышала собственный голос — не голос даже, звук, который она не узнавала и не могла остановить.

Никто её не останавливал.

Эрида сидела по ту сторону от Шамаша, спиной к стене, прижав к груди серый плащ, и смотрела перед собой. Она не плакала. Это было хуже слёз. Тобиас стоял у окна — просто стоял, положив ладонь на раму, как будто держал дом, чтобы тот не упал.

Шамаш лежал между ними, наполовину человек, наполовину скульптура, и утренний свет, набирая силу, зажигал янтарные жилы под серым камнем — одну за другой, как свечи.

Он был красивый. Мелисса поймала эту мысль и задохнулась от того, какая она невозможная и какая правдивая. Он был красивый — как статуя, которую великий мастер вырезал из ночи и горя, а потом золотом прошил все трещины, чтобы никто не подумал, будто разбитое не имеет цены.

— Прости, — сказала она ему. Голос сломался на первом же слоге. — Прости. Прости. Прости...

Слово не кончалось. Оно было бездонное.

Сапоги она слышала раньше, чем стук.

Скрип снега — мерный, строевой, в несколько пар ног. Скрип оборвался у крыльца. Первое, что она увидела, — сапоги. Высокие, чёрные, блестящие, в каких не ходят, а ступают. Четыре пары. Пятая — у порога, в стороне, начальственная.

— Именем короны, — сказал голос над сапогами, ровный, как зачитанный. — Всем оставаться на местах.

Дальше всё происходило одновременно и по частям, как разбитое зеркало показывает одну комнату дюжиной кусков. Серые плащи заполнили дом. Тобиаса развернули к стене — он не сопротивлялся, только сказал «тихо, тихо» — не им, Эриде, которая кинулась к брату, но осела под чужими руками. Мелиссу подняли с пола за локти — легко, как поднимают вещь. Запястья стянуло холодом: обручи тусклого металла сомкнулись, и магия внутри неё разом стала глухой, далёкой, как крик под водой. Вода, что стояла у самого горла всю ночь, опустилась на дно.

— Амулеты, — распорядился ровный голос.

У всех троих стянули с шеи шнурок. Камни, три месяца прятавшие их глаза, звякнули об пол.

Инквизитор — немолодой, с лицом, стёртым службой до общих черт, — взял Мелиссу за подбородок и повернул к свету. Она не отвела взгляда. Пусть смотрит.

— Изумруд, — сказал он. И, обернувшись к комнате, где всё ещё таял на стенах иней, где пол блестел от мёртвой воды: — А лёд тогда чей?

Тишина сделала за него весь вывод. Она увидела, как это слово проходит по серым плащам — не сказанное, одними взглядами: двуцветная. Молодой инквизитор у двери сглотнул. Второй перехватил копьё удобнее.

— Это я, — сказал Тобиас от стены, не поворачивая головы. — Лёд мой. Она ни при чём.

— У тебя рубин, — равнодушно сказал старший.

— Я разносторонний.

— Тобиас. — Мелисса услышала свой голос со стороны — ровный, чужой, очень усталый.
— Не надо.

Она посмотрела старшему инквизитору в глаза.

— Это была я.

Признание не облегчило ничего. Оно просто встало в комнате рядом со всем остальным — с инеем, с плащом в руках Эриды, с телом на полу, — ещё один непоправимый предмет.

Старший кивнул, как кивают весам, показавшим ожидаемый вес. Сделал знак. Двое серых шагнули к Шамашу.

— Не трогайте его! — Эрида закричала, пытаясь вырваться. — Не смейте его трогать!

— Тело — вещественное...

Инквизитор наклонился и взял Шамаша за плечо. Свет отозвался на чужое прикосновение, как струна на удар.

Янтарные трещины, застывшие на полпути, ожили. Они побежали дальше — по груди, по горлу, по спокойному лицу, — ветвясь и умножаясь, тонкие, как первый лёд, золотые, как последний мёд. Серый камень наливался глубиной. На один долгий удар сердца Шамаш стал целиком тем, чем становился всю ночь: статуей из тёмного камня, прошитой золотом по всем своим разломам, — такой красивой, что даже серые плащи застыли, и молодой инквизитор у двери сделал знак от сглаза, забыв, что ему не положено.

Первый луч солнца дотянулся через разбитую ставню и лёг Шамашу на лицо.

И Шамаш ушёл.

Не рассыпался — это слово было слишком грубым для того, что случилось. Он осел, отпустил сам себя, как отпускает форму песчаная фигура, когда кончается прилив. Камень стал крошкой, крошка — тёмной землёй, и земля легла на пол ровно и мягко, очертив на миг силуэт лежащего человека, а потом и силуэт разгладился. Осталась только земля. Тёмная, жирная, живая — та самая, из которой всё растёт.

И в ней, по всей комнате, искрилось.

Мелкие блёстки слюды ловили утренний свет и горели — десятки, сотни крошечных звёзд, рассыпанных по полу её дома, как будто кто-то наверху перевернул отцовскую коробку.

«Смотри, ещё одна упала. Ровно в мой забой».

Мелисса стояла в чужих руках и смотрела, как в тёмной земле горят упавшие звёзды, и не могла ни закрыть глаза, ни отвернуться, ни умереть — а больше ничего не хотелось.

Инквизитор, державший Шамаша за плечо, разжал пустую ладонь. По ней текла земля.

Эрида совсем обмякла, опустилась на колени, подползая к брату — конвойный дёрнулся и застыл. Она стала собирать землю ладонями. Горсть. Ещё горсть. Она ссыпала её в серый плащ, бережно, как зерно. Её солёные слёзы смешивались с землёй. Собрала всё до последней крупички, связала углы, прижала узел к груди, и только после этого позволила себя поднять.

Их вывели на снег — троих, в холодное новогоднее утро, под взгляды соседей, которые двенадцать лет обходили этот дом стороной, а теперь стояли и смотрели, как из него выводят новую беду.

Мелисса шла с застывшими слезами и несла в себе одну-единственную мысль, круглую и тяжёлую, как камень в кулаке:

вазы.

Пустые вазы в склепе, по одной на ребёнка. Они не были пустыми потому, что кто-то поленился. Они были пустыми потому, что магам нечего оставить. Сила возвращается в стихию. Тела не остаётся.

Он знал это — человек в белой рубашке. Знал всегда. И всё равно ставил вазы.

Управа пахла чернилами, мокрой шерстью и страхом — застарелым, въевшимся в камень, чужим. В камере было одно окно под потолком, лавка и больше ничего. Эриду и Тобиаса увели дальше по коридору; Мелисса слышала, как лязгнули замки.

Полдня она просидела на лавке, глядя на квадрат света, ползущий по стене. Руки дрожали уже привычно, фоном. Где-то за стеной один раз послышался голос Тобиаса — слов не разобрать, только интонация, та самая, с которой говорят «дыши». Она не поняла, ей это или Эриде. Она подышала на всякий случай.

За ней пришли, когда квадрат света покраснел.

Комната для допросов была немногим больше камеры: стол, два стула, масляная лампа. Её усадили и оставили одну — надолго, нарочно надолго: пустая комната допрашивает не хуже человека.

Потом дверь открылась.

Он вошёл один, без бумаг и без охраны, на ходу расстёгивая дорожный плащ, — как входят не в допросную, а в собственный кабинет. Белая рубашка. Тёмные кудри, примятые капюшоном. В свете лампы его глаза больше не были карими — чистый аметист, ярче чем у Эрвина.

— Мы всё время встречаемся, — сказал Элиас, вешая плащ на спинку стула, — при обстоятельствах, которые ты выбираешь всё хуже и хуже. Рынок ещё куда ни шло. Таверна — терпимо. Но это...

Он сел напротив. Посмотрел на неё — внимательно, без спешки, как смотрел тогда, через стол в «Сером петухе». У Мелиссы было чувство, что её взвешивают на весах, у которых нет гирь.

— Ты знаешь, кто я, — сказал он.

— Человек, который покупает чужие камни втридорога, — голос сел за ночь и звучал как не её. — И запечатывает людей по приказу.

— Неплохо. Неполно, но неплохо. — Он откинулся на стуле. — Представитель короны по делам... скажем так, особого учёта. В этой провинции — я и есть особый учёт. Поэтому спрашивать буду я, а ты будешь отвечать. Начнём с простого. Печать в склепе святого Ронана ослабела. Кто?

— Ты знаешь кто.

— Знаю, — легко согласился он. — Я почти всё знаю, Мелисса. Я знаю, что вы ночевали у вдовы Марты и жгли её свечи над книгой, которую взяли в кабинете надзирателя. Знаю, что позавчерашней ночью печать качнуло — так, что я почувствовал это за две улицы. Я не проверяю факты.

— А что ты проверяешь?

— Тебя.

Слово легло на стол между ними, и Мелисса вдруг очень ясно поняла, что от этого разговора зависит больше, чем от всех разговоров её жизни, — и что ей всё равно. Внутри было выжжено. На выжженном не растёт даже страх.

— Тогда спрашивай быстрее, — сказала она. — У тебя, наверное, много дел. Вазы сами себя не расставят.

Что-то дрогнуло в его лице — на волос, на четверть вдоха. Не гнев. Скорее так вздрагивает человек, которого окликнули по имени в городе, где его никто не знает.

— Зачем ты ослабляла печать?

— Я уже говорила — чтоб снять.

— Зная, кто её ставил?

— Теперь знаю. — Она подняла на него глаза. — «Прости. Мне жаль, что я умею это делать». Так ты ему сказал. Перед тем как закрыть.

Элиас замер.

Это длилось секунды три, не больше, но за эти три секунды из комнаты исчезло всё лишнее — лампа, стол, управа, корона. Остались два человека, один из которых знал слова, которых не слышал никто живой.

— Печать показала тебе это, — сказал он наконец. Медленно, как ступают по льду. — Ты коснулась моей печати, и она открылась тебе, как страница.

— Я не просила её открываться.

— Они никогда и не открываются. — Он смотрел на неё теперь по-другому. Так смотрят на замок, в котором изнутри повернулся ключ. — Ни для кого.

— Значит, твоя работа не так хороша, как тебе говорили.

Он рассмеялся — коротко, искренне, запрокинув голову, и смех у него был неожиданно молодой.

— Мне определённо не говорили о тебе. — Он побарабанил пальцами по столу. — Знаешь, что в тебе самое любопытное? Не второй дар. И даже не фокус с печатью. Ты сидишь в кандалах, в комнате, из которой существует один выход — эшафот, — и дерзишь единственному человеку, который может помиловать тебя. У тебя поразительное отсутствие инстинкта самосохранения.

— Не припомню, чтоб говорила, что нуждаюсь в помиловании. Я убила друга и эшафот, это не страшно. Это — заслуженное наказание.

Элиас не отвёл взгляда. И не стал говорить «сожалею» — и за одно это она была ему почти благодарна.

— Расскажи, — сказал он вместо этого. — Своими словами. Что произошло в том доме.

И она рассказала. Ровно, глядя в стол, не щадя себя ни в одном слове: про свечу, которой не было в окне, про сапог, начищенный наполовину, про коробочку под лежанкой. Про ночь, которая вернулась. Про иглы — те и эти. Про хват на плечах. Про слово «Колючка». Ей нечего было терять и незачем врать: враньё — это когда хочешь что-то сохранить.

Он слушал не перебивая. Один раз — на иглах — прикрыл глаза, как от яркого света.

— Маги не оставляют тел, — сказал он, когда она замолчала. Негромко, без казённости, как говорят о своём. — Мы возвращаемся туда, откуда взяли силу. Огонь — в тепло, вода — в дождь. Земля — в землю. Мало кто это видел: обычно нас убивают там, где некому смотреть. — Элиас ненадолго умолк. — Тебе не показалось. Это красиво. В этом весь стыд.

— Поэтому вазы, — сказала Мелисса.

Он не ответил. Ответ был в том, как он на неё посмотрел.

— Хорошо. — Элиас поднялся, прошёл к стене, обернулся. Деловой тон вернулся к нему, как надетый плащ. — Теперь то, зачем я на самом деле здесь. По совокупности — беглая, неклеимёная, многоцветная, порча королевской печати, смерть мага — тебя ждёт эшафот, и это если в столице будет хорошее настроение. Твоих друзей тоже: соучастие. Но корона расточительна только с теми, кто ей бесполезен. Ты — полезна. Мне нужны глаза, которые видят разными цветами. Я предлагаю тебе службу на меня. Работу, если угодно.

Мелисса смотрела на него снизу вверх. Работа.

Смех начался где-то в животе, глухо, как землетрясение, и она не смогла его удержать — да и не пыталась. Она смеялась, согнувшись над скобой, к которой были пристёгнуты её дрожащие руки, смеялась горько, взхлёб, до слёз, которые наконец-то потекли — не те, правильные, а эти, страшные, вперемишку со смехом, — и слышала со стороны, какой это жуткий звук, и не могла остановиться.

— Работу, — выговорила она. — Мне. Я сегодня убила человека, который любил меня. Я узнала, что двенадцать лет назад убила двоих, которые любили меня ещё больше. Все, кто меня любит, умирают, а ты предлагаешь мне ра-бо-ту...

Элиас ждал. Не утешал, не одёргивал, не смотрел в сторону — стоял и ждал, пока смех выгорит, как ждут, пока прогорит костёр, который нельзя тушить.

— Смейся, — сказал он, когда она затихла. — Это честнее слёз. Вот только, мне нужны многоцветные. Ты и тот алый парень. А вот девчонка... таких много.

Он взял плащ со спинки стула. У двери задержался.

— Я вернусь за ответом, Мелисса. Не спеши, забрав одну жизнь, ты можешь спасти другую.

Дверь закрылась. Лязгнул замок.

Ночью, в камере, Мелисса лежала на лавке, смотрела в стену. Она почувствовала, как темнота начинает работать. Мягко, заботливо, как всегда. Край ночи поплыл. Голос Шамаша — «...Колючка» — стал тише, глуше, дальше, как будто кто-то бережно уносил его в соседнюю комнату. Ужас закруглялся по краям. Вода внутри неё, глухая под кандалами, всё равно делала своё дело — тянула, слизывала, стирала. Милосердная. Преданная. Обученная одной семилетней девочкой в одну зимнюю ночь.

Завтра будет легче. Послезавтра — терпимо. Через неделю от этой ночи останется гладкий шов, и она будет жить дальше, недоумевая, почему Эрида не смотрит ей в глаза.

Мелисса села.

— Нет, — сказала она темноте.

Она пошла в память сама — против течения, за уплывающим. Подняла и держала: янтарные глаза с застывшим удивлением. Тепло рук, которые сползали по её плечам, не отпуская. «Мелисса» — каждый звук, все три слога, тихий уголок улыбки. Мамину ладонь на затылке. Отцовскую руку, не дотянувшуюся двух шагов. Больно было так, что темнело в глазах, — и она держала, потому что эта боль была последним, что у неё от них осталось, и единственным, что она заслужила.

— Помни, — сказала она себе, в голос, как когда-то крикнула «закрыть».

Помни. Помни. Помни.

Течение остановилось. Постояло. И отступило.

Голос Шамаша вернулся на место — близкий, ясный, невыносимый.

Мелисса легла, прижала дрожащие руки к груди. Никогда больше не забывать.

И темнота на этот раз послушалась.

Глава 16. Цена слова

— Мэл.

Голос пришёл сквозь стену — глухой, тёплый. Она не спала. Лежала на лавке и держала в памяти янтарные глаза, как держат ладонь над свечой: больно, но пока больно — горит.

— Мэл. Я знаю, что ты не спишь. Ты дышишь слишком громко.

Она подтянула колени к груди и повернулась лицом к стене. Между их камерами было полтора локтя. Сейчас это была самая честная исповедальня на свете: говоришь стене, а стена отвечает голосом друга.

— Тобиас

Пауза была короткой — он понял сразу, о чём она.

— Я знаю, — сказал он. — Я видел твои глаза, Мэл. Когда он к тебе шёл. Я такие глаза видел один раз в жизни — у оленя, которого загнали собаки. Тебя там не было. В том доме была девочка, за которой пришли, и она защищалась.

— Это были мои иглы.

— Это были её иглы.

— Мы с ней одно, Тоби

Стена помолчала.

— Да, — сказал он наконец, и в голосе не было утешения, за что она была благодарна. — Одно. И это ты будешь нести. Но одно дело — нести, и совсем другое — считать себя виноватой. Нести я помогу. Виноватой быть — не дам.

Она прижала ладонь к камню. С той стороны — она знала, чувствовала — лежала другая ладонь.

— Эри? — спросила она шёпотом.

— Не спит, — сказал Тобиас. — Молчит. Она дай ей время, Мэл. Она вчера потеряла последнюю родную кровь. А сегодня ей придётся решать, жить ли рядом с — он оборвал сам себя.

— С той, кто её пролил, — договорила Мелисса ровно.

Тобиас не стал спорить. Стена — тоже.

За Мелиссой пришли после полудня.

* * *

Комната для допросов была той же. Элиас сидел на краю стола — не за ним, — крутил в пальцах перо и выглядел как человек, у которого впереди длинная дорога и он уже мысленно в ней.

— Ответ, — сказал он, не здороваясь.

— Да. — Мелисса стояла, потому что садиться ей не предложили, а просить она не собиралась. — С условием.

Бровь у него пошла вверх — медленно, с удовольствием.

— Ты торгуешься. Стоя в кандалах, на грани эшафота и торгуешься?

— Я называю цену.

— Просвети меня.

— Торгуется тот, кто может уйти. Я не могу. Поэтому это не торг. Это цена, без которой твоя покупка не работает. — Она смотрела ему в глаза. — Тебе нужны разные глаза. За Эриду уже просил Тобиас, не так ли?

Элиас отложил перо.

— Условие.

— Нанум. Ты снимешь печать. Сегодня, до отъезда, при мне.

Вот теперь он молчал по-настоящему. Не для веса — внутри у него шёл какой-то свой, дорогой счёт.

— Ты понимаешь, о чём просишь, — сказал он наконец. Без вопросительного знака. — Ты просишь представителя короны нарушить действующий приказ. При свидетелях.

— Да.

— Одно слово. Даже не «пожалуйста».

— «Пожалуйста» говорят, когда просят подарок.

Он смотрел на неё долго — и что-то происходило у него внутри. Потом он оттолкнулся от стола.

— Хорошо.

Так просто, что она не поверила.

— Хорошо?

— У тебя талант, — сказал Элиас, снимая с крюка плащ, — удивляться собственным победам. Собирайся. Едем сегодня, до темноты я хочу быть за мостом. Если нет — он не договорил, и недоговорённость была честнее любых слов.

У двери он обернулся.

— Клеймо вам поставят в столице, по всей форме. До тех пор вместо железа будет моё слово. Постарайтесь, чтобы не пришлось узнавать, сколько оно весит.

* * *

Во дворе управы лежал истоптанный снег, и небо было белое, без верха. Тобиас стоял, щурясь на свет, как человек, который сутки не видел неба. Эрида стояла отдельно. Узел из серого плаща висел у неё за спиной, перевязанный крест-накрест, и она держала лямку обеими руками — так, что костяшки побелели.

— Служба, — начал Тобиас. Он произнёс это слово, как выплюнул косточку. — Короне. Той самой, от которой мы бегали по лесам.

— Или эшафот, — сказала Мелисса. — Втроём.

— Ну хоть выбор богатый — Он потёр лицо ладонями, и на секунду из-под ладоней глянул не насмешник, а очень усталый парень двадцати лет, у которого вчера умер друг. — Куда ты — туда и я. Кто-то должен считать твои иглы.

Это была жестокая шутка. Это была его рука, протянутая через пропасть, — другой у него не было. Мелисса кивнула, принимая обе.

Они посмотрели на Эриду.

Эрида смотрела мимо них — на ворота, за которыми лежал город, забравший её брата. Молчание тянулось так долго, что стало отдельным четвёртым человеком во дворе.

— Кира, — сказала она вдруг. Голос был сухой, выгоревший. — Эрвин. Им никто не скажет. Они будут ждать нас к весне, а потом просто потеряют надежду на наше возвращение.

Никто не ответил. На это не было ответа.

— Я еду, — сказала Эрида воротам. Потом повернулась и впервые за два дня посмотрела Мелиссе в глаза — прямо, долго, до дна. — Не с тобой. С ним. — Она поправила лямку узла за спиной. — Кто-то должен довести его до места, где земля лучше этой.

* * *

К приюту святого Ронана поднимались молча, впятером, по нетронутому снегу. Элиас шёл первым и дорогу знал без подсказок — от этого знания у Мелиссы холодело под рёбрами.

В склепе было темнее, чем снаружи, и теплее, чем положено камню.

Тьма лежала на теле в дальней нише, как и прежде, — плотно, ровно. Но теперь, после их работы, по её краю бежало тонкое свечение, слабое, как рассвет под дверью.

Элиас остановился в шаге. Снял перчатки — палец за пальцем, не спеша.

— Отойдите к стене, — сказал он. — Все. Что бы ни происходило — не подходить и не говорить. Печать снимает не рука. Печать снимает решение. Не сбивайте меня с него.

Он положил ладонь на тьму.

Долго — очень долго — не происходило ничего. Элиас стоял неподвижно, с закрытыми глазами, и только по тому, как каменело его лицо, было видно: работа идёт, там, куда не смотрят. Мелисса вдруг поняла, что он делает. Он не рвал и не резал. Печать держалась на его решении — три года держалась, исправно, как всё, что он делал, — и сейчас он разжимал палец за пальцем, как разжимают кулак, сведённый судорогой. Изнутри. Один.

Тьма дрогнула.

Она не рассеялась — она потекла. К его ладони, вверх по запястью, под рукав, домой, — и Элиас принимал её обратно, как принимают долг: не морщась и не торопя. Его качнуло. Он упёрся свободной рукой в край ниши, и Мелисса увидела, как на верхней губе у него проступила тёмная капля.

Последняя прядь тьмы ушла в его ладонь, и в склепе стало светлее.

На камне лежал человек. Белые волосы. Спокойное лицо. Кольца с гербовыми печатями на исхудавших пальцах. Грудь его была неподвижна — секунду, вторую, третью, целую маленькую вечность.

— Прости, что так долго, — сказал Элиас.

Нанум вдохнул.

Звук был страшный и прекрасный — хриплый, рваный, скребущий, первый за три года. Тело выгнулось, закашлялось, ожило всё сразу и неумело, как оживает затёкшая нога.

Нанум открыл глаза. Цитрин был тусклым, как монеты со дна колодца, но это был цитрин, и он был живой.

Первым делом он нашёл взглядом её. Как находил всегда — в тумане, в стекле, во сне.

— Мелисса, — сказал он. Голос шёл трудно, по слогу. — Ты выше, чем со стороны стекла.

Мужчина сел. Долго смотрел на свои руки, шевеля пальцами, как чужими. Потом поднял голову — и посмотрел на Элиаса.

— Ты постарел.

— Ты нет. Печать бережёт.

— Да. Я заметил. — Нанум спустил ноги с камня, покачнулся, устоял. — Приказ

— Подписан не мной, — сказал Элиас.

— Я помню. — Цитриновые глаза не отпускали его. — Я всё помню, Элиас. В этом и главное неудобство.

Он оттолкнулся от ниши и пошёл — медленно, держась рукой за камень, — но не к выходу. Вдоль стены. Вдоль ниш.

У первой вазы он остановился. Постоял. Губы его шевельнулись — Мелисса стояла слишком далеко, чтобы слышать, но достаточно близко, чтобы понять: имя. Он перешёл ко второй. К третьей. Он шёл вдоль ряда и у каждой глиняной вазы губы его складывали имя, и он ни разу не запнулся, ни у одной.

Эрида смотрела на него, прижав к груди лямку своего узла. Что-то происходило с её лицом — медленно, тектонически. Человек, потерявший всех «своих» детей, шёл вдоль пустых ваз и звал каждого по имени, — и женщина, потерявшая брата, смотрела на это и училась тому, чему нельзя научить словами: что это носят. Что с этим ходят. Что имя, произнесённое губами, — это тоже дом.

Дойдя до конца ряда, Нанум остановился у последнего углубления. Оно было пустым — единственным во всём склепе.

— А, — сказал он ровно. — Моя.

Он посмотрел на смятое ложе камня, где пролежал три года, потом обвёл глазами склеп — вазы, своды, тёмный проём выхода, — и что-то договорил внутри себя, и закрыл эту дверь.

— Ну что ж, — сказал Нанум, и в голосе впервые прорезалось что-то от того, прежнего, с лёгкой печалью и усмешкой. — Не каждому выпадает шанс выйти из собственного склепа на своих ногах. Надо ценить.

* * *

Снаружи стоял короткий зимний день, уже клонившийся к синеве. Снег на склоне лежал чистый, и первые следы протянулись по нему вниз, к дороге.

Нанум остановился, зажмурился от белого света и стоял так долго, дыша. Пар его дыхания был самым живым, что Мелисса видела за два дня.

— Лошади у южных ворот, — сказал Элиас. Он уже натянул перчатки, и тёмная капля над губой исчезла, стёртая, и весь он снова был застёгнут на все пуговицы — только двигался чуть бережнее обычного. — До темноты выйдем за мост. Ночуем в Ковше, дальше — тракт. Пять дней до столицы, если зима позволит.

— А если не позволит? — спросил Тобиас.

— Значит, шесть. Зима со мной обычно договаривается.

Они пошли вниз. Эрида — первой, с узлом за спиной, глядя строго перед собой. Проходя мимо Мелиссы, она замедлилась — на полшага, на вдох.

— Не думай, что это что-то меняет, — сказала она, не поворачивая головы.

Мелисса стояла на склоне, пока все спускались. Внизу лежал Угольный Холм — крыши, дымы, площадь, тёмная нитка её улицы у края. Город, который забрал у неё всё. Дважды забрал.

Она нашла глазами четвёртый квартал. Постояла. И не стала прощаться.

Глава 17. Клеймо

Дорога заняла шесть дней — зима договорилась с Элиасом не сразу.

Мелисса запомнила её кусками, как запоминают долгую болезнь. Постоялый двор в Ковше, где хозяин поклонился Элиасу раньше, чем увидел его лицо, — по одной осанке. Мост через замёрзшую реку, где патруль потребовал бумаги, и Элиас, не спешиваясь, показал им маленький знак на цепочке — тусклый металл, ничего особенного, — и старший патрульный побелел лицом и стал смотреть строго между ушей своей лошади, пока они проезжали. Ночёвки, где им всегда доставались лучшие комнаты, и никто никогда не спрашивал, кто эти четверо в поношенных плащах при человеке в белой рубашке.

Нанум учился жить заново.

Это было отдельное зрелище — человек, три года пробывший в небытие, возвращал себе мир по кусочку. Он ел медленно, закрыв глаза, как будто хлеб требовал полного внимания. Подолгу держал в ладонях горячую кружку. На второй день он час простоял под снегопадом, задрал лицо, и вернулся в дом совершенно счастливый и совершенно больной, и Эрида, ни слова не говоря, отпаивала его отваром и ворчала — впервые за неделю её голос стал похож на её голос.

С Нанумом она оттаивала. С Мелиссой — нет.

Они спали в одной комнате и молчали так, что молчание можно было вешать на стену. В Ковше Мелисса проснулась среди ночи от тихого звука и долго лежала, не открывая глаз до конца: у окна, в полосе лунного света, сидела Эрида. Узел из серого плаща лежал у неё на коленях, и она что-то говорила ему — неслышно, одними губами, наклонившись, как наклоняются к спящему. Потом замолчала. Потом сказала одно слово вслух — «помнишь» — и больше ничего.

Мелисса не пошевелилась до утра.

Столицу они увидели в полдень шестого дня, с гребня холма, — и Тобиас присвистнул, а Мелисса придержала лошадь.

Город был белый.

Не от снега — от камня. Он лежал в излучине широкой реки, огромный, ярусами поднимаясь от воды к скале, и весь был из светлого камня, который даже под зимним небом умудрялся сиять. Белые стены. Белые башни. Белый дворец на самом верху, у скалы, с золотой иглой шпиля. После Угольного Холма, после серых деревень и чёрных зимних лесов этот город выглядел так, как выглядит власть, когда ей нечего стыдиться.

— Красиво, — сказал Тобиас с ненавистью.

— Свет хорошо смотрится издалека, — отозвался Нанум. Он смотрел на город без ненависти и без любви — как смотрят на старого знакомого, от которого не ждут ничего нового. — Вблизи у него всегда счёт в руках.

Ниже дворца, на отдельном уступе, стояла башня — тёмная, единственная тёмная во всём городе, опоясанная по фасаду исполинскими каменными цепями. Звенья были высечены в толще стены, каждое — в рост человека, и обвивали башню от подножия до вершины, как будто её не построили, а посадили на цепь.

— Академия, — сказала Мелисса. Спрашивать было не нужно.

— Академия, — подтвердил Элиас. — Привыкайте к виду. Вам туда завтра.

* * *

«Туда» оказалось не в саму башню — в приземистое здание у её подножия, где пахло чернилами, воском и калёным металлом, и где за конторками сидели люди с одинаково аккуратными руками. Управление особого учёта. Мелисса читала вывеску и думала, что слово «особый» она теперь ненавидит отдельно от всех остальных слов.

Их дела Элиас привёз с собой — три тонкие папки, которые он положил на стойку, и четвёртую, потолще, которую не положил.

— Трое на учёт по разряду службы, — сказал он клерку. — Куратор — я. Четвёртый — слуга особого учёта при моём доме, восстановление записи. Бумаги подниму сам, у вас будет только исходящий номер.

Клерк глянул на четвёртую папку, на Нанума, на белые волосы Нанума — и стал очень занят чернильницей.

— Ты только что подделал государственную запись, — вполголоса заметил Тобиас, когда они отошли к скамье ждать.

— Я только что применил полномочия, — сказал Элиас. — Разница в том, кто спрашивает.

Клеймение происходило в дальней комнате, и делал его не кузнец.

Мелисса ждала железа — раскалённого, шипящего, честного. Вместо этого за столом сидела женщина с цитриновыми глазами и усталым лицом, и перед ней на подставке лежала печатка светлого металла: маленькое звено цепи, разомкнутое, размером с ноготь.

— Запястье, — сказала женщина. — Левое. Внутренней стороной вверх.

— Больно? — спросила Мелисса. Не её — воздух.

— Да, — ответил Нанум от двери, просто и сразу. Он стоял, прислонившись к косяку. — Врать не буду. Но недолго.

Она пошла первой — потому что кто-то должен был пойти первым, а Эриду и Тобиаса она вперёд себя пускать не собиралась.

Женщина взяла её руку — профессионально, без грубости, — приложила звено к коже и накрыла своей ладонью. Свет вспыхнул под её пальцами — Мелисса почувствовала его раньше, чем увидела: холод. Не жар — холод, острый, глубокий, входящий под кожу, как игла входит в воду, и на одно бесконечное мгновение ей показалось, что свет смотрит в неё — пересчитывает, взвешивает, заносит в опись всё, что она есть, до самого дна

Отпустило.

На внутренней стороне запястья, там, где стучит жила, лежал знак — тонкое разомкнутое звено, белое, как шрам от старого ожога. Кожа вокруг не покраснела. Просто теперь это была не совсем её кожа.

— Разомкнутое, — сказала она, глядя на знак. — Почему разомкнутое?

— Сомкнутое ставят выпускникам Академии, — женщина уже готовила печатку заново. — Полная цепь. Ваш разряд — она осеклась, сверилась с бумагой Элиаса, — служебный. Звено разомкнуто, пока служба не выслужена.

— А если выслужена?

— Тогда его замыкают, — сказала женщина. По её голосу было ясно: не бывает. — Следующий.

Тобиас прошёл через это, насвистывая — фальшиво и назло, и только на самом холоде свист сорвался. Эрида не издала ни звука; она смотрела не на запястье, а на Элиаса, всё время, пока свет делал своё дело, и Элиас выдержал этот взгляд, не отводя глаз, — и Мелисса подумала, что из всех троих по-настоящему заклеила его сегодня только Эрида.

На улице Тобиас долго разглядывал своё запястье на свету.

— Всю жизнь бегал от этой штуки, — сказал он. — Отец меня прятал, лес меня прятал, полстраны меня прятало. А поставили за минуту, между чернильницей и обедом. — Он опустил рукав. — Даже обидно, до чего буднично нас закончили.

— Вас начали, — сказал Элиас, сядя в седло. — Заканчивают иначе. Едем, до дома час.

* * *

Дом стоял в верхнем городе, на тихой улице, где особняки не смотрели друг на друга окнами, — из того же белого камня, но старше прочих: камень успел потеплеть до цвета слоновой кости. Ограда, зимний сад за стеклом, тяжёлая дверь без герба. Она открылась раньше, чем Элиас коснулся её.

— Ключница Ора, — представил он сухую прямую женщину без возраста, у которой на поясе висело столько ключей, что она должна была звенеть при ходьбе — и не звенела. — Ора ведёт дом. В доме её слово — второе после моего.

Ора оглядела четверых новых слуг одним взглядом, как пересчитывают бельё. Долго вглядывалась в лицо Нанума, словно видела что-то знакомое.

— Ужин через час, — наконец сказала она. — Комнаты готовы. Грязную одежду оставите за дверью, к утру будет другая.

Комнаты им отвели в восточном крыле, наверху, — настоящие комнаты, каждому свою, с кроватью, окном и печкой, и это было так неправильно после четырёх лет палаток и лавок, что Мелисса минут пять простояла на пороге собственной, не решаясь наследить.

Правила Элиас изложил за ужином — перечнем, как читают устав, только устав этот он явно писал сам.

— Первое. Для города вас не существует. Вы — прислуга особого учёта, у прислуги нет имён, историй и родных городов. Второе. Из дома — только со мной или по моему поручению, с бумагой. Звено на вашем запястье любой патруль читает с трёх шагов, а разомкнутое звено читают дважды. Третье. Западное крыло закрыто. Не «нежелательно» — закрыто. Четвёртое. На вопросы Оры отвечать честно, на чужие вопросы не отвечать вовсе. Пятое — он помедлил, обводя их взглядом, и закончил другим тоном, ниже: — Пятое. Этот дом — единственное место в столице, где вам ничего не грозит. Постарайтесь его не потерять. Других таких мест у вас не будет.

— А у тебя? — спросила Мелисса раньше, чем успела себя остановить.

Элиас посмотрел на неё через стол.

— И у меня, — сказал он.

После ужина дом разобрал их по одному, как разбирает усталость. Нанум исчез первым — Ора, к всеобщему удивлению, при виде его сделала что-то среднее между кивком и поклоном и повела показывать библиотеку, и по её спине было видно, что библиотекой она гордится больше, чем всем остальным домом. Тобиас уснул, кажется, раньше, чем дошёл до кровати. Эрида ушла молча, унося узел, — и Мелисса слышала через стену, как она долго двигает что-то в своей комнате, а потом перестаёт, и понимала: нашла место. Под кроватью, у стены. Ближе к себе.

Мелисса легла — и не смогла.

Кровать была слишком мягкой, тишина слишком плотной, дом слишком чужим. Она лежала и слушала, как остывает печка, как где-то внизу Ора обходит дом, пробуя двери, как за окном большой белый город живёт своей ночной жизнью, в которой её не существует. На запястье, под рукавом, ныло разомкнутое звено — не больно, а именно ныло, как ноет новая правда.

Она встала, накинула чужой тёплый халат — «к утру будет другая» одежда уже висела на стуле, всё по размеру, и от этого было только неуютнее, — и вышла в коридор.

Дом ночью был другим. Честнее. Днём он притворялся просто богатым домом; ночью становилось слышно, какой он пустой. Слишком много комнат для одного человека. Слишком мало вещей для такого дома. Ни портретов, ни гербов, ни следов чьей-нибудь жизни, кроме той, что заперта на западе.

Она шла на кухню за водой — так она сказала себе, и часть пути это даже было правдой, — но коридор сам вывел её к развилке, где восточное крыло кончалось и начинался запретный запад: длинный тёмный проход, а в конце его — дверь. Тяжёлая, тёмного дерева, единственная тёмная дверь во всём белом доме.

Под дверью лежала полоса света.

Он не спал. Полночь давно миновала, дом спал, город спал — а человек, который привёз их сюда, сидел за этой дверью и работал, и полоска света была единственным живым во всём западном крыле.

Мелисса стояла в темноте и смотрела на свет.

Кто ты такой, думала она. Человек, который запирает людей по приказу — и ставит вазы по счёту сердца. Который нарушает неотменённый приказ — одним словом «хорошо». Который покупает четыре жизни, платит за них своим словом — и говорит «и у меня», когда его спрашивают про безопасные места. У короны не бывает таких слуг. У таких слуг не бывает пустых домов.

«Ты смотришь на символы, — сказал Шамаш, наклоняясь над фолиантом, в другой жизни, шесть дней и целую смерть назад. — А теперь посмотри на то, чего здесь нет».

Вот что она будет делать, поняла Мелисса, и понимание легло внутри ровно и холодно, как звено на запястье. Она будет смотреть на этот дом, на эти правила, на этого человека — и искать то, чего здесь нет. Пустые места. Незаданные вопросы. Комнаты без портретов. Она найдёт, из чего он сделан, — и тогда у неё будет своё звено на его запястье. Слуги не выбирают хозяев. Но и хозяева не всё знают о слугах.

Это был первый её собственный план за много дней — маленький, острый, живой, — и от него стало легче дышать.

Она уже повернулась уходить, когда из-за двери — спокойно, не повышая голоса, сквозь дерево и пятнадцать шагов темноты — сказали:

— Спокойной ночи, Мелисса.

Она застыла. Сердце ударило в горло — раз, другой.

Полоса света под дверью не дрогнула. Перо там, внутри, продолжало скрипеть, не сбившись.

Она не ответила. Дошла до своей комнаты быстрым шагом, легла, натянула одеяло до подбородка — как в детстве, оставив снаружи одни глаза, — и долго смотрела в потолок.

За дверью, ей показалось, усмехнулись.

Глава 18. Чужое лицо

Дом устанавливал свои сезоны быстрее, чем природа.

Первую неделю Мелисса мерила время не рассветами, а голосом Оры: та поднимала весь восточный флигель ровно за час, стуча костяшками по каждой двери — раз, без повтора, и не приведи Эфир проспать. К исходу недели Мелисса просыпалась за минуту до стука, и это маленькое умение почему-то расстраивало её больше, чем сам стук.

Тобиасу служба давалась хуже всех.

— Серебро, — сообщил он на третий день, демонстрируя друзьям исцарапанные пальцы, как боевые раны. — Меня, мага огня, который плавил вражеские клинки, приставили полировать вилки. Я шесть лет бегал от короны не для того, чтобы натирать её ложки до блеска.

— Ты бы видел, как ты их натираешь, — заметила Эрида, не поднимая головы от разделочной доски. — Ора завтра переведёт тебя к конюхам. Из жалости к серебру.

Она нашла себе место на кухне на второй же день. Сама попросилась, и Ора, оценив с одного взгляда, как Эрида держит нож, больше не проверяла. На кухне Эрида двигалась иначе, руки заняты, голова свободна ровно настолько, чтобы не оставалось места на лишнее. Мелисса видела это издали, не подходила. Между ними всё ещё было расстояние, которое надо было преодолевать заново, шаг за шагом.

Саму Мелиссу Элиас определил в архив.

— Особый учёт помечен неровно, — сказал он в первое же утро, не поднимая глаз от бумаг. — Три года записей свалены как попало. Твой предшественник умел собирать сведения, но не умел их раскладывать. Разбери по годам, учитывая разряд и клеймо. Если найдёшь то, чего там быть не должно, доложишь мне.

Сказано это было легко, между делом, но Мелисса поняла: доверить архив, полный чужих секретов, и попросить доложить о находках — это либо испытание, либо приглашение. Может быть, и то и другое разом. Она принялась за работу, не спрашивая. Собственный план уже зрел в голове, и архив пришёлся на удивление кстати.

* * *

На пятый день, унося связку старых дел на дальнюю полку, она впервые заглянула в библиотеку. Она занимала весь третий этаж западного пристроя, рядом с запретным крылом. Мелисса, видела подобное впервые и описала бы её так: высокая, с лестницами на колёсиках и запахом воска.

Она ожидала увидеть Нанума за работой: он числился хранителем. Это была единственная должность в доме, которая хоть немного шла его прежней жизни.

Увидела Мелисса его не сразу. Первое, что бросилось в глаза — книги неторопливо плыли по библиотеке, снимаясь с одной полки и укладываясь на другую.

Нанум сидел у окна, подперев голову кулаком. Книга перед ним перелистывалась сама. От этого ровного, безучастного шелеста комната казалась живее, чем человек в кресле.

— Работаю, — не поднимая головы, отозвался он. — Просто работа не требует от меня рук. Расточительно было бы шевелить ими, если книги согласны шевелиться сами.

— Ора думает, что ты хранитель.

— Ора думает многое и говорит мало. — Он наконец поднял глаза, насмешливые, сонные, будто их разбудили раньше времени. — Замечательное сочетание для человека, который живёт в этом доме, тебе стоило бы научиться. Спроси уже прямо, вместо того чтобы обходить

вопрос по кругу третий раз. У меня от этого впервые за три года разболелась голова, а я был уверен, что разучился её чувствовать.

Мелисса села на подлокотник соседнего кресла.

— Никто, кроме Оры, не смотрит на тебя так, будто удивлён твоим существованием. Как будто тебя для них нет.

— Для них меня и правда нет, — согласился он. — Личина. Свет умеет одалживать лицо, то, во что упирается чужой взгляд, прежде чем дойти до тебя настоящей. Садовник видит немолодого библиотекаря, каких в столице тысяча. Такое лицо забывают, ещё не дойдя до двери. Ора видит то же лицо. Но помнит, что за ним. Разница невелика. И на деле, это вся разница на свете.

— Зачем прятаться от собственного дома?

Он не ответил сразу, вопрос требовал усилия, а усилие требовало сперва вздохнуть.

— Потому что для короны Ароил, надзиратель приюта святого Ронана, три года как мёртв. Не запечатан, а казнён. Так написано в отчёте, и с тех пор так считает каждый писарь и архив, весь мир если угодно, кроме горстки людей в этом доме. — Он произнёс это тем же тоном, каким читал бы страницу, до которой ему давно нет дела. — Если хоть один гость этого дома узнает моё лицо под личиной, на следующий день найдут два трупа вместо одного мёртвого призрака. Мой — уже настоящий. И Элиаса — за подделку отчёта короне. Так что личина — не блажь. Это цена, чтобы я существовал ещё немного.

— А запись в управлении особого учёта? — вспомнила она. — «Восстановление записи». Клерк тогда так напугался

— Клерк напугался не моего лица, а бумаги. — Нанум позволил себе тень улыбки. — Элиас не воскресил Нанума-надзирателя. Он создал слугу без имени и без прошлого, на которого можно было надеть моё лицо-которое-не-моё. Мёртвых не восстанавливают в записях. Живых же вписывают заново, как будто они родились вчера. Разница снова невелика. И снова вся.

— Значит, тебе незачем правда работать. Ты просто есть.

— Просто есть, — подтвердил он, словно согласился на диагноз, поставленный давно. — За три года, это не худшее, чем можно быть.

Она бы на этом остановилась: вопрос был задан, ответ получен, если бы не заметила кольцо.

Тонкий обод тусклого золота на безымянном пальце, старый, потёртый там, где палец касается пальца при рукопожатии, так стирается кольцо, которое носят десятилетиями, а не то, что покупает себе одинокий хранитель библиотеки или надзиратель приюта.

— Это не его, — сказала она. — Кто ты был до приюта, Нанум?

Он посмотрел на кольцо так, будто вспомнил, что оно вообще существует, с некоторым запозданием, как вспоминают о старом долге.

— Тактика Оры, — сказал он, не открывая глаз, — не в молчании. В том, чтобы видеть раньше, чем спрашивать. Ты это уже умеешь, сама заметила, никто не подсказывал. Быстро для человека, который явно предпочитает спрашивать сразу.

— Так научи меня остальному.

— Лень, — честно сказал он. — И потом: ты всё равно спросишь раньше, чем я договорю до конца.

Нанум снял кольцо и подержал на раскрытой ладони. Тусклый герб на нём стёрся почти до основания: что-то вроде колоса, перевитого лентой.

— Я был графом, — сказал он просто. — Задолго до приюта. Задолго до склепа. Земли, дом больше этого, жена.

В тихой библиотеке это слово прозвучало громче, чем было сказано.

— Была?

— Есть, — поправил он себя, и в этом коротком слове усилия было больше, чем во всём разговоре до сих пор. — Где-то. Вдовствующая графиня. Похоронила меня раньше, чем это сделала корона. У меня был свой карман, свой способ закрыться от того, чем я был. Я не потерял память. Я потерял себя. Сам, по собственной воле: отдал титул, отдал имя, ушёл туда, где никто не станет смотреть внимательно.

— Почему?

— Потому что нельзя быть графом и тем, кем я стал. Выбирать нужно было только раз. — Он снова надел кольцо. — Она оплакивает человека, которого нет около пятнадцати лет. Корона три года назад убила ещё одного, о котором она даже не подозревает. Два мертвеца, одна и та же живая душа под личиной.

Он посмотрел на неё прямо, без тумана в цитриновых глазах, одна усталость.

— Сейчас спросишь, хочу ли я, чтобы она узнала.

— Хочешь?

— Каждый день, — сказал он буднично. — И каждый день отвечаю одинаково: нет. Не из сомнения в её любви, а из веры в её жизнь, которую она построила без меня. Постучаться в эту жизнь, значит не вернуть ей мужа, а сломать вдову. Кто я такой, чтобы отобрать у неё привычку не вспоминать?

— Есть двери, которые заперты не снаружи, — тихо сказала Мелисса.

Он посмотрел на неё дольше, чем требовал разговор.

— Ты запомнила. Тогда, у стекла, в новогоднюю ночь, я говорил это не только о доме твоих родителей.

Она промолчала.

— Я.. никому не расскажу, — сказала она наконец. — Ни Эриде, ни Тобиасу.

— Даже Элиасу?

— Он и так, наверное, знает.

— Знает больше меня самого, — согласился Нанум. Голос у него стал суше, короче. — Спасибо. Не за молчание. За то, что теперь есть живая душа, которая знает её имя, а не только то, что она есть. — Он помолчал. — Лиора. Больше ничего не скажу: ни земель, ни дома, ничего, что можно найти. Но имя пусть будет. Мёртвым нужен хоть кто-то живой, кто помнит их не только вазой в склепе.

— Ты ведь ему обязан жизнью, — сказала она. — Элиасу.

— Обязан, — подтвердил он без всякого выражения. — Поэтому вижусь с ним как можно реже. Легче быть благодарным на расстоянии. — Он перевернул страницу, которую не читал. — Задай другой вопрос. Или иди работай — у тебя там, кажется, ещё три года чужих дел на разбор.

Мелисса не ушла сразу.

Ей нужно было чтобы кто-то показывал ей вещи, которых она не знает. Шамаш всегда пытался её чему-нибудь научить. Теперь земля забрала его, и в доме, полном чужих правил и её собственного клейма, только этот усталый, ленивый человек с чужим кольцом на пальце и чужим лицом поверх своего был готов учить её хоть чему-то, не спрашивая, зачем ей это.

Она сама не была уверена, что имеет право на замену. Но встала с подлокотника медленно, на случай если он скажет что-нибудь ещё.

Он не сказал. Просто перевернул следующую страницу.

* * *

Правило памяти он преподавал ей не в тот же день, а неделю спустя, как будто и учителю нужно время прийти в себя после того, что открыл.

Они стояли у фонтана во внутреннем дворе, том самом, что Мелисса видела из окна архива, но ни разу не подходила близко: круглая чаша тёмного камня, вода в ней текла по кругу, зимняя, ленивая, подёрнутая у краёв тонким ледком.

— Твой дар не в том, чтобы двигать воду, — сказал Нанум, глядя в воду. — Это умеет любой маг твоей стихии. Твой дар в том, что вода помнит, а ты умеешь спрашивать. Только ты спрашиваешь неправильно. Ты всё время спрашиваешь про себя. Опустит руку.

Мелисса опустила пальцы в воду. Холод обжёг сразу, но за холодом пришло что-то тонкое, чужое, как звук голоса за стеной.

— Не тяни к себе, — тихо направлял Нанум. — Слушай. Вода — единственная стихия, у которой есть свидетель. Она не забывает то, что видела, даже если видела это не ты.

Мелисса закрыла глаза.

Она услышала слабое эхо: женский голос, беззвучный смех, чужое облегчение, слеза.

Она отдернула руку, будто обожглась во второй раз.

— Что это было?

— Кто-то плакал здесь. Много лет назад. Возможно, до Элиаса, возможно, при нём. Вода не считает годы, как мы. — Нанум смотрел на воду с прежним спокойствием. — Вода вокруг тебя помнит всё, к чему прикасалась, чужую боль, радость, страх и ложь. Ты можешь научиться это слышать и может однажды, услышишь то, чего предпочла бы не знать.

Он повернулся к ней, и в цитриновых глазах была та же прямота, с которой он говорил о кольце.

— Не бойся этого, когда придёт. Это не безумие, просто вода, которая наконец согласится говорить не только о тебе.

Во дворе стемнело быстрее обычного — зима не церемонилась со светом. Где-то в доме звякнул колокольчик, созывая на ужин, и Ора уже показалась в дверях, оглядывая двор привычным хозяйским взглядом.

— Через две недели приём, — сказала она без предисловий, как объявляют погоду. — Хозяин принимает у себя весь малый двор. Дом должен сиять, а прислуга — быть невидимой. Всем троим, — она обвела Мелиссу, ещё не видных Тобиаса и Эриду одним взглядом, — выучить, куда смотреть и не смотреть.

Она ушла так же внезапно, как появилась. Нанум проводил её взглядом, и то самое лукавство пополам с усталостью на миг погасло.

— Малый двор, — повторил он, — Интересно, кто в этом году считается малым.

Он не договорил. Мелисса не стала спрашивать: у некоторых дверей, она уже понимала, лучше стучать не сразу.

Она вернулась в дом с мокрой ладонью, которая всё ещё помнила чужую воду и чужую слезу, и с именем, которое несла теперь как маленький, тяжёлый камень, — не своим, чужим, доверенным ей на хранение до конца её жизни или его, смотря что наступит раньше.

«Лиора», подумала она. «Кто-то живой наконец знает, как тебя зовут.»

Глава 19. Земля никого не роняет

За неделю до приёма дом перестал быть домом и стал механизмом.

Ора появлялась одновременно в трёх местах — так, во всяком случае, утверждал Тобиас, которого она за эту неделю успела перевести с серебра на конюшню, с конюшни на натирку паркета и снова на серебро, каждый раз объясняя это одним и тем же ледяным «не годится». Через дом текли швеи, полотёры, поставщики свечей; в кухне Эрида третий день не поднимала головы от теста, соусов и списков. Ора перестала к ней придирааться после первой недели в доме.

Мелисса в этой суете оставалась в архиве, тихом островке в доме, где готовились принимать малый двор.

Она разбирала третий год записей особого учёта, когда пальцы наткнулись на бумагу, отличающуюся от прочих плотностью и цветом: не отчёт, а требование — приказ о проверке приюта святого Ронана. Почерк был писарский, безличный. Печать внизу — не Элиаса, чужая: ключ, обвитый шипами вместо кольца, оттиснутый глубоко и уверенно.

Первым порывом было встать, найти его и положить бумагу на стол между ними смотреть, как меняется его лицо. Но она слишком свежо помнила урок про тактику Оры, чтобы поддаться этому без борьбы.

Пробежавшись по тексту, Мелисса вложила требование в стопку, что откладывала для себя, и продолжила разбирать архив как ни в чём не бывало. Руки делали одно, голова — другое.

Наверняка где-то в этих стопках должен быть хотя бы один документ с тем же оттиском. Приказы такого рода не пишутся один раз для одного дела. Их подписывают многократно, привычно, как подпись под расходной книгой.

Она искала до вечера, откладывая всё, что могло показаться похожим. К закату у неё под локтем лежали три листа. Приют Святого Ронана, приют Пресветлой Роны и дом призрения для увечных. Три разных города, три разных приюта и тот же ключ в шипах вместо кольца внизу страницы.

Она не знала, что связывает эти три места, кроме того, что все три теперь не существовали.

Прежде чем идти к Элиасу, она поднялась на третий этаж. Нанум сидел в кресле у окна, книга висела перед ним, перелистываясь сама.

Она ничего не сказала, кладя документы перед его носом.

Нанум не сразу перевёл взгляд на бумаги, сначала оценивал, стоит ли вообще напрягать зрение.

— Дом призрения для увечных, — он скользнул глазами по верхнему листу. — Был там однажды.

— Ты знаешь эту печать?

— Знаю. — Он взял листы с неохотой. — Знаю ровно настолько, чтобы сказать тебе не лезть в это.

— Я не спрашивала совета. Чья это печать?

— Не спрашивала. — Положив бумаги обратно, ответил он. — Но раз уж принесла их сначала мне, а не Элиасу, значит часть тебя всё же хотела совета.

— Тогда скажи хотя бы одно, — ответила Мелисса, пытаясь поймать его взгляд. — Почему ты ничего не делаешь? У тебя было три года в темноте, чтобы придумать план.

Он не счёл нужным отвечать на этот вопрос.

— Ты ведь знаешь, кто виноват. Я видела, как ты смотрел на те вазы. Дело в системе, которая тебя «убила», — и которая позволяет тебе жить сейчас. Да?

Нанум изучал её долгим, немного удивлённым взглядом.

— Прошлого не изменить, Мелисса, — сказал он, перелистывая страницу лёгким движением руки. — Приютов больше нет. А ты есть. Это единственное, что я тебе могу ответить. Остальное оставляю тем, кто моложе и всё ещё верит, что справедливость стоит того, чтобы умереть за неё.

Мелисса не нашла что на это ответить, забрала бумаги и спустилась вниз.

Идти сейчас к Элиасу она не видела смысла. Он не скажет ей ничего, чего она уже услышала. Элиас умел говорить правду так дозированно, ровно столько, сколько он сочтёт нужным.

Если она хотела не объяснений, а того, что нельзя обойти молчанием, ей нужно было найти больше трёх листов, то, что Элиас не сможет вежливо не заметить.

Листы она спрятала не в общую стопку, а в свою.

— Тебя искал Элиас, — сказала Ора, появившись в дверях архива.

Мелисса на миг замерла, прежде чем закрыть стопку рукой.

— Он у фонтана. — Глаза ключницы скользнули за спину девушки, но она ничего не сказала, исчезая в коридоре.

* * *

После часа объяснений Элиасом о том, что она должна будет делать на приёме, Мелисса вернулась в комнату. Свои задачи она поняла, надеясь, что Ора успеет обучить её.

Дверь в комнату Эриды была приоткрыта. Мелисса остановилась в коридоре, не решаясь войти. Подруга сидела спиной, обнимая свёрток серого плаща.

— Ты рылась в моих вещах, — сказала Эри, не оборачиваясь.

— Ты носишь его с собой месяц, — Мелисса вошла.

Эрида развернулась. Лицо у неё было спокойным — тем спокойствием, которое дороже любого крика.

— И что ты предлагаешь? Выбросить его? Пусть покатится по этому белому городу вместе со снегом?

— Я предлагаю дать ему землю. — она заставила себя не отступить. — Не яму, не могилу без имени, а землю. Он всю жизнь заставлял вещи расти. А сейчас лежит у тебя под кроватью в мешке, будто вещь, которую нельзя трогать.

— Ты решила, что тебе можно указывать, как мне носить моего брата?

— Я решила, что достаточно любила его, чтобы сказать это вслух

— Ты убила его, — голос Эриды был ровным, что было страшнее крика. — Своими руками, своим даром, в доме, куда сама же его привела. А теперь учишь меня, как его хоронить?

— Да, — сказала Мелисса. — Всё это правда. Каждое слово.

Она не стала защищаться, решив, что не имеет такого права.

Эрида смотрела на неё долго. Лицо у неё дрогнуло — не прощением, но трещиной, за которой стало видно, как она устала держать эту стену одна.

— Я найду место, — сказала Эрида, глядя в сторону. — Без твоих советов. Но — она сглотнула, это далось тяжелее, чем весь разговор, — Ты права. Мешок под кроватью — это не то, чем он был.

— Просто скажи, где и когда. Я приду, если позволишь, если нет — пойму.

Эрида не ответила. Но когда она вышла из комнаты, свёрток остался лежать не под кроватью, а на подоконнике, на свету.

* * *

Место выбрали к вечеру следующего дня, Эрида передала о нём через Тобиаса. Старая липа в дальнем углу сада, куда не долетал шум поместья, а снег лежал нетронутым.

Без приглашения, но и без возражений, к ним присоединился и Нанум. Он остановился у ограды. Право подойти ближе у него было, но горе здесь было не его.

Тобиас копал сам, отказавшись от чужой помощи. Земля под снегом была мёрзлой, крошилась плохо. Он прогревал её магией и бил лопатой с той злостью, которая не давала замёрзнуть изнутри. Эрида обнимала свёрток и молча смотрела, как углубляется яма, будто проводила брата в долгую дорогу и хотела запомнить каждый шаг.

Когда углубление было готово, она опустилась на колени, отклонив протянутую руку Тобиаса, и развязала узел.

Земля внутри была тёмной, и в свете последнего солнца в ней тускло мерцала слюда — крошечные упавшие звёзды.

— Здесь ты будешь расти, — сказала Эрида, глядя в яму. — В земле, которая держит на себе и не роняет уже сто лет и продержит ещё столько же. — Голос надломился первый раз за всё время. — Прости, что я так долго не давала тебе покоя. Мне было сложно тебя отпустить.

Она высыпала горсть медленно Мелисса опустилась и просыпала горсть следом — руки дрожали, но не от ужаса, а от скорби. Тобиас присел с другой стороны и высыпал следом, стиснув зубы так, что на скулах выступили желваки

Нанум подошёл только когда яму засыпали. Он остановился над свежим холмиком, и губы его двигались беззвучно: Шамаш.

Эрида на мгновение посмотрела на Мелиссу, стоявшую по другую сторону.

— Это не значит, что я тебя простила. — Голос был усталым, но в нём не было прежнего льда.

— Я знаю.

— Но я рада, что ты здесь. — Эрида отвернулась первой, кутаясь в шаль. — Он бы разозлился, если бы мы разодрались над его же землёй.

Тобиас коротко фыркнул.

— Он бы сказал: «Хватит воду разводить. Ещё и в прямом смысле».

Никто не засмеялся вслух. Но внутри у Мелиссы, впервые за месяц, качнулось не в сторону боли.

Они возвращались к дому в сумерках — молча, друг за другом по нетронутому снегу, и старая липа за спиной стояла так же, но теперь у корней, спала слюда, ожидая весны, чтобы блеснуть уже не в темноте, а на солнце.

Глава 20. Игра в вежливость

В вечер приёма дом светился так, что с улицы, наверное, казался единственным не спящим местом в квартале.

Элиас собрал их в галерее за час до первых карет — не как хозяин, а, как показалось Мелиссе, командир перед вылазкой, где ошибка стоит не выговора.

— Малый двор, — сказал он, обводя троих взглядом, — это не большой двор в миниа-тюре. Это те, кому пока нечего терять и очень хочется найти. Вторые сыновья без наследства. Судьи, которым нужен покровитель. Один-два человека из особого учёта, которые придут не пить вино, а смотреть, кто его разливает. — Взгляд задержался на Мелиссе на полсекунды дольше, чем на остальных. — Глаза в пол, руки заняты, ответы короткие. Если кто-то спросит больше, чем положено спрашивать у слуги, — не отвечайте. Найдите меня взглядом, и я приду.

— А если ты будешь занят? — спросил Тобиас.

— Не буду. — Он уже отворачивался, но добавил, не оборачиваясь: — Сегодня я буду занят вами больше, чем гостями. Просто гостям об этом знать не нужно.

Нанум на приём не вышел — библиотека в этот вечер стояла тёмная, и только однажды, поднимаясь с подносом, Мелисса заметила его силуэт на лестнице третьего этажа. Он смотрел в окно, на подъездную аллею, где одна за другой подкатывали кареты с гербами.

* * *

Малый двор оказался именно таким, каким его обещал Элиас: блестящим и голодным одновременно.

Мелиссу поставили у длинного стола с винами — работа, требующая рук больше, чем внимания, и идеальная для того, чтобы слушать. Стены здесь не хранили эха давностью в годы, зато гости хранили его в голосах. Один жаловался другому на цену клейма для младшего брата; судья в годах интересовался, правда ли, что дом Элиаса теперь берёт слуг «прямо с торгов особого учёта, как скот» — и осёкся, заметив, что скот стоит в трёх шагах разливая вино.

Инквизитора она вычислила раньше, чем он представился, по тому, как остальные гости обходили его по широкой дуге, оставляя вежливое расстояние, каким обходят не человека, а инструмент.

— Дознаватель Керн, — сказал он ей сам, беря бокал не с подноса, а прямо у неё из рук, чуть придержав пальцы дольше необходимого. На одном из них тускло блеснул перстень — потемневшее золото, старой работы. — Особый учёт. Новенькая?

— Меньше месяца, — ровно ответила Мелисса, опустив глаза в пол.

— Разомкнутое звено. — Он смотрел на её запястье, там, где рукав чуть сполз. — Служебный разряд, не выпускной. Странно для человека твоего — сделал паузу, — возраста. Обычно в службу берут либо детей, либо тех, кому есть что скрывать.

— Мне повезло с хозяином, — сказала она.

— Всем так везёт в этом доме в последнее время. — Керн отпил, не сводя с неё взгляда. — Три новых звена меньше чем за месяц. Одно восстановление записи для четвёртого. Управление особого учёта обычно не видит такой текучести у одного дворянина. Особенно у того, кто прежде десятилетиями держал дом пустым.

— Мне об этом ничего не известно, — сказала Мелисса. — Я разливаю вино.

— Разумно. — Он наконец отвёл взгляд от её запястья к лицу, разумность её ответа его не убедила. — А глаза у тебя какого цвета, девочка? Свет здесь неудачный.

Она не успела ответить, да и не знала, что сказать, не солгав вслух в комнате, полной свидетелей. Рядом раздался голос, ленивый и лёгкий, словно он весь вечер только и делал, что прогуливался мимо в поисках этого разговора.

— Дознаватель Керн. — Элиас возник между ними так естественно. — Рад, что особый учёт всё-таки удостоил меня визитом лично, а не одной перепиской. Экономит бумагу.

— Куратор Элиас. — Керн склонил голову, но взгляд его не потеплел ни на градус. — Как раз расспрашивал вашу новую приобретённую собственность о цвете глаз. Простое любопытство.

— Изумруд, — ответил он, будто это самая скучная новость вечера. — Дар воздуха, слабый, не выше третьего разряда. Иначе я бы отдал её в Академию, а не оставил при доме, где от неё пользы на грош дороже амулета. Записано в её деле, дознаватель. Могу выслать копию, если управлению не хватает бумаги для скуки.

— Записано вами, — заметил Керн.

— Записано мной, засвидетельствовано клерком регистрации и заверено печатью управления в тот же день, когда я ставил ей клеймо. — Голос Элиаса не изменился: спокойствие человека, просчитавшего три хода вперёд. — Если у вас есть основания оспаривать документ особого учёта, дознаватель, буду рад видеть официальный запрос. Мы оба знаем, сколько недель уходит на такие запросы. И сколько неудобных вопросов они поднимают о том, кто и почему их подаёт на службу третьего разряда.

Керн смотрел на него долго. Мелисса стояла между ними с подносом, не смея дышать. Она чувствовала себя документом, который двое чиновников оспаривают через стол.

— Осторожнее с приобретениями, куратор, — сказал наконец Керн. — Три новых слуги после десяти лет пустого дома. Люди в управлении начинают шутить, что вы собираете коллекцию.

— Люди в управлении, — с такой же ложной вежливостью ответил Элиас, — платят мне за то, чтобы моя коллекция оставалась интересна мне, а не им. Хорошего вечера, дознаватель.

Керн не спешил уходить.

— Забавно, как редко это остаётся в семье, — он разглядывал вино в бокале. — Двухцветные обычно рождаются у чужих людей, в чужих домах. Но иногда ближе, чем кажется. Даже у тех, кому доверяешь безоговорочно.

Элиас не дрогнул. Дознаватель продолжил.

— Вам, куратор, я думаю, эта тема тоже не совсем чужая. — Керн позволил себе полуулыбку. — Слухи ходят разные. А я предпочитаю проверять слухи лично, а не доверять бумаге.

— А доказательств у вас, судя по тому, что вы всё ещё здесь, а не в управлении с ордером, — ровно ответил Элиас, — нет.

Керн отошёл вразвалку, показывая всем своим видом, что никуда не торопится, потому что вопросы, заданные сегодня, никуда от него не денутся и завтра.

— Дыши, — сказал Элиас, забирая с подноса бокал. — Ты держалась хорошо.

— Ты соврал про разряд.

— Я солгал про цифру. Про суть — нет: ты не в Академии, и пользы от тебя больше амулета. — Он позволил себе полсекунды прямого взгляда. — Но да, я соврал. Это будет стоить мне одной проверки через месяц-другой, которую я как-нибудь переживу. Тебе сегодня это стоило одного неприятного разговора.

— Зачем тебе платить за меня цену?

Он забрал у неё поднос, так и не ответив на вопрос.

— Иди в кухню. Скажи Оре, чтобы дала тебе воды и десять минут. Это приказ, не просьба.

* * *

Мелисса застала Тобиаса и Эриду за разделочным столом, среди подносов с недоеденными закусками, которые полагалось убрать час назад, и оба забыли об этом напрочь.

— и тогда он говорит судье: «Прошу прощения, ваша милость, но откуда мне знать, чей это пёс, я всего лишь его выгуливаю» — и судья ему верит! — Тобиас изображал одного из гостей с таким усердием, что даже интонацию подделал: тонкую, обиженную, аристократическую. — Целую собаку он у соседа выгуливал три года, чтобы не платить налог на охотничьи угоды!

Эрида по-настоящему смеялась, тем смехом, какого Мелисса не слышала с Долгой ночи, а может, и дольше. Смех оборвался резко, будто она сама испугалась звука, который из неё вырвался, но Тобиас не дал тишине сомкнуться.

— Не останавливайся, — сказал он. — Мне нравится этот звук. Я по нему соскучился больше, чем думал.

Эрида посмотрела на него не так, как смотрела весь этот месяц, короткими взглядами исподлобья, а прямо, будто впервые за много недель его увидела. Улыбка тронула её губы неуверенно, как пробуют разрешено ли им вообще тут быть.

— Ты дурак, — сказала она мягко, без обычной остроты.

— Это не новость. — Он не отвёл взгляда. — Но, кажется, единственный дурак, которого ты в последнее время терпишь у себя на кухне дольше пяти минут.

Мелисса стояла в дверях, застигнутая врасплох чужой минутой, которую не собиралась подглядывать, попятилась, но половица предательски скрипнула.

Оба обернулись. Момент рассыпался, как сахар с уроненной ложки, но не весь: Эрида, вместо того чтобы снова замкнуться, только смущённо поправила выбившуюся прядь.

— Ора сказала, тебе положена вода и десять минут, — сказала она наливая воду. — Садись. Ты белая, как эта скатерть.

Мелисса села. Вода была холодной и настоящей

— Керн, — сказала она вместо благодарности. — Дознаватель. Спрашивал про мои глаза. Тобиас застыл с подносом в руках.

— И?

— И Элиас соврал чиновнику короны.

— Второй раз за месяц, — заметила Эрида, и в её голосе впервые за долгое время не было ни капли льда, обращённого к Мелиссе. — Сначала Нанум. Теперь ты. Он либо самый безрассудный человек короны, либо самый терпеливый.

— Я такое видел один раз в жизни. — сказал Тобиас, ставя поднос. — У Шамаша, когда он решил учить тебя земле бесплатно, хотя дар у тебя был воздушный и никакой выгоды ему это не сулило.

Имя прозвучало без тяжёлого молчания, которое падало после него весь этот месяц. Все заметили это одновременно, и никто не стал заострять.

— Десять минут, — сказала Эрида. — Потом обратно к вину. Вы оба. У Керна ещё полный бокал, а ночь длинная.

* * *

Приём закончился далеко за полночь, когда последняя карета с гербом укатила в темноту, а Ора начала гасить люстры одну за другой.

Мелисса нашла Элиаса там же, где он давал им наставления за час до приёма, только теперь они стояли одни.

— Керн вернётся? — спросила она, останавливаясь рядом.

— Керн всегда возвращается. Это его работа. — Элиас не обернулся. — Вопрос не в том, вернётся ли он. Вопрос в том, что он найдёт в следующий раз, когда придёт с настоящим запросом, а не с бокалом в руке.

— Ты об этом не жалеешь? О сегодняшнем?

Он повернул к ней голову, и она видела его не сдержанным, не расчётливым, просто усталым.

— Нет, — сказал он. — Не жалею. Что меня беспокоит куда больше, так это как легко даётся ложь ради вас четверых. Раньше это стоило мне усилий. Сегодня, не стоило почти ничего. — Он посмотрел на пустую аллею снова. — Не знаю, хороший это знак или плохой.

— Надеюсь, что хороший.

Элиас не ответил.

Но когда она уходила спать, ей показалось, что он проводил её взглядом дольше, чем требовалось хозяину.

Она уснула не сразу. Вечер всё ещё звенел в ушах голосами, звоном бокалов, шагами Керна, а когда наконец она провалилась в дрему, перед глазами всплыл тот самый момент: его пальцы на ножке бокала, перстень, тускло блеснувший в свете люстры.

Мелисса открыла глаза. Ключ, обвитый шипами вместо кольца.

Она встала, зажгла свечу, и стараясь не разбудить дом, потянулась за пером и чистым листом. Утром она должна помнить это в точности, а не так — как помнят сны.

Глава 21. Дверь с обеих сторон

Дом без Элиаса и Тобиаса казался вдвое больше и тише, только Ора время от времени простукивала где-то этажом ниже, наводя порядок с методичностью, не признающей выходных.

Мелисса устроилась в библиотеке с тазом воды перед собой. Вода поднялась ленивой лентой, послушная и гладкая, впервые за неделю без единой подсказки.

Она испытала совершенно недостойное её положения ликование. Она заставила воду закружиться вокруг себя, будто край невидимой юбки.

— О, господин Элиас, — прошептала она, приседая в неуклюжем подобии реверанса перед пустым креслом у окна, — вы приглашаете меня на танец?

Вода взметнулась широким кругом, изображая подол несуществующего платья, и Мелисса закружилась следом за ней по комнате, смеясь собственной глупости.

— Буду счастлив, — ответила она сама себе низким, важным голосом, изображая поклон несуществующего кавалера.

Дверь библиотеки открылась.

Мелисса не услышала скрипа — не за смехом, не за плеском воды вокруг себя, — а когда обернулась, оказалось, что дознаватель Керн стоит в дверях уже не первую секунду.

— Простите за вторжение, — сказал он, и в голосе не было и следа извинения. — Я искал хранителя библиотеки. Того, чья запись была восстановлена так удачно.

Вода, которую она забыла удержать, с влажным звуком рухнула на пол между ними. Он перевёл взгляд на пол, наблюдая за пятном, растекающимся по паркету.

— Не ожидал застать вместо хранителя нечто гораздо более занимательное. Изумруд, значит и лазурь. Ты понимаешь, что это значит для тебя и для твоего хозяина?

— Я могу — Мелисса отступила на шаг, объяснения у неё не было ни одного.

— Достаточно. — Он полез во внутренний карман плаща, и то, что он вытащил, тускло звякнуло: два тонких кольца, потемневших от старости металла, с гравировкой по всей окружности. — Руки. Так будет проще для нас

Она не успела подумать — рука сама метнулась к столу, к тяжёлому тому, который так и остался лежать открытым со вечера, и ударила Керна в висок раньше, чем он договорил.

Керн покачнулся, пробуя устоять из чистого упрямства, и упал.

Мелисса стояла над ним и не могла заставить себя сделать первый шаг. Она только что ударила дознавателя короны, и та девочка из приюта внутри требовала объяснений, которых не было. Книга лежала рядом с его головой — впервые использованная не по прямому назначению.

Что если она его убила?

Потом руки задрожали, тело получило разрешение испугаться, и она побежала.

Нанум спал в своей комнате — привычка, которую он завёл себе за последние недели. Дверь была неплотно прикрыта, он лежал поверх покрывала, не раздевшись, одна рука свисала с края кровати.

— Нанум!

Он медленно открыл глаза — возвращение в сознание было для него делом, требующим согласия.

— Если дом горит, — сказал он, не поднимаясь, — у нас есть примерно минута, прежде чем это станет твоей проблемой больше, чем моей.

— Керн, — выдохнула она. — Он видел. Я его ударила. Кажется, я его убила.

Он резко сел, впервые без единого намёка на лень.

* * *

Керн сидел на полу библиотеки, потирая висок, когда они вошли.

Взгляд его успел стать цепким и деловым, словно книга по голове была не более чем досадной помехой в расписании.

— Я хранитель библиотеки, — сказал Нанум, — и не припомню, чтобы разрешал входить в неё посторонним.

— Дознаватель Керн, особый учёт, — сказал Керн, поднимая голову. — Где девчонка? Мелисса глубже юркнула за спину Нанума.

— Какая из?

— С двумя дарами.

— Понятия не имею, о чём вы.

Керн начал подниматься, опираясь рукой о край стола.

— Не делайте вид, что

Свет в комнате сгустился в форму, и лег ровно на глаза Керна, тонким слоем, как воск запечатывает письмо. Керн замер с открытым ртом, рука так и осталась на столе, а потом мягко, почти вежливо, осел обратно на пол, как будто просто передумал встать.

Нанум буднично присел рядом, без единого намёка на спешку или торжество.

— Три года я думал, кого запечатать в ответ, — сказал он. — Не думал, что это будет так по-канцелярски.

— Он ведь — начала Мелисса и не смогла закончить.

— Жив, — Нанум не обернулся. — Просто больше не видит. И, полагаю, ближайший час будет во сне.

— Этого мало. — Голос у неё сорвался. — Он пришёл за тобой и видел меня. Слепота не сотрёт то, что он уже знает.

— Не сотрёт, — согласился Нанум. Он спокойно повернулся к ней. — Значит, придётся стереть день, а не зрение.

— Ты можешь это сделать?

— Я? Нет. — Он кивнул на лужу воды, блестящую на паркете. — А вот ты

Мелисса посмотрела на свои руки так, будто видела их впервые. Это ведь то же самое, что сделала Эрида. Залезла в её голову без спроса.

— Да, — подловив её мысль, ответил Нанум. — Хочешь, чтобы я соврал тебе, что это другое, потому что на этот раз враг? Нет. Это ровно то же самое.

Она вспомнила тот день. Тобиас ударил по голове, Эрида вошла в память, а Шамаш он принял решение за всех. И сейчас, то, на что она злилась, делала сама.

— Ладно, — прогоняя воспоминание, сказала она. — Покажи, как.

Нанум опустился на колени рядом с Керном, взял её руку и положил поверх лужи, всё ещё растёкшейся по полу.

— Вода уже в нём: в крови, в глазах, которые я запечатал. Она везде, где есть человек. Тебе нужно будет запечатать день. Не человека целиком, не память вообще, только сегодня. Найди его так же, как находишь то, что прячешь в себе, только направление другое. Внутрь себя ты тянешь. Здесь же толкай.

Мелисса закрыла глаза и оттолкнулась от себя — не внутрь, куда она уходила всю жизнь, а наружу, в чужое.

Внутри было темно, не было ни стен, ни пола. Только тьма, в которой что-то тускло светилось впереди.

«Сегодня», — подумала она, пытаясь нащупать нужный свет, ближайший, самый свежий. Но темнота не слушалась порядка, который она хотела ей навязать. Воспоминания Керна оказались слоями, и, потянувшись к верхнему, она провалилась сразу в несколько.

Элиас, более молодой, в форме, которую Мелисса никогда не видела, стоял выше на невидимой лестнице, пока Керн стоял ниже. Он всегда получал то, что должно было достаться другим. По праву рождения, не по заслугам. Обрывок зависти.

Стол, заваленный бумагами, и рука, ставящая печать на документ, размашисто, с удовольствием.

Академия не резиновая.

Голос, не вслух, а как много раз повторённая мысль.

Последние годы дети с дарами рождаются чаще, и с каждым годом их сложнее удерживать под учётом. Приюты — единственное место, где их можно взять чохом, не поднимая шума по одному ребёнку зараз. Закроем — убьём сразу двух зайцев: избавимся от лишних магов и сохраним казне деньги на их содержание.

Мелиссе стало нечем дышать.

Она заставила себя не тонуть в этом, не разглядывать дольше необходимого. Потянулась дальше, мимо стола с печатью, мимо старого унижения на лестнице, к самой яркой точке — к библиотеке.

Она нашла его, весь сегодняшний день целиком, от лошади у крыльца до её собственного лица в дверях.

Мелисса вместо того, чтобы войти, потянулась к ручке. Дверь закрылась мягко, без сопротивления.

Она вынырнула обратно в собственное тело так резко, что чуть не упала. Нанум уже стоял на коленях рядом с Керном, обе ладони на его висках.

Свет собирался у него в руках, золотой, плотный, стекающий с пальцев, как воск. Он лёг Керну на лоб тонким слоем и впитался внутрь, не оставив следа снаружи. Печать легла поверх той самой двери, только с другой стороны.

— Готово, — сказал Нанум, убирая руки. — Дверь заперта с обеих сторон разом: ты закрыла её изнутри, я запечатал снаружи. Ни один маг воды, каким бы сильным он ни был, эту дверь больше не откроет. Даже ты — реши ты однажды заглянуть туда снова.

— А сам он? Не сможет вспомнить?

— Захочет — упрётся в запертую дверь и решит, что за ней ничего нет, — сказал Нанум. — Это разница между тем, что делаешь ты сама с собой, и тем, что делаем мы вдвоём. Ты умеешь прятать. Я умею запирать так, чтобы никто, включая тебя саму, не вскрыл это по случайности.

Мелисса смотрела на неподвижное тело Керна и чувствовала, как то, что она держала на расстоянии всё это время: приюты, дети, ровный деловой голос, наконец накрывает её целиком.

— Это ведь он, — сказала она тихо. — Это его приказы. Дети Это он решил, что от них нужно избавиться.

Нанум не ответил сразу, он и так это знал.

— Значит, мы только что вернули ему часть того, что он забрал. Не всё и не так, как следовало бы. Но хоть что-то.

Мелисса кивнула, и тут же поняла, что не может вспомнить, зачем кивала: комната качнулась, ноги перестали держать. Всё, что она держала внутри последние десять минут разом потребовало платы.

— Эй. — Нанум подхватил её прежде, чем колени окончательно подогнулись.

— Я в порядке, — голос подвёл раньше слов: вышел тонким, чужим.

— Врёшь ты хуже, чем я. — Он легко поднял её на руки и понёс к двери, даже не оглянувшись на тело за спиной. — Я позабочусь о теле позже.

Она уткнулась лицом ему в плечо, не в силах спорить, чувствуя, как коридор проплывает мимо, затягивая в сон.

Глава 22. Гости

Элиас и Тобиас вернулись к вечеру третьего дня. Первое, что сделал хозяин дома — нашёл Мелиссу.

— Сядь. — Сказал он, закрывая за собой дверь.

Просьбой это не звучало, и Мелисса не стала спорить.

— Дознаватель Керн ослеп. — Он остался стоять, и разговор сразу стал похож на допрос. — Внезапно. Без причины, которую способен назвать хоть один лекарь при дворе. В управлении шепчут, что зрение у него не потеряно — запечатано магией света. Наглухо, профессионально, без единой ошибки в работе. Я лично пересчитал магов света в этом королевстве. Их не наберётся и на одну руку, и один из них живёт под моей крышей.

— Ты о чём?

— Мелисса. — Её имя прозвучало предупреждением. — Я и так проявляю к вам четверым больше снисхождения, чем разрешает мне должность, присяга и здравый смысл разом. Не заставляй меня жалеть об этом сегодня. Нанум выходил из библиотеки?

Ей не хотелось говорить правду. Не хотелось подставлять Нанума — ведь всё случилось по её вине.

— Нет

— Спрошу в последний раз, Мелисса. Замешан ли Нанум в Дверь открылась без стука, прерывая Элиаса на полуслове.

Тобиасу всё ещё плохо давалась служба, привычка стучать перед господской дверью ещё не прижилась в нём, и он влетел в кабинет с той же лёгкостью, с какой врывается в палатку в лагере.

— Элиас, тут к тебе гости, говорит, важно. — Он даже не сразу заметил, что прервал разговор. — Я объяснил, что ты только с дороги, но она настаивала.

Женщина, стоявшая позади него, шагнула в проём и застыла на полуслове, которое ещё висело в воздухе.

— Нанум, — повторила она, будто оно могло оказаться чужим, случайно похожим. — Я не ослышалась? Ты сказал Нанум?

— Лиора? — Элиас резко поднялся, стул скрипнул по полу. Весь его тщательно собранный контроль, который Мелисса видела ровным даже перед дознавателем короны, дал трещину прямо на глазах. — Что ты здесь делаешь?

Мелисса переводила взгляд с одного на другую, и внутри у неё медленно, неотвратимо складывалось то, чего складываться было не должно.

— Лиора? — переспросила она. — Жена Нанума?

Тобиас перевёл взгляд с одного застывшего лица на другое, явно решив, что напряжение в комнате это что-то из области этикета, который он всё равно не понимал до конца.

— Хранителя библиотеки позвать? — спросил он. — Раз уж все повторяют его имя, может, ему тоже стоит быть здесь?

Лиора не стала ждать ответа.

Она оттолкнулась от дверного косяка так резко, что задела плечом Тобиаса, и бросилась мимо него — не спрашивая, где библиотека, не дожидаясь, чтобы кто-то указал путь. Она уже знала. Земля под её ногами, каждая плита, каждая ступень этого дома, сами подсказывали ей дорогу.

— Лиора! — Элиас рванулся следом.

— Что происходит? — Тобиас растерянно посмотрел на Мелиссу, всё ещё держась за ручку двери. — Кто она такая? Куда она

Мелисса не ответила. Она уже бежала следом.

Нанум спускался медленно — торопиться было не в его характере.

Он увидел её на середине лестницы.

Личина не дрогнула — свет держался ровно, тот же немолодой библиотекарь, каких в столице тысяча. Но остановился Нанум так резко, что рука, скользившая по перилам, замерла на полпути.

— Нанум. — Лиора остановилась тремя ступенями ниже.

Он не ответил сразу. Мелисса ещё ни разу не видела, чтобы у него не нашлось слов.

— Ты не должна была меня узнать, — голос Нанума сел. — Личина не рассчитана на тех, кто

— На тех, кто знал тебя до неё, — закончила она. Голос дрожал как натянутая струна.

Элиас, Мелисса и Тобиас застыли у подножия лестницы, не решаясь подняться ни на ступень выше.

Лиора сделала шаг вверх — один, не больше.

— Пятнадцать лет. — Голос совсем дрогнул. — Пятнадцать лет я хоронила тебя заново каждую годовщину. А ты ни разу

— Тот Нанум мёртв, — холодно перебил он и пошёл дальше вниз. Этим холодом обдало всех присутствующих.

Рука на перилах дрогнула. Всего на мгновение, не больше, но лицо он удержал ровным до последней ступени. Нанум прошёл мимо Лиоры, не позволяя себе смотреть дважды, и скрылся за поворотом коридора, ни разу не оглянувшись.

— Нанум! — Лиора наконец подала голос, но было уже поздно.

Мелисса сделала шаг вслед за ним не раздумывая, чисто на инстинкте.

— Вернись к бумагам в архив. — Голос Элиаса ударил раньше, чем она успела сделать второй шаг. — Тобиас проводи Мелиссу до архива. Проследи, чтобы у неё не возникло желания уйти от обязанностей.

Тобиас перевёл взгляд с одного на другого, явно не понимая ровным счётом ничего из происходящего, но достаточно смывлённый, чтобы не задавать вопросов в комнате, где воздух всё ещё звенел от того, что произошло секунду назад.

— Как скажешь, — пробормотал он и осторожно тронул Мелиссу за локоть. — Идём.

Они прошли по коридору молча. Только у поворота, где голоса окончательно стихли позади, Тобиас наконец не выдержал:

— Кто она такая?

— Не сейчас, — сказала Мелисса.

— Мэл.

— Не могу сказать. — Это было почти правдой: не «не хочу», а именно «не могу». — Прошу. Не сейчас.

Мелисса остановилась так резко, что Тобиас чуть не налетел на неё.

— В архив мы не идём.

— Элиас сказал

— Элиас сказал проводить меня, чтобы я не сбежала от работы. — Она понизила голос почти до шёпота. — Он не сказал, что мы должны сидеть в архиве всю ночь.

Тобиас прищурился.

— Я не могу тебе рассказать, — ответила Мелисса. — Это не моя тайна, и я обещала. Но я и не обещала, что ты сам ничего не услышишь.

— Ты предлагаешь подслушивать хозяина дома.

— Я предлагаю случайно оказаться недалеко от его кабинета, где происходит важный разговор, — поправила она.

— Это ужасная идея.

— Да.

— Меня это устраивает.

Они вернулись тем же коридором, держась ближе к стенам, и остановились у поворота, откуда через приоткрытую дверь кабинета доносились голоса.

— Пятнадцать лет, Элиас, — донёсся голос Лиоры. — Ты знал?

Слишком долгая пауза для честного «нет».

— Знал, — сказал он, без попытки смягчить. — Не сразу. Но знал достаточно долго, чтобы это считалось молчанием, а не неведением.

— И молчал.

— Молчал.

— Ты приходил ко мне. Пил со мной чай. Смотрел, как я хороню его заново каждую годовщину, и молчал.

— Да.

— Почему?

— Потому что он попросил меня об этом первым, — сказал Элиас. — И потому что я не был уверен, что имею право забрать у тебя единственное, что ты вообще смогла сохранить.

Тишина после этих слов была плотной, стены наклонились ближе, чтобы расслышать.

— Тебе следует вернуться домой, — сказал Элиас. — Я заеду к тебе на днях, и мы всё обсудим — спокойно, без свидетелей и без спешки, которая сейчас делает нам обоим только хуже. Мне нужно разобраться с делами, которые поставили меня в крайне невыгодное положение, а в любой момент в этот дом могут ворваться инквизиторы с ордером на арест. Тебе не стоит находиться здесь, когда это случится.

— Ты гонишь меня.

— Я забочусь о том, чтобы твоё имя не оказалось рядом с моим в одном протоколе.

Лиора долго молчала.

— Хорошо. Но ты приедешь сам. Не пришлешь письмо, не пришлешь слугу с извинениями.

— Приеду.

Послышался шелест ткани — Лиора поднялась. Мелисса прижалась спиной к стене коридора, всё ещё сжимая рукав Тобиаса. Оба замерли, боясь вздохнуть, пока звук шагов не стих. Внизу скрипнула входная дверь, и через мгновение снаружи донёсся стук копыт, уходящий прочь по подъездной дороге.

Только тогда они позволили себе выдохнуть.

— Мелисса, — раздался вдруг голос Элиаса, ровный и совершенно не удивлённый. — Пятнадцать шагов. Тобиас — семнадцать, если считать от твоего последнего скрипа половицей.

Тобиас закрыл лицо ладонью.

— Тени — моё время суток, — донеслось из кабинета, почти со скукой. — Вы оба ослушались приказа. И я уже начинаю жалеть о том, что привёл вас в свой дом и дал больше свободы, чем положено слугам.

Тобиас открыл рот, чтобы взять вину на себя, как делал всегда.

— Это была моя идея, — опередила его Мелисса. — Не его.

— Знаю. — В этом единственном слове было больше усталости, чем упрёка. — Именно поэтому я злюсь на тебя вдвое больше, чем на него.

Дверь в кабинет открылась. Элиас стоял в проходе и смотрел на обоих — вечер только что стал длиннее, чем он рассчитывал.

— Впрочем. — Он перевёл взгляд на Мелиссу. — Раз уж ты здесь, а не в архиве, где должна была быть — закончим начатое. И я не в том расположении духа, так что спрошу один раз. Нанум причастен к тому, что случилось с Керном?

Мелисса открыла рот, но не смогла произнести ложь. После всего случившегося за последний час, ответить «нет» показалось ей мельче, чем сама ложь того стояла.

— Да, — сказала она вместо этого, опуская глаза в пол.

— А ты?

— Больше, чем Нанум.

Тобиас смотрел на подругу и не узнавал её. Мелисса стала другой. Та Мэл из лагеря была осторожная, всегда думала дважды прежде, чем сказать вслух, даже безобидную мысль. А эта, оказывалась замешана в каждом происшествии этого дома.

— Сегодня ты солгала мне в лицо. И эта ложь касалась не мелочи, Мелисса. — Элиас прошел к своему столу, медленно оседая в кресле. — Ослепший дознаватель, это не тот масштаб проблемы, которую скрывают от того, кто рискует за тебя головой.

— Я — Мелисса хотела оправдаться, но Элиас выставил руку вперед, прерывая.

— Ты должна будешь показать мне всё, что произошло, в своей памяти. Эрида меня проведёт. Завтра. Не потому, что я хочу тебя унижить. Просто слов, между нами, сегодня оказалось недостаточно. Ты солгала. И этим стёрла всё, что я успел решить о тебе с момента нашей первой встречи.

Внутри Мелиссы всё похолодело не от страха за себя, а от того, насколько справедливо это звучало.

— Ты решаешь за меня.

— Да, — согласился Элиас. — Ты потеряла право на собственное решение, когда сказала «нет», зная, что это ложь, которая может обрушить весь дом.

Тобиас хотел шагнуть вперёд и вмешаться. Он понимал, что Элиас сейчас прав, но также хотел заступиться за подругу.

— Идите спать.

Оба молча повернулись к двери. Тобиас проводил её до комнаты, не пытаясь больше ничего спрашивать.

Глава 23. Свидетели

Утро пришло серое и тихое.

Дом молчал по-новому. Эта тишина была тяжёлой, не той, что стояла в первую неделю, когда все учились жить под одной крышей. За завтраком никто не смотрел друг на друга дольше секунды. Тобиас дважды начинал разговор и дважды замолкал. Нанум не выходил вторые сутки подряд и дверь в библиотеке оставалась запертой. Эрида лишь единожды задержала взгляд на Мелиссе, но так и не нашла что сказать.

— Пора, — сказал Элиас, появившись в полдень. Мелиссе показалось, что он не спал, но старательно держал спину, пытаясь этого не показывать.

Для ритуала выбрали малую гостиную. Мелисса села в одно кресло, Элиас напротив. Эрида с тазом воды устроилась между ними.

— Правила простые, — пальцы Эриды разглаживали несуществующие складки на юбке, выдавая волнение. — Ты не сопротивляешься, а вы смотрите и не вмешиваетесь.

— Только тот день, — сказала Мелисса. — Мы договаривались.

— Только тот день. — подтвердил Элиас.

Эрида опустила ладонь в воду, вторую положила Мелиссе на висок. Прodelала то же самое и с Элиасом, создавая между ними тонкую нить. Оба закрыли глаза. Слышно было только, как вдалеке падает капля.

Дверь открылась с утра. Библиотека, таз с водой и лента, послушно лёгшая в воздухе широким кольцом.

Мелисса из воспоминания рассмеялась, настоящая же почувствовала, как у неё горят щёки.

«О, господин Элиас.» Присед в неуклюжем реверансе перед пустым креслом у окна, «Вы приглашаете меня на танец?»

Вода взметнулась подолом несуществующего платья, и девушка закружилась по библиотеке, смеясь и ответила низким, важным голосом: «Буду счастлив».

Элиас замер, его бровь поползла вверх. Эрида не издала ни звука. Но нить, державшая троих, дрогнула. И Мелисса могла поклясться, что слышала её смех.

День покатился дальше.

Танец. Керн. Изумруд и лазурь. Кольцо, мелькнувшее на его руке. Книга. Удар.

Элиас смотрел молча. Он оценивал, впитывал кадр за кадром.

Нанум. Свет. Печать. Сомнение. Печать.

Чужая память. Молодой Элиас. Лестница. Зависть. Ненависть.

Стол. Печать. «Академия не резиновая». Приюты. Печать.

Мелисса обмякла. Слезы. Усталость. Тепло Нанума.

Эрида разорвала связь, и тонкая нить исчезла. Мелисса открыла глаза. Свет в гостиной сместился, прошло не меньше двух часов, хотя внутри всё уложилось в один вдох.

Элиас сидел в кресле не шевелясь. Он смотрел в точку на столе, и лицо у него было закрытое, аккуратно собранное. Было видно, как он раскладывает по полкам только что увиденное.

— Это всё, — сказала Эрида, прерывая тишину.

— Ты не солгала о главном. — Он посмотрел на Мелиссу. — Ты виновата больше, чем Нанум. Он лишь попытался исправить.

Мелисса опустила глаза в пол. Она и так знала, что это всё по её вине.

— Это стечение обстоятельств, — сказал он уже у порога. — Они неудобны, но случайны.

Мелисса перевела взгляд на Эриду, которая убирала таз со стола. По её лицу ничего невозможно было понять, кроме того, что она очень старалась чтобы это было так.

— Эри.

— Я обещала, что больше не буду лезть в твою голову. — сказала она. — Сегодня я нарушила это обещание, даже если это с твоего разрешения. Прости меня. За оба раза.

— Иногда выхода просто нет.

Эрида кивнула, принимая не прощение, а то, что её поняли. Она повернулась, чтобы уйти, но у самой двери остановилась.

— Мелисса?

— М?

— «Господин Элиас»? — Уголки её губ дрогнули. — Реверанс был особенно хорош.

Подушка ударилась о закрывающуюся дверь на секунду позже, чем нужно. Из коридора донёсся живой смех.

* * *

Тобиас постучал утром три раза — твёрдо, отрепетированно.

— Собирайся, — сказал он, когда Мелисса открыла. — Элиас уехал на рассвете. К этой своей по делам. Меня не взял, Ору предупредил, что вернётся к ночи. — Он выдержал паузу и выложил главное: — А это значит, что запрещать выход в город сегодня некому.

— Он нас и не отпускал.

— Он нас и не запирал, — поправил Тобиас. — Я проверил формулировку. «Не покидать дом без надобности». А у нас надобность: я вторую неделю смотрю на один и тот же забор, и если сегодня не увижу что-нибудь другое, то начну разговаривать с лошадьми. Столицу мы с тобой видели два раза: с холма и по дороге к клеймовщику. Не самые тёплые воспоминания, согласись. Надо разбавить.

Он говорил легко, привычной своей скороговоркой, но Мелисса слишком хорошо его знала. За «проветриться» стояло другое. Он старательно не смотрел в сторону кухни, откуда доносился стук ножа по доске. И она видела, как он устал носить между ними двумя все разговоры, как носят воду в дырявом ведре. Устал шутить в тишину. Ему нужно было, чтобы они помирились до конца, не кивками через стол, а по-настоящему, и он придумал для этого целый план.

— Эрида не пойдёт.

— Эрида уже собирается, — хлопнул в ладоши Тобиас. — Я сказал ей, что ты решила пойти в город. Привёл убедительные аргументы, что ты обязательно вляпаешься в неприятности. И что ей придётся весь день либо молчать со мной, думая, в порядке ли ты, либо пойти с тобой. Она бросила в меня полотенцем. Это значит «да».

Мелисса бросила в него подушкой давая свой ответ.

* * *

Столица вблизи оказалась не белой.

Белым был камень, но между камнем жил город. Торговые ряды тянулись от площади к площади, и на каждом углу что-то кричали, взвешивали, роняли и ловили. После тишины дома, где третьи сутки все ходили вполголоса, этот шум оглушал, а потом, незаметно, начинал согревать.

Шли молча. Но это молчание было другим, не домашним: его заполнял город. Эрида вела, она знала эти улицы с академических лет и сворачивала без раздумий, срезая через дворы, Мелисса шла следом, Тобиас замыкал, вертя головой так, что рисковал её потерять.

У лотка со сладостями он застрял окончательно.

— Это что? — Он ткнул пальцем в тёмные плитки, посыпанные дроблёным орехом.

— Это то, что стоит твоё недельное жалование, — сказала Эрида, не замедляя шага.

— У меня нет жалования.

— Вот именно.

Мелисса фыркнула.

Дальше пошло легче. У фонтана на Ткацкой площади Тобиас взялся рассуждать, что городские голуби откормленнее деревенских и что это, вероятно, тоже вопрос учёта, «у них перепись есть? клеймят их?», и девушки переглянулись за его спиной первый раз. У моста он приценился к шарфу, долго торговался, сбил цену вдвое и гордо ушёл, ничего не купив, они переглянулись второй.

А у оружейной лавки его накрыло.

— Смотрите. — Он прилип к витрине, за которой лежали клинки, парадные, с гравировкой, бесполезные и прекрасные. — Нет, вы посмотрите. Вот этот. С рукоятью под саламандру.

— Тебе нельзя оружие, — напомнила Мелисса. — Звену служебного разряда

— Смотреть нам пока можно. — Он повернулся к стеклу боком, приосанился. — Просто скажите честно: пошёл бы мне?

Пауза была короткой, и заполнили её обе разом.

— Нет, — сказала Мелисса.

— Категорически, — сказала Эрида.

Тобиас оскорблённо выпрямился.

— Вы даже не подумали.

— Мы подумали ещё до того, как ты спросил, — сказала Эрида. — Ты забываешь, что я видела тебя с оружием. В Ордене тебе дали алебарду, и ты за неделю умудрился

— Это было один раз!

— поджечь ею сено, — закончила Эрида, — находясь в двадцати шагах от сена.

— Она преувеличивает, — сказал Тобиас Мелиссе.

— Она преуменьшает, — сказала Мелисса Тобиасу. — Мне рассказывали про стог. Целый стог, Тоби.

— Стог стоял неудачно!

Они добились его вдвоём, слаженно, и Тобиас, отбиваясь, грозился уйти к голубям, у которых хотя бы есть перепись. Но когда девушки, не сговариваясь, рассмеялись обе, он замолчал на полуслове.

И заулыбался так, что стало ясно: весь этот день он затевал ради этих трёх секунд.

Проверку они увидели издалека и сворачивать было поздно. Поперёк выхода с площади стоял стол, у него двое стражников, и очередь из горожан тянулась к нему нехотя, но покорно. После истории с ослепшим дознавателем город проверяли чаще: об этом шептались ещё у фонтана, и Мелисса тогда сделала вид, что не расслышала.

— Спокойно, — сказала Эрида, не разжимая губ. — Бумаги у всех при себе. Мы прислуга дома куратора особого учёта. Скучнее нас в этой очереди никого нет.

Очередь двигалась медленно. Стражник у стола поднимал взгляд на каждого, сверял глаза с записью, махал рукой — следующий. Работа была рутинной, и делал он её с рутинным лицом до тех пор, пока очередь не дошла до них.

— Эрида?

Стражник был молод, широк в плечах, с янтарными глазами — земля, как у половины городской стражи. Маги земли рождались чаще других, и корона давно приспособила их под себя: крепкие, спокойные, без огненного нрава. Их даже не спрашивали, кем они хотят быть. Их распределяли — как распределяли водных по лекарским домам, тёмных по инквизиции, а редких, штучных светлых забирали наверх, к трону, в совет. Академия Цепей не учила. Она сортировала.

— Тиан. — Узнала его Эрида. — Не знала, что ты в городской страже.

— А куда ещё? — Он пожал плечами без обиды, привычно. — Земля. Нас сюда пачками. — Взгляд его скользнул по бумагам, привычно, и запнулся о запястье, где из-под рукава виднелся край клейма. Он поднял глаза, и в них было чистое, непритворное недоумение. — Звено? Ты? Ты же училась лучше всех среди наших. Почему служебное?

— Долгая история, — сказала Эрида.

И улыбнулась не вежливо, не устало, а так, как Мелисса не видела у неё никогда: чуть наклонив голову, с ленцой, с искрой.

— Расскажу, если угостишь выпивкой.

Тиан моргнул. Посмотрел на неё ещё раз, уже не как стражник на документ.

— «Медный грош», после смены, — сказал он. — Не придёшь, найду по записи. Я теперь имею право.

— Какая страшная угроза, — сказала Эрида и забрала бумаги у него из рук, неторопливо, кончиками пальцев.

Он махнул — следующий, и на Мелиссу с Тобиасом взглянул уже мельком, не сверяясь с записью: очередь за спиной Эриды перестала его интересовать.

Первые два квартала обратной дороги Тобиас молчал. Это было настолько на него не похоже, что молчание его звучало громче городского шума. Он шёл, сунув руки в карманы, смотрел строго перед собой и один раз пнул камень с такой сосредоточенностью, словно камень был в чём-то виноват.

— «Медный грош» это на Нижней улице, — сказал он наконец. — Дыра дырой. Там разбавляют.

— Ты там был? — спросила Мелисса.

— Нет. Слышал от садовника.

Эрида шла чуть впереди и не оборачивалась, но по её затылку Мелисса видела, что она слушает.

— И вообще, — Тобиас пнул второй камешек, — стражник. Земля. Надёжный, как табуретка. О чём с ним говорить? О переписи голубей?

— Ты сам сегодня час говорил о переписи голубей, — заметила Мелисса.

— Я это другое дело. У меня это было остроумно.

Он замолчал снова, и Мелисса, шедшая на полшага позади, смотрела на него сбоку, на упрямый профиль, на сведённые брови.

Весь день чужие люди ходили по её памяти и читали её насквозь. А сейчас, на обратной дороге, она читала лучшего друга так же легко, как раскрытую книгу, и он понятия не имел, что написан на этой странице крупными буквами.

Свидетелем можно стать и так, подумала она. Без всякой магии.

— Она придёт домой к ужину, — сказала Мелисса вслух, глядя прямо перед собой. — Это просто выпивка со старым знакомым, Тоби.

— Мне-то что, — сказал Тобиас слишком быстро. — Пусть хоть за него замуж выходит.

Впереди Эрида, не оборачиваясь, тихо рассмеялась и Тобиас покраснел так, что это было заметно даже в сумерках.

Глава 24. Без протокола

Дверь в западное крыло была приоткрыта.

Не распахнута — просто не заперта до конца, будто тот, кто входил последним, не потрудился проверить замок. Мелисса стояла перед ней дольше, чем следовало, зная всё, что последует, если войти, и вошла.

Комната оказалась не тем, чего она ждала.

Не сокровищница, не оружейная — кабинет, тихий и обжитой. Вдоль стен стояли книги. Такого количества она не видела ещё ни разу, кроме библиотеки, но эти были другие: зачитанные, с корешками, помнящими ладонь. Она провела по ним пальцами, и попыталась представить, как Элиас сидит здесь по ночам, и читает вот эту, и эту, и ту, с треснувшим корешком, которую открывали столько раз, что она сама раскрывалась на нужной странице.

На столе, среди бумаг, стояла рамка.

Мелисса наклонилась. С портрета на неё смотрел мальчик лет двенадцати, тёмные кудри, серьёзное не по-детски лицо. Что-то в нём царапнуло память и ушло, прежде чем она успела ухватить. Казалось, что она уже видела этого мальчика. Может из-за того, что он так сильно был похож на Элиаса, те же брови, та же линия скул, и взгляд исподлобья, каким смотрел хозяин дома.

«Родственник?» подумала она, почти коснувшись рамки.

— Красивый мальчик, правда?

Мелисса вздрогнула.

Нанум сидел в глубоком кресле у окна. Она не заметила его, когда вошла. Он сидел тихо и неподвижно, на коленях у него лежали бумаги, которые он просматривал одну за другой, с тем скучающим видом, с каким дочитывают роман, конец которого знают заранее.

— Что ты тут делаешь? — прошептала Мелисса. — Элиас же запретил сюда ходить.

— Из нас двоих запретил он только тебе. — Глаз он не поднял. — Так что вопрос не в том, что здесь делаю я. Вопрос в том, что здесь сделаешь ты.

— Я.. хотела взглянуть одним глазком.

— Взглянуть одним глазком это стоя на пороге. А ты уже прошла внутрь и трогала его вещи. Одним глазком так не смотрят.

— Ты сидишь в его кресле.

— Это всего лишь кресло. — Уголок его рта дрогнул. — Ты отчаянно пытаешься перевести разговор с себя на меня. Получается плохо. Я занимаюсь этим дольше, чем ты живёшь на свете.

Он опустил взгляд обратно к бумагам потеряв к спору интерес. Она заметила, что он не столько читает их, сколько ищет. Одну за другой. С тем спокойным упорством, с каким ищут не новость, а подтверждение.

— Что это? — спросила она, забыв, что минуту назад защищалась. — Что ты ищешь?

— Ничего, что тебе стоило бы знать.

— Это списки, имена, даты. — Она шагнула ближе. Он отвёл бумаги, ровно настолько, чтобы она не разглядела ни строчки. — Нанум. Что это за списки?

— Мелисса. — Он произнёс её имя тихо, устало — и этого хватило вместо любого запрета. — Есть вещи, которые становятся ядом в тот момент, когда ты их узнаёшь. Не оттого, что они грязные. Оттого, что за них убивают. Не только того, кто их сделал, но и того, кто знает. Ты уже носишь в голове больше, чем можешь себе позволить. Не проси меня добавлять.

— Значит, что-то всё-таки есть.

— Значит, тебе пора уйти. — Он поднял на неё взгляд. — Уйди, Мелисса. Пока не увидела то, что не сможешь развидеть.

Но она уже смотрела на бумаги. На столбцы имён. На печати внизу, такие же, что стояли на приказах о закрытии приютов. Документы особого учёта она умела читать только одним способом — как обвинение. Это сделало всё за неё, прежде чем Нанум успел прикрыть страницу ладонью.

Приюты. Дети. Печати Керна. Роспись «Исполнено». Списки тех, кого больше нет. Человек, у которого в кабинете хранятся имена мёртвых детей, разложенные по приютам и датам, их не оплакивает. Он их считал.

— Это он, — прошептала она. Горло сжалось. — Керн отдавал приказы, а исполнял Это всё он. Нанум, он чудовище. Он держит их имена, как трофеи.

Нанум закрыл глаза.

— Не как трофеи, — сказал голос от двери. — Но объяснять тебе разницу я не стану.

Элиас стоял на пороге.

Он был ещё в дорожном плаще, с лицом человека, который приехал с одной тяжести прямо на другую. Он не кричал и не двинулся к ним. Просто смотрел на Мелиссу, которая стояла в его самой запретной комнате, над его тайнами, и только что назвала его чудовищем, не зная о нём ровным счётом ничего.

— Ты хоть понимаешь, где стоишь? — Голос был тихим. — На следующий день после того, как я прошёл по твоей памяти. После того, как ты клялась, что поняла. Я не успел снять плащ в прихожей, а ты уже здесь. В единственной комнате дома, куда тебе было сказано не ходить.

— Я искала Нанума, я не

— Мне всё равно, кого ты искала. — Он шагнул внутрь и закрыл за собой дверь. — Ты в моём кабинете, читаешь мои бумаги и делаешь выводы своим куриным умом о вещах, в которых не понимаешь ни слова. — Холодная усмешка тронула его губы. — Может быть, мне стоит тебя запереть, чтобы неповадно было? Или сразу убить?

Мелисса отступила на шаг, она никогда не видела его таким.

— Возьми пример с друзей. — Это звучало хуже угрозы. — Эрида чистит, Тобиас таскает, оба делают, что велено, и не суют нос, куда не просят. За месяц ни одной жалобы. А ты за тот же месяц ослепила дознавателя короны, солгала мне в лицо и дважды залезла туда, куда ходить нельзя. — Он смотрел на неё сверху вниз, и в глазах не было ничего, за что можно было бы уцепиться. — Мне не нужна служанка, которая думает. Мне нужна служанка, которая делает свою работу.

Слова били точно.

За его спиной Нанум не шевелился. Он продолжил просматривать документ глазами, словно говоря: «Ты сама виновата, Мелисса. Я же сказал тебе уйти».

— Вон, — сказал Элиас. — В свою комнату. И если я ещё раз найду тебя здесь, ты пожалеешь, что я снял с тебя цепи, а не отправил туда, куда отправляют таких, как ты.

Мелисса вышла. Ноги несли сами.

Она была в коридоре, когда с грохотом распахнулась входная дверь, ударившись о стену, и дом заполнили плащи.

Она не успела пискнуть, как её уже взяли за плечи. На запястьях щёлкнули кольца, и мир разом стал глуше. Подавители. Рядом так же тихо, без единого слова, заковывали Тобиаса, который вышел думая, что Эрида вернулась. Он рванулся раз, дёрнул плечом, и обмяк, когда кольца легли на его руки и огонь внутри погас.

Ору не тронули. Она стояла с поджатыми губами, и смотрела на всё это так, будто в дом просто пришли незваные гости, которых придётся кормить.

Из западного крыла вышел Элиас и за ним, в проёме, стоял Нанум.

Человек, возглавлявший плащи, молодой, светловолосый, с глазами цвета старого золота, увидев хранителя, поднял руку и щёлкнул пальцами.

Свет в комнате качнулся.

Для Мелиссы ничего не изменилось: перед ней стоял тот же Нанум, которого она знала всегда. Но остальные увидели другое. Личина сползла с него, как воск с печати, и по лицам плащей Мелисса поняла, что открылось им: не немолодой библиотекарь, а тот, кого они знали мёртвым пятнадцать лет.

— Значит, это правда, — сказал молодой инквизитор самому себе, словно ставил галочку в списке. — Ты жив.

Он повернулся к Элиасу, и в его голосе не было ни гнева, ни торжества, только скука человека, которому в очередной раз испортили вечер.

— В последнее время, куратор, от тебя слишком много проблем.

Мелисса, стоя в подавителях, узнала эти слова. Их говорил ей Элиас вчера, сегодня, всё это время. Теперь их говорили ему.

— Люциан. — Элиас произнёс имя ровно. — Керн передал дела тебе. Быстро он.

— Керн больше не видит. И, кажется, я нашёл причину. — Его взгляд остановился на Нануме. — Приказ простой: уничтожить всех. Без свидетелей, без протокола, без приговора. Мёртвого мага не судят, его вычёркивают. — Он чуть улыбнулся. — А вас и так нет ни в одной живой записи.

Элиас не ответил. Он посмотрел на Нанума. Между ними не было сказано ни слова.

В этот момент открылась дверь.

— Я вернулась — Эрида замерла на пороге. — Что

Плащи обернулись на долю секунды и этой доли хватило.

Свет собрался у Нанума в ладонях и вспышкой озарил всё пространство. Инквизиторы вскинули руки к лицам и в эту слепоту вошёл Элиас.

Мелисса зажмурилась. Не от света, от того, что за ним последовало.

Она не видела, но слышала: человек, которого она назвала чудовищем, делал сейчас именно то, что делают чудовища, тихо, быстро, без единого лишнего движения. Его руки уже были в крови и ещё немного крови их не меняло.

Когда она открыла глаза, на ногах в комнате стояли трое: Элиас, Нанум и Люциан, успевший в последний миг закрыться плащом от вспышки. Остальные медленно, но верно соединялись со стихией. Один из них бросился к двери, пытаясь сбежать. Эрида хотела его остановить, вода уже накапливалась в её ладонях. Что это было? Инстинкт или несвойственное ей геройство? Но она не успевала, клинок уже был занесён, не давая времени отскочить.

— Эрида! — кинулся к ней Тобиас несмотря на то, что руки всё ещё были сцеплены. Он не успел.

Глава 25. То, что остаётся

Клинок не дошёл до Эриды.

Между ней и лезвием оказалась Ора. Никто не видел, как она успела, она всегда оказывалась там, где нужна, раньше, чем её звали, и в последний раз это её умение сработало так же безотказно, как всегда. Она не оттолкнула Эриду и не закрыла её руками, как закрывают в книгах. Просто сделала шаг, короткий, хозяйский, каким пересекала любую комнату этого дома, и встала между.

Лезвие вошло под ключицу.

За все недели в доме её ключи не звякнули ни разу. Они зазвенели теперь — когда она осела на пол и связка ударилась о камень.

Всё произошло быстро. Тьма прошла мимо Мелиссы холодом, и беглец умер. Элиас даже не замедлился. Тобиас, так и скованный, рухнул на колени рядом с Эридой, которая уже держала голову Оры у себя на ладонях.

— Сейчас, — повторяла Эрида. — Сейчас-сейчас

Вода собралась в её руках послушно. Она прижала ладони к ране, лазурь потекла под кожу — и упёрлась. Эрида умела гнать воду, поднимать её волной, сбивать с ног. Дар толкался в рану, как в запёртую дверь, и не знал, что делать дальше.

— Я не знаю как. — Эрида вскинула голову. — Нанум! Кто-нибудь!

Нанум стоял, держась за стену. И Мелисса видела бессилие в его глазах.

Взгляд Оры был прежний — ровный, каким она пересчитывала бельё и новых слуг.

— В кладовой, — сказала она Элиасу. — Всё собрано. Как вы велели.

— Знаю.

— Лошадей четыре. Пятую я не успела

— Хватит четырёх.

Она чуть заметно кивнула, принимая закрытый счёт и перевела глаза на Эриду. Сухие губы тронула улыбка.

— Не реви над раной, девочка. Зальёшь.

Больше она ничего не сказала, и Эрида закрыла ей глаза.

За их спинами шевельнулся свет.

Люциан опустил плащ, которым закрылся от вспышки, и обвёл комнату взглядом: мёртвые плащи, тлеющие остатками слюды, мёртвая женщина со связкой ключей. Считал он быстро — Мелисса видела это по глазам. Так же быстро, как считал Элиас.

— Керн говорил, что два пса стоят стаи, — сказал он. — Слышать и видеть — разные вещи.

Тобиас рванулся, цепь подавителей лязгнула. Люциан не взглянул в его сторону.

— Доигрывать не стану. Вас двое, я один, а арифметику я уважаю. — Он неспешно поправил плащ. — Да мне и не нужно. К утру ваши лица будут на каждом столбе отсюда до перевалов. Корона умеет ждать.

Он пошёл к двери через всю комнату, мимо тел, не ускоряя шага. У порога задержался и посмотрел на Элиаса. В глазах цвета старого золота не было ни злости, ни азарта — одна скука, под которой работал холодный, аккуратный ум.

— Знаешь, что в тебе самое любопытное, куратор? Не предательство, предают многие. Ты столько лет считал чужих мёртвых. Сегодня начал счёт своих. — Он толкнул дверь. — Мне интересно, куда ты её запишешь.

Люциан вышел не торопясь, не оглядываясь. У короны сменился пёс.

Сборы заняли меньше времени, чем занимает ужин.

Сумки стояли в кладовой — четыре, увязанные по-дорожному, с ремнями, подогнанными по росту каждого. Ора собрала их по приказу, о котором никто из них не знал. Проходя вдоль полок, Мелисса думала, что эта женщина знала о доме больше, чем дом знал о себе. Даже то, что однажды из него придётся бежать.

Элиас поднялся в западное крыло один и вернулся через минуту. Мелисса увидела, как под дорожным плащом исчез маленький прямоугольник рамки. Она не спросила. Список вопросов, которые она ему задолжала, и без того был длиннее предстоящей дороги.

Ору перенесли в зимний сад. Тобиас нёс её один и никому не позволил помочь. Её уложили на скамью среди зелени, которая жила под стеклом вопреки любой зиме. Эрида сложила ей ладони на груди. Элиас снял с её пояса связку, отделил один маленький ключ, от какой двери, знал только он, и вложил ей в руку.

— В доме её слово было вторым после моего, — сказал он. — Здесь будет первым.

Мелисса стояла в дверях сада. У магов не остаётся тел: сила уходит в стихию, живым достаются пустая ваза и имя. У пустых остаётся всё — лицо, руки, связка ключей, которую некому больше носить. Она не знала, что из этого тяжелее.

Город выпускал их сонно. Улицы верхних кварталов лежали пустые, снег глушил копыта. У южных ворот молодой стражник поднял фонарь, увидел знак на цепочке и вытянулся, глядя строго между ушей лошади Элиаса. Знак ещё работал. К утру, подумала Мелисса, этот кусок металла будет стоять своему владельцу дороге верёвки.

Ворота закрылись за спиной с коротким стуком, и столица кончилась.

— Куда мы едем? — спросил Тобиас, когда белые стены растворились в темноте.

Элиас ответил не сразу. Он смотрел вперёд, на запад, где над чёрной кромкой леса не горело ни одной свечи.

— К тем, кто мне должен.

Мелисса поймала взгляд Нанума. Тот молчал от самых ворот, но здесь уголок его рта дрогнул.

Эрида ехала последней. Ладони её лежали раскрытыми, словно она всё ещё держала в них воду, которой не нашлось применения. Мелисса придержала лошадь и поравнялась с ней. Говорить она ничего не стала, но поехала рядом.

— Нанум, — сказала вдруг Эрида. — В твоих книгах есть, как водой лечат? Не бьют — лечат.

— Книги остались в столице.

— Значит, нужны новые.

Она сказала это ровно, глядя на дорогу, и спорить с ней не взялся бы никто из живых.

Позади, над белым городом, поднималось утро, которое объявит их вне закона. Впереди, на запад, уходила дорога, и снег на ней был нетронутым.

Глава 27. Здесь не спрашивают

Колонна показалась из-за северной гряды за полдень, когда тесто у Марты подходило уже второй раз.

Мелисса стояла на верхнем уступе с той минуты, как маячник мигнул зеркальцем с дальнего холма, и смотрела, как по белой пустоши тянется тёмная нитка людей. Впереди шёл старик.

— Будто видит, — сказал дозорный рядом с уважительным недоумением.

— Он видит, — сказала Мелисса. — Просто не глазами.

Она скользила взглядом по колонне, выхватывая знакомое: пепельную голову Киры в самой голове, волокушу с Воросом, знакомый латаный плащ... и вдруг зацепилась за походку.

В середине колонны шла женщина. Прямая, в тёмном дорожном платье не по здешним холодам. Мелисса узнала её мгновенно. Лестница в белом доме. Голоса за поворотом перил. Гостья, которая вздрогнула от имени «Нанум».

А потом всё смешалось. Эрида пронеслась мимо вниз по уступам, забыв, что взрослая, Тобиас за ней, и Мелисса, продержавшись ещё секунды три, побежала следом.

Кира стояла в голове колонны и Эрида крепко обняла её.

— Задушишь, дура молодая, слезь.

Кира ворчала, но руки обнимали в ответ, и через плечо Эриды она пересчитывала их тусклым алым взглядом: одна, второй, третья...

Счёт не сошёлся, и взгляд запнулся, но спрашивать при всех Кира не стала.

— Дошли, значит, — сказала она вместо этого. — Худые. Ужас какие худые. Это что за место, тут кормят?

— Тут я кормлю, — раздалось сзади.

Марта стояла, сложив руки, и две женщины смирili друг друга взглядами, как меряются мастера одного цеха.

— Тесто у тебя перестоит, — сообщила Кира.

— А ты, я гляжу, понимаешь.

И этим, кажется, был заключён союз, о прочности которого лагерю ещё предстояло узнать.

Эрвин спустился последним и остановился напротив Элиаса.

Стало тихо. Дозорные, Марта, весь верхний уступ, все смотрели на этих двоих: на слепого старика в дорожном рванье и на человека, при котором вытягивались, как перед короной.

— Ты всё-таки привёл их сюда, — сказал Эрвин.

— Ты всё-таки дошёл, — сказал Элиас.

И Эрвин улыбнулся, как улыбаются старой шутке.

— Стоп, — сказал Тобиас громко. — Вы знакомы?!

— Я плачу долги, Тоби. Даже те, о которых не просят. — И, не дав ни единого шанса на следующий вопрос, прошёл мимо.

Мальчик стоял в очереди, худой, вытянувшийся за эти месяцы. Увидев Мелиссу, он вышел из очереди, подошёл и молча протянул ей горбушку.

— Ты дала мне хлеб, — сказал он. — Тогда, у телеги. Ты не спрашивала, как меня зовут.

У Мелиссы оборвалось под рёбрами. Она знала это лицо. Худое, упрямое, со взглядом исподлобья, она видела его в маленькой рамке, в кабинете западного крыла, и оно царапнуло тогда память и ушло. А ещё она видела его каждый день, старше на двадцать лет, твёрже на тысячу решений.

Мальчик был похож на Элиаса. Не «напоминал» — был похож так, как похожи бывают только...

Она не позволила себе договорить даже мысленно.

— Потому что не представилась сама, — сказала она вслух. — Мелисса.

— Мелисса, — повторил он, затем добавил тише: — Я Каэль, но в ордене меня зовут Кай.

Он вернулся в очередь. И она заметила, что вокруг стало тише, чем должно быть у котла в час ужина. Эрида нашла руку Мелиссы под столом и сжала.

— Мне одному кажется?.. — начал Тобиас вполголоса.

— Не одному, — сказала Эрида.

— Здесь не спрашивают, — громко, в пространство, произнесла Марта, гремя черпаком. И пространство послушалось: разговоры вернулись, глаза в миски. Лагерь умел не спрашивать.

Нанума она увидела стоящим у входа со стопкой книг, которые он нёс из своего «недоразумения в сундуке». Когда мальчик проходил мимо, стопка в его руках не дрогнула. Он просто смотрел мальчику вслед, так долго, что Марта успела дважды позвать всех к добавке, а он всё стоял, и лицо у него было спокойное, вежливое и совершенно мёртвое.

Мелисса не окликнула его, понимая, что есть молчание, в которое не входят.

Лиора остановилась так, как останавливается сердце. Рука её поднялась к горлу и замерла. Она входила, он выходил.

— Нанум...

— Госпожа. — Он поклонился, как кланяются в залах и вышел.

Полка вопросов в голове Мелиссы к этому часу не прогибалась. Она сломалась.

Самое тяжёлое случилось после ужина, когда за длинным столом остались свои: Кира, Эрвин, четвёрка.

— Ну, — сказала Кира, ставя кружку. — Теперь рассказывайте. И начните с того, о чём молчите с полудня. Где Шамаш?

Стол молчал.

— Шамаш погиб, — сказала Эрида. — В Угольном Холме. Зимой.

Кира не пошевелилась. Только костяшки на кружке побелели.

— Как?

И тогда Мелисса услышала собственный голос раньше, чем решила говорить:

— Это была я. Мой дар сорвался. Он закрыл собой... это была я...

Она не стала прятаться за «сорвался». Она обещала помнить. Помнить значило и это: сидеть под тусклым алым взглядом и не отводить глаз.

Кира смотрела на неё долго. Потом Кира встала, взяла свою кружку и ушла к печам. Эрвин качнул головой: не надо. За ней никто не пошёл.

— Горе — как тесто, — сказал он негромко. — Его нельзя торопить. Ему можно только не мешать.

Поздним вечером, когда столовая опустела, на длинном столе появилась корзина. Целая гора булочек с корицей, ещё горячие, пахнущие на всю разметочную тем самым запахом, который Шамаш когда-то привёз в лагерь в маленьком мешочке. Кира не вышла. Корзина стояла без записки, без единого слова.

Эрида взяла булочку первой, и по её лицу побежали слёзы.

— Ешьте, — сказала она. — Это же Кира... это у неё вместо слов.

Мелисса ела булочку, сладкую и горькую разом, и думала о том, что память живёт и в тесте, в пряностях, в чужих руках, которые месят до утра, потому что иначе никак.

Военный совет собрался под войлочным пологом Эриды, шёпотом, при одной свече, как когда-то собирался у дальнего костра Ордена.

— Я реквизирует, — сообщил Тобиас, извлекая из-за пазухи три булочки. — Для ясности ума. Совещаться на голодный желудок вредят делу.

Они сели тесно, колени к коленям, накрывшись одним одеялом.

— Итак, — Тобиас понизил голос до заговорщицкого. — Кто-нибудь скажет это вслух? Пацан вылитый Элиас.

— Тише ты. — Эрида покосилась в глубину штольни. Полог Нанума был откинут: он так и не вернулся. — Дальше я. Женщина, что пришла с Орденом, мать мальчика.

— А у порога, — продолжил Тобиас, — он поклонился ей, как на приёме. Наш Нанум. Поклонился. У меня чуть ложка из рук не выпала.

Они посмотрели на Мелиссу. Она молчала.

— Мэл, — мягко сказала Эрида, вовлекая подругу в их «заговор».

— Лиора. Она приезжала в дом Элиаса.

— Ладно, — Тобиас загнул палец. — Что мы имеем. Мальчик — копия Элиаса. Лиора — жена Нанума...

— Подожди что? — перебила Эрида.

Тобиас и Мелисса переглянулись. Они совершенно забыли посвятить подругу о том, кто такая Лиора.

— Вы что, оба в курсе?

Разговор прервался, когда вошёл Нанум. Холод ночи вошёл вместе с ним. Не услышать он не мог. Как минимум последнюю фразу, сказанную Эридой в полный голос.

Нанум прошёл через штольню к своему пологу.

— Не прерывайтесь. — обернулся он, взявшись за войлок. — Хотя позволю себе совет бывшего надзирателя: шёпот в штольне слышен дальше, чем крик в поле. Камень любит чужие тайны.

Полог закрылся, и они так и сидели молча. Булочка, которую жевал Тобиас больше не лезла ему в горло. Они заметили, что за пологом Нанума сегодня так и не зажегся свет. Сколько они здесь были, он засыпал с книгой. Сегодня, он впервые лёг в темноту.

— Мы сволочи? — одними губами спросил Тобиас.

Эрида покачала головой. Все трое открыли для себя другую сторону здешнего правила «здесь не спрашиваю». Оно было придумано не для дозорных и не для новичков. Оно было придумано для таких ночей.

Глава 27. Здесь не спрашивают

Колонна показалась из-за северной гряды за полдень, когда тесто у Марты подходило уже второй раз.

Мелисса стояла на верхнем уступе с той минуты, как маячник мигнул зеркальцем с дальнего холма, и смотрела, как по белой пустоши тянется тёмная нитка людей. Впереди шёл старик.

— Будто видит, — сказал дозорный рядом с уважительным недоумением.

— Он видит, — сказала Мелисса. — Просто не глазами.

Она скользила взглядом по колонне, выхватывая знакомое: пепельную голову Киры в самой голове, волокушу с Воросом, знакомый латаный плащ... и вдруг зацепилась за походку.

В середине колонны шла женщина. Прямая, в тёмном дорожном платье не по здешним холодам. Мелисса узнала её мгновенно. Лестница в белом доме. Голоса за поворотом перил. Гостя, которая вздрогнула от имени «Нанум».

А потом всё смешалось. Эрида пронеслась мимо вниз по уступам, забыв, что взрослая, Тобиас за ней, и Мелисса, продержавшись ещё секунды три, побежала следом.

Кира стояла в голове колонны и Эрида крепко обняла её.

— Задушишь, дура молодая, слезь.

Кира ворчала, но руки обнимали в ответ, и через плечо Эриды она пересчитывала их тусклым алым взглядом: одна, второй, третья...

Счёт не сошёлся, и взгляд запнулся, но спрашивать при всех Кира не стала.

— Дошли, значит, — сказала она вместо этого. — Худые. Ужас какие худые. Это что за место, тут кормят?

— Тут я кормлю, — раздалось сзади.

Марта стояла, сложив руки, и две женщины смерили друг друга взглядами, как меряются мастера одного цеха.

— Тесто у тебя перестоит, — сообщила Кира.

— А ты, я гляжу, понимаешь.

И этим, кажется, был заключён союз, о прочности которого лагерю ещё предстояло узнать.

Эрвин спустился последним и остановился напротив Элиаса.

Стало тихо. Дозорные, Марта, весь верхний уступ, все смотрели на этих двоих: на слепого старика в дорожном рванье и на человека, при котором вытягивались, как перед короной.

— Ты всё-таки привёл их сюда, — сказал Эрвин.

— Ты всё-таки дошёл, — сказал Элиас.

И Эрвин улыбнулся, как улыбаются старой шутке.

— Стоп, — сказал Тобиас громко. — Вы знакомы?!

— Я плачу долги, Тоби. Даже те, о которых не просят. — И, не дав ни единого шанса на следующий вопрос, прошёл мимо.

Мальчик стоял в очереди, худой, вытянувшийся за эти месяцы. Увидев Мелиссу, он вышел из очереди, подошёл и молча протянул ей горбушку.

— Ты дала мне хлеб, — сказал он. — Тогда, у телеги. Ты не спрашивала, как меня зовут.

У Мелиссы оборвалось под рёбрами. Она знала это лицо. Худое, упрямое, со взглядом исподлобья, она видела его в маленькой рамке, в кабинете западного крыла, и оно царапнуло тогда память и ушло. А ещё она видела его каждый день, старше на двадцать лет, твёрже на тысячу решений.

Мальчик был похож на Элиаса. Не «напоминал» — был похож так, как похожи бывают только...

Она не позволила себе договорить даже мысленно.

— Потому что не представилась сама, — сказала она вслух. — Мелисса.

— Мелисса, — повторил он, затем добавил тише: — Я Каэль, но в ордене меня зовут Кай.

Он вернулся в очередь. И она заметила, что вокруг стало тише, чем должно быть у котла в час ужина. Эрида нашла руку Мелиссы под столом и сжала.

— Мне одному кажется?.. — начал Тобиас вполголоса.

— Не одному, — сказала Эрида.

— Здесь не спрашивают, — громко, в пространство, произнесла Марта, гремя черпаком. И пространство послушалось: разговоры вернулись, глаза в миски. Лагерь умел не спрашивать.

Нанума она увидела стоящим у входа со стопкой книг, которые он нёс из своего «недоразумения в сундуке». Когда мальчик проходил мимо, стопка в его руках не дрогнула. Он просто смотрел мальчику вслед, так долго, что Марта успела дважды позвать всех к добавке, а он всё стоял, и лицо у него было спокойное, вежливое и совершенно мёртвое.

Мелисса не окликнула его, понимая, что есть молчание, в которое не входят.

Лиора остановилась так, как останавливается сердце. Рука её поднялась к горлу и замерла. Она входила, он выходил.

— Нанум...

— Госпожа. — Он поклонился, как кланяются в залах и вышел.

Полка вопросов в голове Мелиссы к этому часу не прогибалась. Она сломалась.

Самое тяжёлое случилось после ужина, когда за длинным столом остались свои: Кира, Эрвин, четвёрка.

— Ну, — сказала Кира, ставя кружку. — Теперь рассказывайте. И начните с того, о чём молчите с полудня. Где Шамаш?

Стол молчал.

— Шамаш погиб, — сказала Эрида. — В Угольном Холме. Зимой.

Кира не пошевелилась. Только костяшки на кружке побелели.

— Как?

И тогда Мелисса услышала собственный голос раньше, чем решила говорить:

— Это была я. Мой дар сорвался. Он закрыл собой... это была я...

Она не стала прятаться за «сорвался». Она обещала помнить. Помнить значило и это: сидеть под тусклым алым взглядом и не отводить глаз.

Кира смотрела на неё долго. Потом Кира встала, взяла свою кружку и ушла к печам. Эрвин качнул головой: не надо. За ней никто не пошёл.

— Горе — как тесто, — сказал он негромко. — Его нельзя торопить. Ему можно только не мешать.

Поздним вечером, когда столовая опустела, на длинном столе появилась корзина. Целая гора булочек с корицей, ещё горячие, пахнущие на всю разметочную тем самым запахом, который Шамаш когда-то привёз в лагерь в маленьком мешочке. Кира не вышла. Корзина стояла без записки, без единого слова.

Эрида взяла булочку первой, и по её лицу побежали слёзы.

— Ешьте, — сказала она. — Это же Кира... это у неё вместо слов.

Мелисса ела булочку, сладкую и горькую разом, и думала о том, что память живёт и в тесте, в пряностях, в чужих руках, которые месят до утра, потому что иначе никак.

Военный совет собрался под войлочным пологом Эриды, шёпотом, при одной свече, как когда-то собирался у дальнего костра Ордена.

— Я реквизирует, — сообщил Тобиас, извлекая из-за пазухи три булочки. — Для ясности ума. Совещаться на голодный желудок вредят делу.

Они сели тесно, колени к коленям, накрывшись одним одеялом.

— Итак, — Тобиас понизил голос до заговорщицкого. — Кто-нибудь скажет это вслух? Пацан вылитый Элиас.

— Тише ты. — Эрида покосилась в глубину штольни. Полог Нанума был откинут: он так и не вернулся. — Дальше я. Женщина, что пришла с Орденом, мать мальчика.

— А у порога, — продолжил Тобиас, — он поклонился ей, как на приёме. Наш Нанум. Поклонился. У меня чуть ложка из рук не выпала.

Они посмотрели на Мелиссу. Она молчала.

— Мэл, — мягко сказала Эрида, вовлекая подругу в их «заговор».

— Лиора. Она приезжала в дом Элиаса.

— Ладно, — Тобиас загнул палец. — Что мы имеем. Мальчик — копия Элиаса. Лиора — жена Нанума...

— Подожди что? — перебила Эрида.

Тобиас и Мелисса переглянулись. Они совершенно забыли посвятить подругу о том, кто такая Лиора.

— Вы что, оба в курсе?

Разговор прервался, когда вошёл Нанум. Холод ночи вошёл вместе с ним. Не услышать он не мог. Как минимум последнюю фразу, сказанную Эридой в полный голос.

Нанум прошёл через штольню к своему пологу.

— Не прерывайтесь. — обернулся он, взявшись за войлок. — Хотя позволю себе совет бывшего надзирателя: шёпот в штольне слышен дальше, чем крик в поле. Камень любит чужие тайны.

Полог закрылся, и они так и сидели молча. Булочка, которую жевал Тобиас больше не лезла ему в горло. Они заметили, что за пологом Нанума сегодня так и не зажегся свет. Сколько они здесь были, он засыпал с книгой. Сегодня, он впервые лёг в темноту.

— Мы сволочи? — одними губами спросил Тобиас.

Эрида покачала головой. Все трое открыли для себя другую сторону здешнего правила «здесь не спрашиваю». Оно было придумано не для дозорных и не для новичков. Оно было придумано для таких ночей.

Глава 28. Оттепель

Весна пришла в каменоломню снизу: сначала зазвенела вода в старом колодце, потом с южной стены сошёл снег, обнажив слюду, и по вечерам чаша мерцала только камнем.

Дни здесь складывались одинаково, и в этом однообразии была милость, которой Мелисса не знала раньше. Подъём до света. Дощечка Марты. Дым, лекция, котёл, ужин, сон без сновидений. Она ловила себя на том, что перестала считать дни, и не сразу поняла, что это и называется «жить».

Элиас за зиму уезжал трижды — с Брамом, с двумя дозорными и, с третьего раза, с Тобиасом. Уезжали на неделю, возвращались с детьми: двое из Сухого Лога, девочка из-под самого Ковша, братья с изумрудными глазами, которых прятал в погребе дед. По этим возвращениям Мелисса и мерила время. Сегодня возвращались в четвёртый раз.

Утро началось с плохой новости, и принесла её Марта вместе с дощечкой и запахом талой воды.

— Смотри, — сказала она, кивая на проталины по кромке чаши. — Что видишь?

— Весну?

— Беду. — Марта сунула дощечку под мышку. — Зимой любая гора курится: мороз, иней, пар. А весной горы молчат. Весной дымит только то, что топят.

Мелисса посмотрела на тонкие струйки над трещинами ещё вчера невидимые, сегодня они стояли в утреннем воздухе, как волоски на просвет.

— И что делаем?

— Переходим на ночь. Топим с темноты до света, днём холодная кухня. Народ повоет, но переживём. — Марта покосилась на неё. — Работы вам прибавится: ночной дым ленивый, по трещинам сам не идёт. Ну да ты уже расчёсываешь лучше меня, только не зазнавайся.

Это было самое большое одобрение, которое Марта выдавала живому человеку, и Мелисса приняла его молча, как принимают жалованье. Знать бы ей тогда, что к ночи это одобрение придётся вернуть.

Лекции Нанума перенесли на дневные часы. В холодной разметочной дыхание собиралось облачками, он читал и исписывал доску мелким убористым почерком.

— ...итак, у каждой стихии есть то, чего не умеет никакая другая, — говорил он. — Вода помнит. Свет меняет облик. Тьма даёт покой. Земля держит, и запомните: держит всё. Если вам рассказывали, что маги земли годны только в стражу, вам рассказывала это корона, и у неё были причины. Сильнейших проще всего убедить, что они заурядны.

Брам, зашедший погреться, хмыкнул у двери: эту фразу он унесёт с собой и будет носить долго.

Вопросы после лекции задавали наперебой, но оставался всегда один и тот же слушатель. Каэль ждал, пока разойдутся, помогал стирать с доски и спрашивал — не то, что спрашивают дети.

— Вы сказали, тьма даёт покой, — донеслось до Мелиссы, задержавшейся у сундука с книгами. — А себе? Себе она покой даёт?

Мелисса, которой книга вдруг стала не нужна, увидела, как у Нанума на половину вдоха остановилась рука с тряпкой.

— Нет, — сказал он ровно. — Себе — нет. Ни одна стихия не работает внутри. Поэтому магам и нужны другие люди, Кай. Ещё вопросы?

— Один. — Мальчик собрал мел в коробку, аккуратно, по размеру. — Почему вы отвечаете мне, а смотрите в доску?

Пауза вышла такая, что Мелисса услышала, как оседает пыль.

— Потому что на доске ошибка, — сказал Нанум. — В третьей строке. Найдёшь — свободен.

Ошибки в третьей строке не было, Мелисса знала это точно, но Каэль послушно повернулся к доске, а Нанум вышел.

У выхода из разметочной, в тени косяка, стояла Лиора. Она не вошла и не окликнула, лишь смотрела, как её сын ищет несуществующую ошибку, которую оставил ему человек, не умеющий смотреть ему в лицо. Потом поймала взгляд Мелиссы, выпрямилась и ушла, унося спину прямой.

Три двери, подумала Мелисса. Все заперты изнутри. И все — в одном коридоре.

В медотсек она зашла за мазью для обветренных рук, а застала представление.

— Сиди смирно, — говорила Эрида, бинтуя Тобиасу ладонь. — Дёрнешься — перевяжу ту же.

— Я герой труда, — сообщил Тобиас Мелиссе через её плечо. — Ожог. Производственный.

— Третий за две недели, — сказала Мелисса. — И заметь, раны всё мельче. Прошлая была с ноготь.

— Огонь коварен.

— Огонь — твоя родная стихия, Тоби.

— Стихии меняются. Взрослеют. Становятся непредсказуемыми...

Бабка Ивва, перетиравшая травы в углу, издала звук, который у людей помоложе сошёл бы за смешок. Эрида завязала узел, на взгляд Мелиссы, ту же необходимого, и разгладила повязку ладонью. Задержав ладонь чуть дольше, чем требует медицина.

— Приходи вечером, сменю, — сказала она, не поднимая глаз.

— Ожог может воспалиться, — серьёзно подтвердил Тобиас. — Приду.

Уже на улице Мелисса не выдержала:

— Она же понимает, что ты нарочно.

— Конечно, понимает. — Тобиас подставил забинтованную руку солнцу, как трофей.

— Она же перевязывает. Знаешь, сколько у нас остаётся общего времени? Пятнадцать минут перевязки. — Он пожал плечами, и впервые за разговор из голоса ушло шутовство. — Я плачу за них кожей. По-моему, дёшево.

Мелисса хотела сказать что-нибудь ехидное, но не стала.

Война началась из-за муки, а могла из-за чего угодно: две хозяйки на одну плиту — это на одну больше, чем выдерживает любая кухня.

— Неучтённый расход! — Марта держала расходную книгу, как обвинительный акт. — Полпуда за неделю! У меня каждый сухарь посчитан до осени, а у неё мука уходит, как вода!

— Это не расход, это хлеб, — отвечала Кира голосом, от которого у поварят закладывало уши. — Дети должны знать, как пахнет сдоба. Хоть иногда. Или у тебя и запахи посчитаны?

— У меня посчитано всё!

Они стояли по разные стороны разделочного стола, как по разные стороны фронта, и лагерь третий день ел под этой грозой, вжимая головы. Худой мир рушился на глазах: Кира грозилась печь «из своего», которого не существовало, Марта запереть кладовую. Обе уйти, что было бы катастрофой в обоих случаях.

Мелисса влезла в это на четвёртый день, потому что больше никто не собирался. Эрвин на вопрос «может, вы?» ответил безмятежным «горе — как тесто, дитя», из чего следовало, что старик намерен пережить в стороне.

Она не стала мирить. Мирить их было всё равно что мирить огонь с водой, обе только укрепились бы в своём. Вместо этого она пришла к Марте с вопросом:

— На артельные обозы в дорогу кто печёт?

— Никто. Сухари берут.

— И сколько сухарей крошится в труху, не доехав? По твоей же книге?

Марта посмотрела в книгу. Потом на Мелиссу. Потом снова в книгу, и взгляд её стал задумчивым.

К Кире Мелисса пришла с другим вопросом:

— Дорожная выпечка, которая не черствеет неделю, это сложно?

— Это искусство, — сказала Кира с достоинством. — Моя бабка пекла подорожники, которые внуки доедали.

— Марта считает, что такого не бывает.

Договаривать не понадобилось.

Сработало бы сразу, будь Марта чуть глупее. Но к вечеру, когда обе уже сидели над расходной книгой, она вдруг подняла голову и посмотрела на Мелиссу поверх страниц долго, нехорошо.

— Это ты нас свела лбами, — сказала она. Не спросила. — Сначала к ней, потом ко мне. Думаешь, я считаю только сухари?

Кира замерла. В кухне стало очень тихо, и Мелисса поняла, что стоит на том самом краю, где одно слово решает, будет ли мир — или две обиды вместо одной.

— Свела, — согласилась она. Врать Марте было всё равно что врать книге. — А могла бы оставить как есть и слушать, как вы третий день травите весь лагерь.

Кира первой фыркнула — коротко, против воли. Марта держала паузу ещё удар сердца, потом опустила глаза обратно в книгу, и это было хуже любого ответа.

К ночи воюющие стороны спорили уже вместе — против трухи, сырости, и всего мира, который не понимает в подорожниках. Мука Киры превратилась из «неучтённого расхода» в «дорожный припас, статья седьмая», и обе были недовольны ровно настолько, насколько нужно, чтобы согласиться.

Недовольны Мелиссой.

— Хитрая, — буркнула Марта ей вслед, и это уже не было одобрением.

— Вся в мать небось, — добавила Кира, которая её матери в глаза не видела.

Мелисса шла через двор, слушала спину — и учила наизусть свой первый настоящий урок: кто сшивает, тот и колется. Чтобы двое перестали быть недовольны друг другом, нужен кто-то третий, кем недовольны оба.

Она вспомнила Элиаса, списки, вазы, «объяснять тебе разницу я не стану», и подумала, что, кажется, начинает его понимать. Люди, которые держат на себе чужие миры, не бывают любимы этими мирами.

Экспедиция вернулась в сумерках — четвёртая с зимы, и Мелисса поняла, что беда, раньше, чем открылись ворота нижнего въезда: по тому, как дозорный на кромке не махнул рукой. Привезённых детей не было. Волокуши шли пустыми.

Элиас, серый от дороги, спешился первым. Тобиас за его спиной был бледен и молчал, что пугало сильнее любых слов.

Совет собрали в разметочной, не дожидаясь ужина, но обрывки просочились наружу раньше, чем закрылась дверь. В лагере, где не спрашивают, слышат всё.

Маршруты патрулей сменены. Все. Пароли, посты, расписания — корона перетряхнула запад, как мешок. Розыскные листы висят теперь не только на трактах, но и в каждой деревне, и цифры под лицами выросли. А в Ковше, на рыночной площади, где осенью торговали яблоками, плотники третий день ставят высокий помост.

— Казни, — сказали в темноте у дверей, и слово пошло по двору.

Мелисса нашла Тобиаса у коновязи — он расседывал лошадь.

— Совсем плохо? — спросила она.

— Мы стояли в очереди у въезда в городок. Обычная очередь, телеги, проверка. — Он говорил в седло. — И он вычислил смену караула по теням на стене. По теням, Мэл. Сказал: «У них новый разводящий, уходим», — и через минуту на въезде уже трясли всех подряд. — Тобиас затянул ремень. — Я у него спросил потом, на уроке... он же учит меня держать два дара разом. Огонь и воздух — они дерутся во мне, а он показывает, как их... мирить. И я спросил: откуда тёмный знает, каково это, держать в себе то, что дерётся?

— И что он?

— Сказал: «Прочитал». — Тобиас наконец посмотрел на неё. — Мэл. Я вру лучше, чем он в тот момент.

Она промолчала. В углу, где лежали её вопросы, стало ещё на один теснее.

Снизу, от въезда, где разгружали последнюю волокушу, донеслись голоса.

— ...нужно больше времени, — говорил старик.

— Время — единственное, что у нас есть, — ответил Элиас. Ровно, как отвечают на давно решённый вопрос. — И единственное, что нам не принадлежит. Помост в Ковше достроят к новолунию.

Ветер отнёс остальное. Внизу засыпал лагерь: полторы сотни окон тёплого слюдяного света, дети, подорожники, перевязки, лекции, все их маленькие войны и все их маленькие миры.

Оттепель шла к ним с востока и пахла она не весной.

Глава 29. Площадь

Списки огласили за пять дней до новолуния, и в лагерь их принесла артель вместе с солью, железом и таким молчанием, что Марта не стала спрашивать, как прошла ярмарка.

Шесть имён. Не магов — укрывателей. Мельник, прятавший племянника в амбаре. Вдова, что выдавала дочку за слепую. Двое братьев-возчиков, возивших «не тот» груз. Старая травница. И Гарт отец Юны, которую вывезли ещё по осени; за самим Гартом четвёртая экспедиция и вернулась пустой.

Тот самый, кого не довезли.

Весть разошлась по каменоломне за час, и к вечеру лагерь раскололся.

— Мы можем успеть, — говорил Рид, молодой огневик, и вокруг него кивали. — Пять дней! Ночью, малой группой.

— А обратно? — Марта стояла со сложенными руками. — С шестью на руках, по весенней грязи, где каждый след — донос? Приведёшь погоню прямо к двумстам детям.

— Значит, будем сидеть и смотреть?!

— Значит, будем сидеть и смотреть.

Рид был сыном Марты, и это «сидеть и смотреть» она сказала не залу, а ему. Где-то у стены молчал Брам. Кузнец редко вставал на чью-то сторону вслух, а тут не встал бы и под пыткой: одна сторона была его женой, другая — сыном.

Совет собрался в разметочной, и впервые за всё время дверь не удержала тишину. Мелисса стояла у стены и смотрела, как ломается её новый дом: направо — те, кто рвался, налево — те, кто считал, и между ними стол, на котором лежали шесть имён.

— Шестеро против двухсот, — сказал Элиас. — Я произнесу это вслух, раз все думают. Любая попытка отбить их стоит лагеря.

— Ты быстро считаешь чужие жизни, — бросил Рид.

— Я считаю их медленно. — Элиас поднял взгляд, и Рид отступил на полшага, хотя тот не двинулся. — И я ещё не закончил. Посмотрите на этот помост как на работу, а не как на казнь. Шестеро укрывателей — из четырёх разных деревень, свезены в один город, объявлены за пять дней, глашатаи посланы по всем трактам. Корона не казнит так укрывателей. Корона так ставит сети. — Он положил ладонь на список. — Помост строят не для шестерых. Его строят для нас. Кто-то очень аккуратный хочет посмотреть, кто придёт. Кто дрогнет в толпе. Кто исчезнет из деревни в ту ночь. Ему не нужны эти шестеро. Ему нужно доказательство, что мы есть и что мы рядом.

В разметочной стало тихо. Мелисса задумалась над его словами.

— И потому мы поедem, — закончил Элиас. — Втроём. Смотреть. Мне нужны глаза на этой площади: я хочу знать, как корона теперь делает свою работу. Брам. И... — взгляд нашёл Мелиссу у стены, — воздух. Ветер носит слова по площади лучше любого шпиона. Остальным — запрет. Полный. Эрвин?

— Полный, — сказал старик, и одного слова хватило.

Юна стояла в дверях. Никто не видел, когда она вошла, маленькая, с косой, с янтарными глазами, которых не должно было быть на этом собрании. Она обвела всех взглядом, задержалась на Элиасе, потом на Мелиссе и вышла, не сказав ни слова.

Ковш встретил их ярмарочным гулом, город не притих. Город готовился смотреть.

Они вошли поодиночке, с обозом артели, с честными бумагами и в амулетах, глушивших цвет глаз до серого. Площадь Мелисса увидела с торговых рядов и остановилась так резко, что Брам толкнул её плечом.

Она знала эту площадь. Не эту — свою. Из сна, что снился ей с шести лет: серые камни, низкое небо, закрытые лавки и фигуры в тёмных плащах, выходящие из переулков разом, со всех сторон. Сон, с которого всё началось. Только теперь между нею и плащами стояла толпа и проснуться было нельзя.

«Вставай, Мелисса», — сказал в её памяти голос Нанума. Она сглотнула и пошла за Брамом.

Помост был высокий, свежего дерева, с перекладиной на шестерых, и плотники сделали работу на совесть — это было видно, и от этого мутило. По четырём углам площади стояли инквизиторы. Ещё четверых Мелисса увидела на крышах. А на балконе ратуши, над сукном с королевским гербом, стоял человек с цитрином в глазах.

Люциан не смотрел на помост. Он стоял, сложив руки на перилах, со скукой человека, пришедшего на плохой спектакль. Глаза его шли по толпе, просматривая ряд за рядом, лицо за лицом. Он искал не слёз — они на казнях у всех. Он искал тех, кто плачет неправильно, кто смотрит не туда.

Мелисса опустила плечи, придала лицу скучающую усталость. Так Нанум учил её носить чужое выражение без всякой личины и повела ветер. Тонко, как будто разводила дым: обрывки с балкона, скрип досок, молитву травницы себе под нос, одну и ту же строчку по кругу.

Шестерых вывели под барабан. Отец Юны шёл предпоследним: большой, медленный, с руками бондаря, привыкшими к обручам, а не к верёвкам. Уже на помосте он поднял голову и стал искать. Так же, как Люциан, только тот искал своих, чтобы найти, а этот — чтобы не найти.

Глашатай развернул лист. Слова были казённые: «скверна», «укрывательство», «искоренение», и толпа глотала их молча.

— Гарт, бондарь, — дочитал глашатай. — Укрывал одарённую. Признан виновным. Где девчонка, Гарт? Корона милостива к тем, кто выдаёт.

Площадь замерла. Мелисса услышала, как её собственное сердце стучит в ушах, и повела ветер к помосту ещё ближе, чтобы не пропустить ни слова.

Гарт посмотрел поверх толпы. Куда-то за крыши, на запад.

— Померла, — сказал он. — Зимой ещё. Лихорадка.

И больше не сказал ничего.

Мелисса стояла в толпе, держала ветер и понимала, что присутствует при последнем подарке, который отец делает дочери: он дарил ей смерть на бумаге, чтобы у неё была жизнь. И никто на этой площади, кроме неё, не узнает, что это был подарок. А потом она увидела Рида.

Он стоял в двадцати шагах, у лотка с упряжью. Ему был объявлен полный запрет и этот запрет его не остановил. Он увязался за обозом, дурак, спрятался среди чужих телег и мешков и теперь стоял здесь, и лицо его было именно таким, каких искал человек на балконе. С той самой ненавистью, которая не смотрит, а целится. Воздух вокруг его кулаков уже дрожал маревом, как над летней дорогой.

Пять ударов сердца, именно так она потом вспоминала это расстояние. За пять ударов она прошла двадцать шагов, взяла Рида под руку, как берут мужа, устав от ярмарки, и повисла на нём всем весом, разворачивая от помоста к лотку.

— Вон тот ремень посмотри, — сказала она громко, капризно, чужим голосом. И тихо, в самое ухо, на выдохе: — Вспыхнешь и он выиграл. Всё, ради чего умирает Гарт, сгорит с тобой за минуту. Дыши. Смотри на ремень. Дыши.

Марев дрожало. Под её пальцами рука Рида была каменной, и целую вечность решалось, чем станет эта площадь. Он наконец выдохнул, плечи опустились.

— Ремень дрянь, — сказал он мёртвым голосом.

— Вот и я говорю. Пойдём.

Она уводила его торговыми рядами, держа под руку, болтая о ценах чужим капризным голосом, и спиной чувствовала балкон. У поворота не выдержала и глянула из-под платка.

Люциан смотрел в их сторону. Секунду. Две.

Скучающий взгляд прошёл сквозь них — ссора ярмарочной парочки, дешевле некуда — и поехал дальше.

За их спинами ударил барабан, затем колокол. И толпа издала звук, который Мелисса запретила себе забывать. Она не обернулась, смотрела на дрянной ремень, держала под руку Рида и считала про себя: Гарт. Мельник. Вдова. Двое возчиков. Травница.

Помни.

Обратно ехали, посадив Рида в хвост обоза, и Элиас за три ночи пути не сказал ему ни единого слова. Брам ехал впереди и тоже молчал. Он ни разу не обернулся на сына.

В лагерь вернулись к ночи. У нижних ворот, несмотря на час, горел фонарь, и первой из темноты метнулась Марта.

— Живой! — Она встряхнула Рида за плечи так, что у того клацнули зубы. — Ах ты негодник! Две ночи ни слуху ни духу! Я уж тебя мысленно похоронила, дурья твоя голова! — И тут же отвесила ему подзатыльник, какой достаётся только живым и очень любимым. — Живой...

Марта получила своего обратно. А чуть в стороне, под фонарём, завернувшись в большой не по росту платок, сидела Юна и ждала того, кто не вернётся уже никогда.

Она не спросила ничего. Дождалась, пока Марта уведёт Рида за ухо, посмотрела на их лица и ушла в темноту. Мелисса догнала её у входа в жилые штольни.

— Юна. Твой отец сказал им, что ты умерла от лихорадки.

Девочка остановилась.

— Это было последнее, что он сказал. Он соврал короне в лицо. — Мелисса опустилась на корточки, чтобы глаза были вровень. — Мой отец однажды сделал так же. Я узнала об этом только этой зимой, двенадцать лет спустя. Тебе не придётся ждать. Ты будешь знать сразу: он умер, защищая тебя, и сделал это спокойно.

Юна смотрела на неё, и в янтарных глазах стояло сухое, страшное детское горе, которому ещё не выдали слёз.

— Он теперь... всё? Его совсем нет?

— Его тело — да. — Мелисса взяла её ладони в свои. — Но помнить — это работа, Юна. Тяжёлая, каждый день. Я делаю её давно, у меня целый список. Я возьму твоего отца в свой и будем работать вместе. Вдвоём легче.

Девочка молчала долго. Потом слёзы наконец пришли, и она позволила себя обнять.

Той ночью Мелисса сидела у детской лежанки, пока не выровнялось дыхание под платком, и добавляла к своему списку имя: Гарт, бондарь, отец.

Наказание Элиас откладывать не стал.

Наутро он собрал во дворе весь лагерь, и Мелисса поняла, что детей он оставил нарочно. Рида вывели к столбу у старой отцовской кузни, и никто не выбирал это место со зла: столб стоял там, где стоял всегда.

— Ему объявили полный запрет, — сказал Элиас. — Он пошёл за нами в Ковш. Один его белый взгляд в той толпе и невод захлопнулся бы на всех вас.

Он снял плащ и, не оборачиваясь, протянул назад. Плащ принял Брам.

Кузнец взял его обеими руками. Держать плащ человека, который сейчас поднимет плеть на твоего сына, и не двинуться — это тоже была работа, и Брам делал её так же, как всякую свою: молча и до конца. Кузнец ни разу не посмотрел на Рида. Марта же стояла в первом ряду и не отвернулась.

— Я наказываю за то, что непослушание едва не стоил двух сотен жизней.

Плеть Элиас держал так же, как перо. Ударов было немного. Рид не кричал, при матери тем более не стал бы. Только на третьем коротко выдохнул сквозь зубы, и этот звук Мелисса тоже занесла в список, хотя не смогла бы сказать, чьим именем его подписать.

Когда всё кончилось, Брам вернул плащ и ушёл в кузню разжигать горн: железо не ждёт, а рукам надо было дать работу, пока они не сделали того, о чём кузнецу нельзя было даже думать. Рида увела Марта, подставив плечо, ругая вполголоса и уже готовя мазь: её любовь всю жизнь выходила из неё бранью и делом. Других слов у Марты не водилось.

Элиас надел плащ, и лицо у него было такое же, как над расходной книгой, как над списком имён, как над печатью в склепе. Он снова был прав. Это было хуже всего — что он опять оказался прав и что правота его пахла плетью, требовала зрителей и заставляла отца держать ей плащ.

Той же ночью, в разметочной, Элиас собрал совет, разложил на столе всё, что принесли ветер, глаза Брама и его собственный счёт, и сказал то, что двор потом повторял неделю:

— Теперь я знаю, как они ловят. Значит, знаю, как ловить их.

Глава 30. Горн

После Ковша лагерь три дня говорил вполголоса. От той особой усталости, что наваливается, когда беду переждали, а горевать по ней ещё не научились. Шесть имён висели над каменоломней. Юна не выходила к общему столу. Марта носила ей еду сама, возвращалась с полными мисками и никому об этом не говорила, а убыток в книгу заносить не стала. Единственный расход за всю зиму, который она не сочла.

Мелисса работала. Ночью вычёсывала дым по трещинам: весна не отступала, гора всё норовила закуриться, а выдать себя столбом дыма значило выдать всех. Работа была тихая и важная, и доставалась ей потому, что воздушники поопытнее стояли на постах по кромке чаши. Их было немало: в лагере вообще не водилось пустых. Старшие слушали ветер за десять вёрст и перебрасывали весть с поста на пост быстрее любого гонца. Расчёсывать дым им было некогда. Мелисса так далеко пока не слышала и ветром через горы не говорила.

Кузня работала без роздыха.

Это она заметила на второй день. Горн у Брама гудел от темна до темна, будто кузнец решил перековать весь запас железа в лагере разом. Он бил молотом так ровно и долго, что звук стал частью каменоломни. И по этому звуку все понимали, не спрашивая, что сын кузнеца ещё не встал к наковальне рядом с отцом.

Рида она нашла на третий день.

Он сидел на перевёрнутом ведре. Спиной к миру, лицом к камню. Спину ему Марта смазала и стянула холстиной.

Мелисса впервые смотрела на него не в толпе и не в дыму. Черты были отцовы — с востока за трактами, где она никогда не бывала; но там, где у Брама лицо было рубленое, у сына оно смягчалось глазами, крупными, материнскими, из-за которых даже сейчас, злой и униженный, он казался моложе своих лет. Рубин в них горел ровно. Огонь, которому пока некуда было деться, кроме как внутрь.

— Пришла посмотреть? — Голос был молодой и злой. — Все уже приходили. Займи очередь.

— Очереди нет. — Она села на камень рядом, не слишком близко. — Все делают вид, что тебя тут нет. Так вежливее.

— А ты, значит, невежливая.

— Я с Угольного Холма. У нас вежливость дорого стоила, не держали.

Он не засмеялся, но что-то в плечах у него сдвинулось.

— Он и меня почти прикончил, — сказала она, глядя не на него, а на стену, чтобы ему было легче. — Зимой. В своём кабинете.

— Тебя выпороли?

— Не удостоил. — Она пожала плечами. — Обозвал куриным умом и подумал вслух, не запереть ли меня или сразу убить. Я потом три дня решала, что обиднее: плетё или «куриный».

Рид повернул голову. И она снова увидела то, что заметила ещё на площади: он не умел держать лицо. На нём было всё разом, злость, стыд и то детское, беззащитное удивление, что с ним говорят не как с провинившимся щенком.

— Как ты это делаешь? — спросил он вдруг.

— Что?

— Прячешь. Там, на площади, у тебя лицо было такое... Баба, которой надоел муж и ярмарка. А внутри у тебя что в ту минуту было?

— Гарт, — сказала она честно. — И ещё пятеро.

Он отвернулся.

— Я так не умею. Мать говорит, по моему лицу читают, как по вывеске, и эта вывеска однажды всех нас повесит. На площади чуть не повесила.

— Знаю. Я держала твою руку, когда она собиралась.

Он поморщился.

— Я знал, что глупо, — это было не оправдание. — Ещё когда лез в обоз, знал. Там человека вели вешать, а я стоял и торговался за ремень. Как можно? Стоять и смотреть?

— Это и есть самое трудное. Не ударить, не сжечь, а стоять и смотреть. У тебя не вышло. Если и дальше не выйдет, то убьёт. Или кого-то рядом.

Рид не вспыхнул, опустил голову.

— Мать смотрела, — сказал он тихо. — Когда пороли. Я не про спину, спина заживёт. Я про её лицо. Она ведь ведёт счёт всему. Сухари, дни, люди. А тут стояла и не считала. Первый раз в жизни не могла свести вычитание. — Он сглотнул. — Лучше бы отвернулась.

— Не отвернулась именно потому, что тебе было бы легче, если бы отвернулась, — сказала Мелисса. — Марта не делает того, что легче. Ни себе, ни тебе. Это, по-моему, и называется мать.

Он посмотрел на неё так, будто она сказала вслух то, до чего он сам не дошёл. А её в этот миг накрыло — не вовремя, некстати, стыдно. Она сидела рядом с парнем, которого высекли при всём лагере, у которого горела спина и горело унижение, и завидовала ему так, что перехватило горло. У него была мать, которая могла смотреть. Отец, который три дня бил молотом, потому что не знал, куда деть руки. Оба живы, оба в двух шагах, в одной штольне. Ему было что терять. Он просто ещё не знал, что это значит, а она знала слишком хорошо.

— Береги их, — сказала она, поднимаясь. — Пока они у тебя есть. Это не нотация. Это единственное, что я умею лучше тебя.

Она уже отвернулась, когда он сказал в спину — неловко, злясь на себя за то, что вообще говорит:

— Мать зовёт тебя «полезной». Некоторые «двухцветной». — Он помолчал. — А ты просто злая девка с Угольного Холма, которой тоже досталось.

Мелисса застыла на полушаге.

Злая девка, которой досталось.

— Спасибо, — сказала она, не оборачиваясь, потому что лицо у неё сейчас было хуже, чем у него на площади.

— За что?

Она ушла, пока не пришлось объяснять, что благодарит его за то, что он единственный в этом лагере не нашёл ей применения.

Вечерами лагерь учился драться.

Мелисса стояла в этом строю сама: восемнадцать ей сравнялось ещё до Ковша, а значит, по новому правилу Элиаса место её было не только у дымовых ходов. На нижнем уступе, ровном и невидимом с трактов, собирались все, кому вышел срок.

Здесь ей не надо было прятать вторую стихию. Это оказалось самым странным и самым сладким за все годы. Поднять разом ветер и воду и не поймать на себе чужого испуга. В лагере двухцветная была не приговором, а лишней парой рук.

Учили двое.

Элиас ставил тело: где стоять, куда падать, как ударить первым, и как сделать, чтобы первого удара не понадобилось. Нанум ставил дар: не «сильнее», а «точнее», не «больше», а «вовремя». Один говорил телу, другой стихии, а между собой они не говорили вовсе. Мелисса, однажды поймавшая этот танец, больше не могла его развидеть: как Элиас, кончив с рядом,

отступал ровно настолько, чтобы Нануму хватило места, и ни на шаг ближе; как Нанум принимал ряд, не поднимая на него глаз; как оба за целый вечер ни разу не оказывались в одной точке.

В тот вечер ей впервые удалось то, над чем она билась неделями: поднять воду и ветер одной связкой. Не по очереди, а вместе, как Шамаш показывал про пыль и ветер. Вихрь вышел влажным и злым, сбив колышек с двадцати шагов.

— Уже не позор, — обронил Нанум, проходя мимо. У него это почти значило «хорошо».

Каэль путался под ногами весь вечер.

Восемнадцати ему не было и близко, в строй его не пускали, но и прогнать никто толком не умел. Он держался с краю, повторял чужие движения тощими руками, ловил воображаемый ветер и всё время оказывался то у Элиаса, то у Нанума.

Мелисса смотрела как мальчик с чёрными кудрями и пурпуром в глазах жался к человеку, который был ему отцом, и к человеку, за которым была замужем его мать, и ни один не мог ни притянуть его, ни оттолкнуть.

— Покажи, как ты, — сказал Каэль, вынырнув у её локтя. — Ту, воду с ветром. Элиас говорит, мне рано. И Нанум то же.

— Ты зовёшь отца просто по имени?

Прогнать его она не смогла как не смогла когда-то пройти мимо тощего мальчишки у телеги с дровами, сунув ему горбушку.

— Рано, — согласилась она. — Но дышать не рано никому. С этого всё и начинается.

Она раскрыла ладонь, и над ней завертелся маленький вихрь размером с воробья.

За спиной, она чувствовала, как Элиас и Нанум — каждый со своего края, каждый молча — смотрели, как чужая девчонка учит их сына держать в ладони ветер. И впервые за весь вечер оказались, сами того не заметив, в одной точке. В ней.

На четвёртый день Рид встал к наковальне.

Мелисса увидела это сверху, от дымовых ходов: малая фигура рядом с большой у красного зева горна. Брам не сказал сыну ни слова, она была слишком далеко, чтобы слышать, но по тому, как они двигались, слов и не было. Отец кивал на железо, сын совал полосу в огонь; отец показывал ладонью, выше, ниже, и сын бил. Медленно, криво, всё не так. Брам молча возвращал заготовку в горн, и всё начиналось сначала. Но под молотом из прямой полосы понемногу выгибалась дуга.

И она подумала, что весь этот лагерь, если приглядеться, занят одним и тем же. Учил огонь не жечь, а ковать. Воду не топить, а помнить. Уцелевших не мстить, а ждать. Гора держала тепло иссякшей жилы, люди держали друг друга. Может, из этого однажды и правда выйдет дом.

Внизу, у разметочной, стоял Элиас. Смотрел на кузню, на отца с сыном у горна. Лицо у него было закрытое, как всегда, и Мелисса не бралась гадать, что считает человек, который считает всё. Но подумала, что даже он знает разницу между тем, кто куёт, и тем, кто только клеймит.

Он поднял голову, будто услышал мысль, и нашёл её взглядом через всю каменную чашу. Та, что вычёсывает дым, и тот, что научил корону читать этот дым по-своему. Секунду они смотрели друг на друга. Элиас отвернулся первым и ушёл в разметочную, где на столе, она знала, уже лежал новый план, про который он сказал: «Знаю, как ловить их».

А в чаше пахло углём, горячим железом и хлебом. Кира всё-таки затопила печь. Значит, в этом доме решили, что пора снова жить.